

Л.Я. ГОЗМАН

ПСИХОЛОГИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСНОГО УНИВЕРСИТЕТА

1987

Книга посвящена проблеме эмоциональных отношений между людьми. С привлечением широкого фактического материала рассматриваются причины возникновения симпатий и антипатий в паре, закономерности формирования и развития чувства любви, психологические особенности распада отношений, условия их стабилизации, изменение качественных характеристик эмоциональных отношений во времени, их связь с личностными особенностями людей. Анализируется возможность использования полученных результатов в практике индивидуального и семейного психологического консультирования.

Рассчитана на психологов, психотерапевтов, социологов, педагогов, студентов и аспирантов соответствующих специальностей, работников служб психологической помощи населению.

ОТ АВТОРА

Эта книга посвящена проблемам возникновения, развития, стабилизации и распада эмоциональных отношений между людьми. Симпатия и антипатия, дружба и вражда, любовь и ненависть отнюдь не принадлежат к числу тех феноменов, анализ которых стимулируется лишь запросами практики или логикой развития науки, а интерес ограничивается профессиональной заинтересованностью узкого круга специалистов. Наоборот, огромная объективная и субъективная значимость эмоциональных отношений между людьми делали их на всех этапах развития культуры предметом самого пристального внимания со стороны писателей, художников, философов и представителей других областей гуманитарного знания. Среди тех, кто обращал свой взор к проблеме эмоциональных отношений были Платон и Аристотель, Спиноза и Локк, Пушкин и Чехов — этот список можно продолжать до бесконечности. Однако наличие великих предшественников не только помогает анализу какого-либо явления, но и зачастую сковывает инициативу как отдельных исследователей, так и целых научных сообществ. По-видимому, это связано и с вполне объяснимым, хотя и неадекватным, ощущением того, что «все уже сказано», и с результатом трезвого сравнения своих собственных возможностей с возможностями выдающихся ученых и мыслителей прошлого. И, как это ни парадоксально, психология — наука о душе — до сих пор лишь крайне редко и фрагментарно исследовала проблему эмоциональных отношений.

Многим из нас кажется, что в области эмоциональных отношений между людьми все понятно, никаких неясных вопросов нет. К сожалению, собственный опыт дружбы и любви слишком часто разбивает эту уверенность — наши близкие, да и мы сами совершаем неожиданные поступки, отношения, казавшиеся незыблемыми, рушатся, а новые возникают часто там, где мы их не ждали. Психологическое исследование эмоциональных отношений между людьми и необходимо для того, чтобы внести ясность в вопрос

о том, почему возникают, как развиваются и по какой причине распадаются столь значимые для нас эмоциональные отношения с другими. Однако осуществление такого исследования практически невозможно, если ставить своей целью интеграцию всех тех выводов и идей, которые вы-

сказывались по этому вопросу в различных сферах науки и искусства. Задача автора была в данном случае много скромнее. Эмоциональные отношения — явление комплексное, требующее междисциплинарного исследования. Подключение разных наук к изучению одного и того же аспекта реальности возможно и необходимо тогда, когда описание рассматриваемых феноменов с точки зрения одной дисциплины не является повторением, калькой анализа его с позиции другой. Комплексность, междисциплинарность объекта — эмоциональных отношений и позволяет предположить, что его психологическое исследование может дать нечто новое по сравнению с философскими, историческими, этнографическими линиями анализа и с анализом в рамках искусства. В работе была предпринята попытка, не «конкурируя» ни с искусством, ни с философией или другими гуманитарными науками, рассмотреть те факты и закономерности генезиса эмоциональных отношений, которые проявляются при анализе этого феномена психологическими методами, прежде всего методами экспериментальной социальной психологии. В книге, таким образом, речь пойдет не об эмоциональных отношениях в целом, а только о тех их аспектах, которые могут быть предметом профессионального психологического исследования. Этой установкой объясняется и некоторое сужение привлекаемого для обсуждения материала — это в основном результаты эмпирических исследований, как советских (в том числе и самого автора), так и зарубежных психологов. Философская же и художественная литература привлекается лишь с целью иллюстрации тех или иных положений. Такое ограничение приводит, с одной стороны, к некоторому обеднению феноменологии эмоциональных отношений, но, с другой — позволяет четко выделить те их нетривиальные специфические закономерности, которые становятся ясными лишь в результате психологического исследования,

Эта книга была подготовлена на основе спецкурса, читавшегося в течение ряда лет на факультете психологии МГУ и в 1981 г. — на отделении психологии Тартуского государственного университета. Выражаю искреннюю признательность всем моим слушателям, внимание которых было важным стимулом в работе над книгой.

Считаю также своим приятным долгом выразить глубокую благодарность профессорам Г. М. Андреевой и И. С. Кону, идеями которых я пользовался и поддержку которых ощущал на всех этапах работы, коллегам по кафедре социальной психологии МГУ за творческую и доброжелательную атмосферу в нашем коллективе, работавшим вместе со мной студентам; моим друзьям и коллегам — Ю. Е. Алёшиной, В. С. Магуну, А. М. Эткинду, оказавшим существенную идейную и практическую помощь в проведении исследования; М. С. Егоровой, в постоянных обсуждениях с которой осуществлялась вся работа. Профессиональные и эмоциональные отношения автора с названными здесь людьми сделали возможным появление этой книги.

ГЛАВА I

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. ПРОБЛЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Семиология современной социальной психологии исключительно многозначна. Часть используемых в научной литературе понятий имеют не одно, а несколько значений, покрывают весьма разнородные аспекты реальности. Это связано прежде всего с тем, что многие понятия, являясь одновременно и обыденными, распространены не только и не столько, в рамках науки, но и литературном, и даже в разговорном языке. Различно и происхождение входящих в аппарат психологической науки понятий — это и термины, заимствованные из других наук, и изменившие в той или иной степени свое значение элементы обывденной речи, и, конечно, собственно психологические понятия. Закономерны поэтому те терминологические трудности, которые встают при проведении психологических исследований, особенно тогда, когда предметом научного анализа выступают такие значимые для каждого человека явления, как симпатия и антипатия, дружба и вражда, любовь — класс феноменов, которые можно обозначать словосочетанием «эмоциональные отношения».

Определение понятий есть первый и необходимый шаг любого исследования. При изучении эмоциональных отношений между людьми возможны два пути решения этой задачи. Первый — тщательный анализ и сопоставление содержания тех понятий, которые используются в науке для обозначения данного феномена или близких ему явлений. В список этих понятий войдут прежде всего симпатия, эмпатия, привлекательность, влюбленность, любовь и т. д. Понятиями более высокого уровня будут межличностное восприятие, социальные установки, общение, меж-

6

личностные отношения и многие другие. Такой анализ позволил бы установить связи между различными: терминами, определить те аспекты реальности, которые они «покрывают», и, в конечном счете, дать приемлемую дефиницию самих эмоциональных отношений. Это путь, который условно можно обозначить как путь от научных конструктов к реальности. Второй путь — от реальности к конструктам — предполагает ориентацию не на служившийся терминологический аппарат, а на содержание самого исследуемого явления, в данном случае — эмоциональных отношений, представляющих собой некую реальность, существующую вне зависимости от попыток ее исследования и научного определения. Первый путь более традиционен и академичен, второй же дает больше шансов на то, что содержание феномена эмоциональных отношений не будет выхолощено, утрачено в процессе его научного описания и анализа. Второй путь представляется нам более предпочтительным. /Говоря об отношениях между людьми, мы обращаемся одновременно к двум классам явлений. Это, во-первых, некая система взаимодействия, контактов, связей (в социально-психологической литературе именно этот круг явлений обычно охватывается понятием «эмоциональные отношения»), во-вторых, оценка субъектом самих этих взаимодействий и контактов и, главное, участвующ-

щих в них партнеров («у нас хорошие отношения», «я плохо к нему отношусь»). Эта оценка всегда носит ярко выраженный эмоциональный характер и может быть названа эмоциональным компонентом или эмоциональным аспектом межличностных отношений

Два этих аспекта — «объективный» и оценочный — хотя и тесно переплетены друг с другом и даже не существуют друг без друга, относятся тем не менее к различным аспектам реальности — это объективные, доступные для внешнего наблюдения процессы, с одной стороны, и их субъективное (эмоциональное) отражение — с другой.

Конечно, любые межличностные отношения и любые реализующие их акты общения имеют тот или иной эмоциональный (или оценочный) компонент. Более того, оценочный аспект присутствует не только в собственно межличностных отношениях, но и в отношениях, в которых одним из субъектов выступает индивид, а другим — (слово ропущено...) Оценочный аспект существен даже и для общественных отношений, по крайней мере, в той степени, в которой они реализуются в процессе межличностного общения [8]. То же касается отношений между людьми межличностных — то одним из критериев для их типологизации может быть как раз степень выраженности эмоционального или оценочного компонента. В некоторых межличностных отношениях он представлен сравнительно слабо и не влияет ни объективно, ни субъективно на развитие отношений. Примером могут служить, в частности, сугубо деловые отношения между малознакомыми людьми — ни частота контактов, ни их содержание, не будут в существенной мере определяться тем, как партнеры относятся друг к другу. В других же межличностных отношениях эмоциональный компонент не только субъективно представляется важнейшим, но и объективно определяет нынешнее состояние и дальнейшее развитие взаимодействий. Именно такие межличностные отношения (их примером могут быть симпатия и любовь), которые мы впредь будем называть эмоциональными отношениями, и станут предметом рассмотрения в данной книге. Задачей же данной работы является прояснение закономерностей возникновения, развития, стабилизации и распада эмоциональных отношений в паре.

Межличностные отношения являются одной из важнейших и наиболее подробно изученных, как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне, проблем социальной психологии. К настоящему времени советскими учеными накоплен ценный фактический материал по этой проблеме и построены интересные теоретические модели [см., например, 8, 16, 18, 52, 54]. Вместе с тем и потребности практики, и традиции советской социальной психологии привели к неравномерности в изучении различных аспектов проблемы, в частности сравнительно малоразработанной оказались, именно эмоциональные отношения, такие, как симпатия и антипатия, дружба и вражда и т. д.

Исследование эмоциональных отношений — назревшая для советской социальной психологии задача, решение которой важно и по собственно научным и по практическим основаниям. Главным из собственно научных оснований является тот факт, что до сих пор в сознании многих людей они остаются своего рода бастионом индетерминизма. Развитие психологии, в том числе и социальной, привело к утверждению материалистического понимания психических феноменов, состоящего в выявлении с по-

мощью научных методов их причинной обусловленности. Однако, как отмечает А. В. Петровский, «... можно привести большое число психологических (и еще больше педагогических) работ, где межличностные отношения представлены как некие идеальные силы, ни в чем не материализованные и никак не опредмеченные, а потому не поддающиеся конкретному исследованию» [75, с. 36]. В еще большей степени, на наш взгляд, это относится к чрезвычайно важным для человека эмоциональным отношениям. Большинство психологов «обходят» эмоциональные отношения, как бы предполагая, что они принципиально недоступны научному познанию. При их упоминании подчеркиваются те свойства, которые отличают их от других явлений, например, отмечается спонтанность эмоциональных отношений, которая рассматривается не как закономерное проявление личностных особенностей участников общения, а как антитеза причинности. В то же время моменты сходства и родовидовые связи эмоциональных отношений с другими психическими явлениями, которые и делают эти феномены познаваемыми, часто игнорируя их. Эмоциональные отношения, таким образом, выводятся из сферы науки. Их демистификация, включение в сферу научного анализа необходимы для дальнейшего развития материалистической психологии. Кроме того, ни одна модель человеческого поведения не может считаться достаточно полной и адекватной, и будет сохранять печать сциентистского высокомерия по отношению к людям до тех пор, пока она не ассимилирует столь важные для человека феномены, как симпатия, дружба и любовь.

Не менее серьезным основанием для развертывания исследований эмоциональных отношений являются запросы практики. По выражению Маркса, «... развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении» [1, с. 440]. Эта связь развития одного человека с развитием других тем сильнее, чем ближе отношения между людьми. Углубление понимания закономерностей эмоциональных отношений становится, следовательно, одним из условий обеспечения всестороннего развития личности.

Исследование эмоциональных отношений необходимо и для решения социально-демографических проблем. В последние годы в развитии института семьи в нашей стране наблюдается ряд негативных моментов — растет число разводов, увеличивается количество одиноких людей, которые не могут найти себе супруга, и т. д. [10, 91, 95, 105]. Для разработки мероприятий по противодействию этим явлениям требуется более активный анализ лежащих в основе семьи эмоциональных отношений. Трудности, с которыми сталкиваются люди при установлении и развитии эмоциональных контактов, свидетельствуют о том, что для решения этих проблем просто здравого смысла и жизненного опыта далеко не всегда бывает достаточно. Знание закономерностей формирования и распада эмоциональных отношений необходимо и для организации психокоррекционной работы в рамках службы семьи или в рамках каких-либо иных организационных форм. Опыт показывает, что значительная часть клиентов видят причину своих трудностей именно в нарушениях в сфере эмоциональных отношений.

Нельзя абстрагироваться от эмоциональных отношений и говоря о проблемах воспитания. Еще Д. Локк отмечал, что «никто не может жить в

обществе под гнетом постоянного нерасположения и дурного мнения своих близких и тех, с кем он общается» [54, с. 36]. Следовательно, эмоциональные отношения необходимо использовать в ходе воспитательного процесса. Для советской педагогики целью воспитания являлся человек, а коллектив, отношения в коллективе — средством воспитания. Исторически сложилось так, что в советской педагогической науке наиболее разработанными оказались моменты! влияния на личность системы формальных отношений в коллективе, неформальные же отношения, наиболее! «нагруженные» эмоциональным компонентом, стали привлекать к себе внимание сравнительно недавно / (см. об этом работы Л. И. Новиковой [65], А. В. Мудрика [61, 62], Г. И. Щукиной [101] и др.). /

При исследовании эмоциональных отношений необходимо постоянно помнить об их двойном содержании — это одновременно и объективный процесс взаимодействия и обмена информацией между людьми, и оценка ими друг друга.

Первая ипостась феномена эмоциональных отношений изучается в русле проблематики общения, вторая имеет более сложную «ведомственную принадлежность» — именно к ней относятся те имплицитно присутствующие во многих работах представления об индетерминизме и непознаваемости, о которых говорилось выше.

Для того чтобы и этот оценочный аспект эмоциональных отношений стал предметом научного анализа, необходимо соотнести его с другими психологическими и социально-психологическими явлениями, вскрыть родовидовые отношения, связывающие его с другими, традиционно изучаемыми феноменами, такими, как межличностное восприятие, социальная установка и т. д.

В последние годы в советской и зарубежной психологии в качестве термина, родового для широкого круга феноменов эмоциональных отношений (еще раз повторим, что имеется в виду их оценочный компонент), от симпатии, возникающей на самом первом этапе знакомства, до любовных переживаний, утвердился термин «аттракция» (синоним — «межличностная аттракция»). «Права гражданства» этому термину дал международный справочник психологических исследований *Psychological Abstracts*, который X 1965 г. выделяет работы, посвященные проблеме аттракции, в специальный раздел. Термин «аттракция» представляет собой кальку английского слова *attraction*, которое словарь Вебстера определяет как притяжение в физическом смысле, отмечая, что это одновременно и некоторая тенденция к объединению. Естественно, для уяснения психологического смысла термина и его соотношения с другими феноменами такого определения недостаточно. Обратимся к специальным психологическим словарям и энциклопедиям. Большинство из них об аттракции вообще не упоминает. Среди немногих исключений «Краткий психологический словарь», определяющий аттракцию как «понятие, обозначающее возникновение при восприятии человека человеком привлекательности одного из них для другого» [48, с. 26] и словарь Инглиш и Инглиш [137], определяющий ее как такую особенность объекта, которая способствует вовлечению человека в совместную с этим объектом активность. В то же время отмечается, что; хотя аттракция приписывается объекту, на самом деле — это характеристика взаимодействия между челове-

ком и объектом. Таким образом, аттракция объекта определяется потребностями и желаниями человека, его оценивающего, не в меньшей степени, чем характеристиками самого объекта.

К сожалению, и эти достаточно подробные дефиниции не дают адекватного представления о том, что понимают под аттракцией ее исследователи. Сами же они либо вообще не дают определения аттракции, либо дают определения чрезвычайно краткие, не согласующиеся не только друг с другом, но иногда даже с подходом к этой проблеме самого автора.

Такая терминологическая неясность имеет, помимо новизны темы, и ряд других причин. Назовем лишь одну из них. В социально-психологической литературе наряду с термином «аттракция» существуют и другие термины, очень близкие ему по смыслу, содержание которых частично даже пересекается с содержанием, вкладываемым в понятие аттракции¹. Это либо побуждает ученых, исследующих аттракцию на эмпирическом уровне, вообще отказываться от определения, ссылаясь на общепринятые представления, либо диктует необходимость отделения аттракции от сходных феноменов и при-

¹ В этой связи необходимо отметить термин «attachment» — привязанность, использующийся в основном в детской- психологии и психологии "развития и характеризующий, прежде всего неравноправные, зависимые отношения, например, отношение маленького ребенка к матери. Такое содержание этого термина соответствует и этимологии слова attachment. Так, среди его значений — подписка о невыезде, уведомление об аресте. Термин же «аттракция» используется для характеристики отношений, равных (по крайней мере, теоретически) партнеров.

12

водит к громоздким, с трудом переводимым на операциональный язык, дефинициям.

Таким образом, для решения задачи соотнесения эмоциональных отношений с другими явлениями необходимо обратиться к самому содержанию феномена аттракции, ориентируясь вначале на интуитивные, «вне-научные» представления о нем, — в конце концов именно факт присутствия аттракции в реальной жизни до и вне зависимости от ее изучения и определений является стимулом к научным исследованиям. Итак, прежде всего аттракция — это чувство одного человека к другому. Как таковая она представляет собой частный случай в ряду эмоциональных явлений. Затем, аттракция — это отношение к другому человеку, т. е. она принадлежит и к классу социальных установок; наконец, аттракция — это оценка человека (хороший, симпатичный), следовательно, она представляет собой определенный компонент межличностного восприятия. Обратимся к взаимоотношениям аттракции с каждым из этих трех явлений...

Рассмотрение аттракции как эмоции — при этом аттракция становится проблемой общей психологии — подготовлено анализом эмоций, содержащимся в трудах Ф. В. Бассина [14], Л. В. Благонадежиной [20], В. К. Вилюнаса [24], Л. С. Выготского [26], С. Л. Рубинштейна [77], П. В. Симонова [82], Г. Х. Шингарева [98] и др. Специфика же аттракции по сравнению с другими эмоциями состоит в ее предмете — аттракция есть эмоция, имеющая своим предметом другого человека.

Анализ аттракции как аттитюда (социальной установки) подготовлен самой историей развития ее экспериментального изучения. Если обратиться к практике измерения аттракции, обнаружится, что, несмотря на разную определений, в ней просматривается единообразие². Оно со-

стоит в том, что большинство авторов измеряет аттракцию как аттитюд на другого человека. Таким образом, представление об аттракции как об аттитюде имплицитно заложено в большинстве посвященных этому феномену работ.

2 Проблема измерения эмоциональных отношений будет специально рассмотрена во втором параграфе данной главы.

13 .

В чем же видится специфика аттракции по сравнению с другими аттитюдами?

Объектом аттитюда может быть любой реальный или воображаемый объект, любой аспект социальной жизни или элемент когнитивной структуры. Однако в силу различных причин в социальной психологии почти повсеместно изучались аттитюды на большие группы людей, социальные институты или явления общественной жизни. Аттитюды на одного, конкретного, человека изучались крайне редко, а в тех случаях, когда они все же рассматривались, объекты отношения были максимально деиндивидуализированы, их «видовые» свойства (например, классовая и национальная принадлежность политического деятеля) обладали большим весом, чем индивидуальные, о которых испытуемые зачастую даже не были осведомлены. Специфической особенностью аттракции является именно то, что она представляет собой аттитюд на единичный объект, на индивида, в отличие от обычно изучаемых аттитюдов на некоторый класс объектов.

Последним из трех феноменов, соотношение с которыми аттракции мы рассматриваем, является межличностное восприятие. Идея подхода к аттракции как к компоненту межличностного восприятия выдвинута давно. Если исследователи, изучающие аттракцию на эмпирическом уровне, не всегда задумываются о ее месте в структуре науки, то ученые, пытающиеся эксплицировать такую структуру (в частности, авторы учебников), по необходимости должны это делать. Показательным является тот факт, что в подавляющем большинстве учебников по социальной психологии, в том числе и в учебнике для психологических факультетов университетов, написанном Г. М. Андреевой [8], аттракция включается в раздел, посвященный межличностному восприятию.

Межличностное восприятие изучалось многими советскими исследователями. Прежде всего необходимо назвать работы, выполненные А. А. Бодалевым и его сотрудниками и учениками [16, 18]. Для большинства исследователей межличностного восприятия предметом изучения являлись такие когнитивные компоненты, как точность восприятия, приписывание

14

личностных черт на основе особенностей внешности, искажения в восприятии другого человека и т. д. Эмоциональные компоненты образа другого человека исследовались значительно реже, во всяком случае, обычно не вычленялись в качестве особой научной проблемы. Вместе с тем на уровне констатации эмоциональная оценка объекта межличностного восприятия фигурировала в исследованиях и ее наличие очевидно. (В частности, этой проблеме посвящены в значительной степени работы по невербальным средствам общения, например, работы В. А. Лабунской по экспрессивным движениям [51].) Можно предположить, что именно эти,

недостаточно пока изученные эмоциональные компоненты межличностного восприятия и составляют содержание межличностной аттракции.

Перед тем как перейти к интеграции трех вышеизложенных представлений об аттракции, остановимся еще на одном моменте — на возможности рассматривать аттракцию в системе общения. В советской социальной психологии предпринято несколько попыток проанализировать структуру общения как чрезвычайно сложного и многостороннего процесса. Так, согласно Г. М. Андреевой, общение может быть охарактеризовано «путем выделения в нем трех взаимосвязанных сторон: коммуникативной, интерактивной и перцептивной» [8, с. 97]. Следовательно, аттракция, или эмоциональные отношения, как компонент межличностного восприятия органично входит и в структуру общения, составляя его эмоциональный фон или эмоциональный компонент.

Итак, эмоциональные отношения выступают как <5ы в трех ипостасях: эмоция, имеющая своим предметом другого человека, аттитюд на другого человека и эмоциональный компонент межличностного восприятия. Есть ли основание говорить о едином явлении, описываемом этими тремя дефинициями? На наш взгляд, есть; более того, все три определения относятся к одной и той же реальности.

Понятия эмоция и аттитюд долгое время считались практически не связанными, если исключить констатацию наличия так называемого эмоционального компонента в структуре аттитюда. Это неоднократно отмечалось советскими исследователями, осуществляя-

15

шими критический обзор зарубежных исследований по данной проблеме: В. А. Ядовым [104], П. Н. Шихиревым [99] и др., однако проведенный В. С. Магуном анализ показал, что «познавательный и эмоциональный компоненты аттитюда... соответствуют познавательному (объективному) и собственно эмоциональному (субъективному) компонентам эмоции, а в целом эти два компонента аналогичны эмоции в ее общепсихологическом понимании» [58, с. 54]. Поскольку в исследовании аттракции как аттитюда поведенческий компонент рассматривается крайне редко, а чаще всего речь идет о когнитивном компоненте, то можно считать, что между первым и вторым определениями нет противоречия.

Что же касается третьего определения аттракции как эмоционального компонента общения и межличностного восприятия, то практически оно совпадает с ее первым определением — как специфической эмоции. Оно не противоречит и представлению об аттракции как аттитюде. «Предметами аттитюда, — как пишет В.С. Магун, — являются лишь значимые для человека объекты — об этом свидетельствуют как формальные определения (аттитюдов. — Л. Г.), так и вся реальная эмпирическая база» [58, с. 49]. Но эмоциональный компонент восприятия другого человека отражает значимость объекта с точки зрения субъекта, т. е. носит аттитюдный характер. Это проявляется, в частности, и в той роли, которую играет аттракция в селективном отборе информации при конструировании образа другого человека. Согласно А. М. Эткинду, «уровень аттракции в межличностном восприятии, подобно уровню самоуважения в самовосприятии, работает как мощный фильтр, отбирающий перцептивные признаки или приписывающий им веса» [103, с. ПО].

Таким образом, аттракция может быть описана через свою специфику по отношению к эмоциям, аттитюдам и межличностному восприятию, поскольку с каждым из этих явлений она находится в соотношении частного к общему.

Анализ эмоциональных отношений может строиться как вокруг аттракции (тогда это будет эмоциональное отношение одного человека к другому), так и вокруг объективно существующего процесса (тогда

16

мы будем иметь дело с проблемой эмоциональных отношений между людьми). В первом случае все внимание уделяется чувствам и мнениям партнеров друг о друге, при этом неизбежно обедняется — если не теряется вовсе — специфика разных этапов развития отношений; отметим, что именно в этом направлении долгое время шли исследования эмоциональных отношений. Во втором случае в фокусе оказываются закономерности развития отношений, их перехода от одной фазы к другой;

Мы будем придерживаться логики этого последнего подхода. Эмоциональные отношения будут рассматриваться как развивающийся во времени процесс, закономерно переходящий от одного этапа к другому. Это позволит нам обсудить закономерности эмоциональных отношений разного уровня глубины и сложности, от первоначальной симпатии до страстной любви. Аттракция же будет анализироваться прежде всего не как единое для всех этапов, а как специфическое для каждого из них явление. Преимущество такой ориентации на процесс, а не на аттракцию еще и в том, что здесь более четко выступает межличностный характер эмоциональных отношений* включение в них не одного, а двух субъектов одновременно — при ориентации на аттракцию как на центральное понятие эта субъект-субъектная специфика эмоциональных отношений может легко «потеряться».

Исследование проблемы есть ответ на какие-то конкретные вопросы! Правильное формулирование их является необходимым условием успеха всей работы. Профессионализм состоит, в частности, и в том, чтобы ограничивать те вопросы, на которые можно ответить с помощью методов данной науки, от тех, которые выходят за пределы ее компетенции.

Специфика эмоциональных отношений по сравнению с другими явлениями ставит свои, непосредственно вытекающие из их особенностей вопросы. Главный из них — и именно ответу на него и посвящены три последующие главы этой книги — состоит в проблеме детерминации эмоциональных отношений в паре на разных этапах развития этих отношений. Данный вопрос не возникает при анализе, например, когнитивных компонентов межличностного восприятия — их детерминантой является

17

(пропущено...), его внешность, возрастные, профессиональные и личностные особенности и т. д. Здесь можно говорить лишь о причинах появления ошибок и искажений. Для аттракции же такая ее внешняя детерминанта отсутствует, поэтому необходимо специальное исследование причин появления, развития и распада эмоциональных отношений. В то же время это как раз та проблема, которая, если не полностью, то частично может быть решена с помощью методов «социальной психологии».

Уточним теперь общую схему анализа (рис. 1). Аттракция субъекта «А» к объекту В — другому человеку, «В», может вызываться воздействием сле-

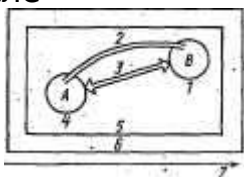

Рис. 1. / — свойства объекта аттракции; 2 — соотношение свойств субъекта и объекта; 3 — особенности взаимодействия; 4 — свойства субъекта; 5 — особенности ситуации; 6 — культурный контекст; 7 — время
дующих причин: свойствами объекта аттракции; соотношением свойств между субъектом и объектом, степенью сходства; например; особенностями взаимодействия между ними; ситуацией, в которой происходит общение; свойствами самого субъекта аттракции; культурным контекстом, в который включены общающиеся индивиды. Наконец, поскольку эмоциональные отношения есть не только состояние, но и процесс, воздействие на них оказывает фактор времени.

Время выступает здесь не просто как еще одна переменная наравне с другими. Эмоциональные отношения с течением времени меняются качественно, легкая симпатия, с одной стороны, и, например,

3 Термин «объект» здесь сугубо условен. Он используется лишь для удобства изложения. Необходимо помнить, что без активной позиции второго партнера эмоциональные отношения развиваться не могут.

18

амбивалентный синдром чувств по отношению к бывшему партнеру после распада пары - с другой, имеют между собой весьма мало общего. Соответственно меняется и «ведомственная» принадлежность эмоциональных отношений: если на первых этапах, когда их включенность в класс эмоциональных явлений находится в латентном состоянии, это почти исключительно социально-психологическая проблема, то в момент пика их развития, в период страстной любви, необходим уже анализ и с точки зрения общей психологии. Меняется со временем и важность тех или иных детерминант аттракции. Так, можно предположить, что легко воспринимаемые инвариантные характеристики партнера, такие, как его внешность, социально-демографические параметры и т. д., будут оказывать влияние на первых этапах развития отношений, затем же их значимость будет снижаться. С другой стороны, некоторые особенности общения будут, наоборот, оказывать детерминирующее воздействие лишь на последующих этапах развития отношений. Следует также ожидать усложнения законов детерминации аттракции со временем, их большей противоречивости и даже меньшей строгости. Это связано с происходящей со временем индивидуализацией отношений в паре — они становятся не просто следствием того или иного сочетания внешних условий, но результатом целенаправленного воздействия со стороны участников общения. Эту последнюю детерминанту учесть в эмпирическом исследовании, естественно, крайне трудно.

Не все этапы развития эмоциональных отношений в паре изучены одинаково подробно. Лишь менее трети работ в области аттракции в период с 1972 по 1976 г. были посвящены исследованию устойчивых пар (т. е. отношениям, прошедшим некоторый путь развития), в остальных рабо-

тах анализировались пары, члены которых практически еще не взаимодействовали друг с другом [154]. Примерно 80% всех работ проводились до недавнего времени на незнакомых друг другу (до эксперимента) людях — е однократным замером аттракции, что исключает саму возможность исследования отношений в развитии [153]. Испытуемый в этих случаях получает краткую информацию о другом человеке, который обычно-

19

является подставным лицом (партнером экспериментатора). Информация может даваться либо в процессе реального общения, в ходе которого объект аттракции действует по строго определенной схеме, либо в виде магнитофонной или видеозаписи, либо в виде вербального сообщения о человеке, которого испытуемый даже и не видит. После этого изменяется аттракция к этому человеку.

Реже проводятся работы с незнакомыми людьми, организованные по схеме лонгитюдов, предусматривающие многократные измерения аттракции. Они дают очень ценную для понимания ее природы информацию, так как позволяют проследить динамику и детерминанты развития межличностных отношений. Эксперименты на уже знакомых людях представлены пока сравнительно небольшим числом работ. Особенно редки лонгитюдинальные исследования на стабильных парах — наиболее перспективные с точки зрения как чисто научной, так и практической. Правда, в последние годы положение изменилось, внимание исследователей переключается именно на устойчивые и развивающиеся отношения [157]. Отметим, что в отечественной психологии с самого начала изучения проблемы эмоциональных отношений основное внимание уделялось парам, состоящим из хорошо знакомых друг другу людей (см., например, работы Н. Н. Обозова [67, 68], Т. М. Трапезниковой и Е. П. Ивановой [89], Э. Тийт [88], А. Тавит [87] и др.).

Эмоциональные отношения существуют в качественно различных группах. Можно говорить об эмоциональных отношениях между матерью и ребенком, между супругами, между товарищами по работе и т. д. Эмоциональные отношения связывают не только диаду, но и триаду или группу большего размера. Во всех перечисленных случаях эмоциональные отношения имеют некоторые общие законы, но, по-видимому, есть и своя специфика. Не все эти эмоциональные отношения одинаково доступны для научного исследования, не все представляют одинаковый | интерес с точки зрения решений практических и теоретических задач. Ограничивая круг анализируемых явлений, мы в дальнейшем будем рассматривать эмоциональные отношения лишь в парах, только иногда обращаясь к закономерностям эмоциональных

20

-отношений в группах из трех или более человек. Соглашаясь с А. А. Кроником [49] в том, что «основными координатами» пространства межличностных отношений являются статусно-ролевые различия и валентность отношений, мы добавим к ним еще одну координату — свободный или вынужденный способ создания пары. Об этой координате исследователи обычно не упоминают — более популярно разделение на формальные и неформальные отношения. Однако с точки зрения эмоциональных отношений нам представляется не очень значимой степень включенности

индивидов в формальную структуру отношений. Дело в том, что эмоциональные отношения вполне могут и существовать в рамках такой структуры, и отсутствовать вне ее. В качестве примера можно привести близкие дружеские отношения между руководителем и подчиненным, с одной стороны, и индифферентные отношения между двумя членами одной и той же неформальной компании — с другой. В первом случае они существуют как бы вопреки формальной структуре, во втором — отсутствие каких-либо помех не приводит тем не менее к развитию эмоциональных отношений. Свободный же или вынужденный характер создания пары принципиально важен для понимания закономерностей развития отношений — если общение в паре с самого начала было неизбежным, не зависело от воли участников (определяясь, например, близостью места жительства, родственными связями, принадлежностью к одной организации и т. д.), тогда они могли какое-то время развиваться и на нейтральном или даже негативном эмоциональном фоне. Если же пара создавалась по желанию обоих партнеров, как, например, пара молодых людей, познакомившихся «на улице», аттракция с самого начала оказывает детерминирующее воздействие на дальнейшее развитие отношений. Поскольку закономерности эмоциональных отношений более полно проявляются именно в свободно организованной паре, в дальнейшем мы будем рассматривать в основном пары именно такого типа.

Что касается статусно-ролевых различий, которые могут выражаться, в частности, в различном возрасте партнеров, то, не отрицая важности понимания

21

закономерностей эмоциональных отношений в гетерогенных по этим параметрам парах, мы будем ориентироваться тем не менее на пары, гомогенные по социально-демографическим признакам. Исключение будет сделано лишь для половой принадлежности субъектов — основное внимание мы уделим не однополым, а разнополым парам.

Объектом психологического анализа могут быть как положительные по знаку эмоциональные отношения — симпатия, дружба, любовь, так и отрицательные, представленные негативными полюсами перечисленных феноменов. Термин «аттракция» может использоваться и для обозначения негативных чувств к партнеру. Может показаться, что положительный и отрицательный полюса аттракции являются не более чем зеркальным отражением друг друга и что, следовательно, закономерности одного полюса применимы с учетом знака к другому, а исследования аттракции одного знака неспецифичны по отношению к исследованиям аттракции другого. Это не всегда так. Антипатия не есть просто «перевернутая» симпатия, альтернатива любви, по выражению Т. Рейка [182] — не ненависть, а равнодушие. Есть основания полагать, что существующие в обыденном сознании как противоположности полюса эмоциональных отношений в действительности являются не полярными (чем больше выражен один полюс, тем меньше — другой), а более или менее независимыми или даже взаимодополнительными, т. е. закономерно сочетаются в эмоциональном отношении к другому человеку (выраженность одного полюса может сопровождаться одновременной выраженностью противоположного). Заметим, что аналогичная ситуация характерна и для всего класса эмоцио-

нальных явлений — им свойственна амбивалентность, одновременное переживание субъектом и позитивных и негативных состояний [39]. Таким образом, можно считать, что наряду с действительно полярными эмоциональными отношениями есть и такие, полярность которых лишь кажущаяся и которые поэтому обладают специфическими законами и требуют отдельного рассмотрения.

В этой книге основное внимание будет уделено положительным проявлениям эмоциональных отношений. Можно назвать два основания для такого вы-

22

бора (кроме очевидной, невозможности охватить в рамках одной работы всю феноменологию аттракции в паре). Во-первых, положительный полюс эмоциональных отношений исследован значительно хуже, чем отрицательный. Это отражает исторически сложившееся в психологии большее внимание к негативным, чем к позитивным моментам человеческой природы. Консервативные по своей природе защитные механизмы изучены значительно лучше, чем творчество; жестокость — тщательнее, чем альтруизм, и т. д. Более того, долгое время существовала тенденция рассматривать положительные аспекты человеческой психики и поведения как своеобразную форму выражения отрицательных — творчество как сублимацию, кооперацию как объединение против общего врага и т. д. Эта тенденция стала преодолеваться лишь в 50—60-е годы, когда в отечественной и зарубежной психологии появился ряд работ, посвященных анализу творчества, психического здоровья, ответственности, любви [41, 63, 118, 157, 175]. Итак, относительно слабая изученность положительного полюса эмоциональных отношений делает их рассмотрение более важным и интересным.

Второе основание состоит в следующем. Как показал Л. М. Веккер [23], у положительных эмоций в диапазоне средних значений интенсивности «объектный» компонент обладает большей конкретностью и информативностью, чем «субъектный», у отрицательных же (в том же среднем интенсивностном диапазоне) — наоборот, субъектный выражен сильнее объектного. Это связано, по мнению Л. М. Веккера, в частности, с объектной направленностью как «главным вектором психики» [23, с. 143]. Таким образом, объект положительного эмоционального отношения отражен в сознании субъекта более конкретно, индивидуально, чем объект отрицательного, — в этом последнем случае внимание субъекта сконцентрировано на собственных негативных переживаниях, объект воспринимается более стереотипно, стигматизируется. А это значит, что положительные эмоциональные отношения в большей степени, чем отрицательные, связаны с реальным взаимодействием с другим человеком, и именно в них ярче, чем в отрицательных, проявляются не только общепсихологические,

23

но и социально-психологические закономерности. Итак, мы будем в основном говорить о положительных по знаку эмоциональных отношениях в свободно организованной, гомогенной по социальным и возрастным параметрам, преимущественно разнополой паре. В максимальной степени этим критериям отвечает, например, пара влюбленных или пара, связан-

ная отношениями ухаживания. Вторая глава книги посвящена проблеме аттракции на первых этапах развития отношений: возникновению первого чувства-симпатии — антипатии. В третьей главе мы перейдем к поиску детерминант развития отношения в паре и особое внимание уделим чувству любви. И наконец, в четвертой главе будут рассмотрены процессы стабилизации и распада эмоциональных отношений.

§ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Признание актуальности и полезности психологического изучения эмоциональных отношений не снимает сомнений относительно возможности такого изучения. Сомнения вызваны как спецификой самого объекта — неясно, обладает ли он собственными закономерностями и может ли быть вписан в контекст психологического, прежде всего социально-психологического, знания, так и недостаточным на первый взгляд уровнем развития методического инструментария современной социальной психологии. Снятие, хотя бы частичное, этих сомнений и будет первым шагом на пути исследования эмоциональных отношений.

На интуитивном уровне эмоциональные отношения представляются абсолютно спонтанными, непредсказуемыми и ничем не детерминируемыми. Такая точка зрения в настоящее время не имеет широкого распространения в советской психологии. Значительно чаще встречается другая, полярная, позиция, согласно которой эмоциональные отношения не имеют законов, специфичных по отношению к закономерностям иных областей психики, или даже соматики, другими словами, могут быть непосредственно, без специальной теоретической и эмпирической работы, - вы-

24

ведены из них. За этой позицией стоит представление «об эмоциональных отношениях не как об особой психической реальности, а как об эпифеномене других явлений, неизбежном последствии сочетания тех или иных уже изученных характеристик. Любовь, например, может согласно такой позиции считаться эпифеноменом физиологических механизмов, регулирующих половое влечение.

Тенденция сводить феномены одного типа к феноменам другого, снижая тем самым специфичность анализируемого явления, имеет в психологии давние традиции, проявляясь в формулировании редуccionистских по содержанию теорий и идей (это показано, например, в работах В. П. Зинченко [38]), в которых терялась специфика не только отдельных областей психологии, но и психики в целом. При всей симпатии к монистическим теориям, авторы которых стремятся увидеть общие законы на разных уровнях психической и даже, как, например, Г. Селье [81], физиологической жизни человека, надо быть крайне осторожным с тем, чтобы за этим стремлением к общности не потерять специфики объекта, без которой его содержание выхолащивается и пропадает.

Принципиальным для решения вопроса об эпифеноменальности эмоциональных отношений и, следовательно, о наличии или отсутствии у них специфических законов, которые следует изучать, будет степень их «понятности», предсказуемости, как на уровне здравого смысла, так и на научном уровне. Если никаких неясностей нет, то законы эмоциональных

отношений либо неспецифичны, либо настолько просты, что познание их не требует специальных усилий.

С точки зрения обыденного сознания для понимания закономерностей возникновения, развития и распада эмоциональных¹ отношений в паре достаточно здравого смысла и вполне ординарного жизненного опыта. Однако мы здесь, как представляется, сталкиваемся не столько с простотой явления, сколько с его закрытостью от сознания всевозможными предрассудками и стереотипами. Кажущаяся ясность не уберегает от ошибок, подчас трагических, — разводы, одиночество, другие проблемы в межличностной сфере, с которыми сталкивается огромное число людей,

25

являются зачастую именно следствием неверных предсказаний и неадекватных расчетов партнеров по общению⁴. Эмпирические исследования эмоциональных отношений, как будет показано ниже, наряду с фактами, согласующимися с представлениями здравого смысла, выявляют и массу таких, которые противоречат этим представлениям, — красивая девушка в некоторых ситуациях может нравиться меньше, чем некрасивая, умный человек — меньше, чем глупый, и т. д. (см., например [111]). Что же касается собственно научного анализа, то ни одна из существующих социально-психологических теорий не может сейчас ассимилировать весь массив данных, накопленных по проблеме генезиса эмоциональных отношений. Все это убедительно свидетельствует о том, что эмоциональные отношения не эпифеноменальны, и они обладают специфическими закономерностями, требующими специального изучения.

Психологическое исследование эмоциональных отношений связано с рядом специфических трудностей. Большинство изучающихся в социальной психологии феноменов известны каждому человеку по личному опыту. А это значит, что в отличие, например, от физических явлений, право на изучение и интерпретацию которых безоговорочно признается за специалистами, объекты социальной психологии изучаются и интерпретируются всеми независимо от профессиональной принадлежности. Более того, социальные психологи в своей исследовательской деятельности выступают в двух ролях: как профессионалы и как «просто люди», т. е. проводят как бы два независимых исследования, результаты которых совсем не всегда совпадают. Как экранизация литературного произведения может раздражать зрителя своей «непохожестью» на то, что он ожидал увидеть, так и факт или теория могут не приниматься отдельными специалистами или научным сообществом в целом потому, что они противоречат или недостаточно

⁴ Ошибки возникают не только в сфере диадических эмоциональных отношений, но и в области взаимодействия индивида с группой, группы с индивидом и собственно межгруппового взаимодействия. Эмоциональные аспекты предрассудков, стереотипов, межгрупповой враждебности не всегда понятны и предсказуемы с позиций здравого смысла.

26

соответствуют жизненному опыту и «здравому смыслу».

Сказанное справедливо для всех или почти всех рассматриваемых в социальной психологии проблем, но особенно для проблемы эмоциональных отношений. Проведенные к настоящему моменту исследования при всей их методической изощренности оставляют во многих случаях чувство неудовлетворенности вследствие их недостаточной глубины. Вместе с тем

просто объявить нерелевантным весь массив собранных данных, по-видимому, нецелесообразно, так как, несмотря на известные упрощения, благодаря проведенным исследованиям мы располагаем сейчас массой нетривиальных фактов и идей.

Жесткие критерии, с которыми многие психологи подходят к оценке результатов изучения эмоциональных отношений, связаны и с личной значимостью этой темы для каждого человека. Нам безразличен обнаруженный в исследовании факт — он либо нравится, подтверждая определенные представления и способствуя повышению самооценки, либо не нравится, нарушая сложившийся когнитивный баланс и вступая в противоречие с определенными паттернами поведения. При проведении эксперимента, отборе фактов, построении теоретических моделей исследователи ориентируются не только на поиск истины, на вычленение того, «как есть», но и на то, «как надо», т. е. ищут подтверждение своим этическим представлениям.

Определенным барьером на пути развертывания исследования эмоциональных отношений служит и настороженное отношение к этой проблеме со стороны научной общественности. До сих пор эта проблематика воспринимается многими как «ненаучная». Молодые же ученые, и особенно студенты, проявляющие к ней интерес, рискуют вызвать подозрение в том, что стремятся в ходе исследования компенсировать какие-то собственные затруднения в межличностной сфере. С опасением относится к идее участия в исследовании эмоциональных отношений и ряд испытуемых.

Частично этот негативизм связан с осознанием остроты встающих при изучении аттракции этических проблем. Они представляются настолько серьезными,

27

что могут послужить причиной объявления моратория на исследования. Действительно, мы не знаем, какое влияние оказывает сам факт участия в исследовании эмоциональных отношений (особенно таких, как любовь), сопровождающий это участие рост рефлексии респондентов, неизбежное нарушение конфиденциальности отношений (посвящение исследователя в некоторые сугубо интимные моменты взаимодействия и в случае исследования пар понимание того, что аналогичные действия совершает и партнер) на сами взаимоотношения и на психическое состояние испытуемых.

Можно, конечно, сказать, что повышение степени рефлексии относительно своих отношений — безусловно положительный результат. С такой позицией, широко распространенной среди психологов, не обязательно тем не менее должны соглашаться респонденты, которые могут считать, что они заплатили за это повышение слишком большую цену. Ответ на вопрос об этической допустимости исследований эмоциональных отношений, особенно их близких, устойчивых форм, требует эмпирического изучения — контроля воздействия включенности в исследовательскую программу на отношения в паре. Имеющиеся немногочисленные данные в целом весьма оптимистичны. Так, большинство из членов 231 пары юношей и девушек, участвовавших в лонгитюдном исследовании романтических отношений, оценивали свой опыт как положительный, интерес-

ный [187]. Влияние же исследования на отношения оценивали как позитивное 18% респондентов, как негативное— 4%; 78% считало, что никакого влияния не было (есть, конечно, все основания предполагать, что часть респондентов, ориентируясь на каноны романтических отношений, требующие независимости от обстоятельств, отрицали влияние и в тех случаях, когда субъективно его ощущали). Многие респонденты отмечали позитивные последствия своего участия в исследовании в виде большего понимания себя и партнера, большей определенности в отношениях, «ускорения» в их развитии и т. д. На поведенческом уровне испытуемые проявляли явный интерес к работе, готовность к дальнейшему сотрудничеству.

Аналогичные результаты были получены и в ряде

28

исследований, проведенных на кафедре социальной психологии МГУ, как самим автором, так и сотрудниками и студентами кафедры. Участие в исследовании эмоциональных отношений в большинстве случаев является положительным или нейтральным переживанием и не оказывает деструктивного воздействия на развитие отношений в паре.

Существуют по крайней мере два условия, соблюдение которых позволяет уменьшить вероятность негативного воздействия на индивида или на пару в целом их участия в эксперименте. Во-первых, методический инструментарий должен быть построен таким образом, чтобы никак не травмировать респондента. Прежде всего это относится к вопросам — ни одна из выбранных испытуемым альтернатив не должна быть «хуже» другой, проверка ответов на социальную желательность должна проводиться особо тщательно. Недопустима демонстрация большего внимания или интереса со стороны исследователей к испытуемым, ответившим определенным образом, по сравнению с испытуемыми, ответившими иначе, — это может быть воспринято как косвенная оценка стоящих за этими ответами способов поведения (нельзя, например, писать: «Следующие 10 вопросов лишь для тех, кто ответил на предыдущий вопрос положительно»). Надо предложить одинаковые по объему, хотя и разные по содержанию, наборы вопросов и тем, кто ответил положительно, и тем, кто ответил отрицательно).

Во-вторых, опыт показывает, что позитивность отношения респондентов к исследованию эмоциональных отношений (как и вообще значимых для человека аспектов жизнедеятельности) зависит от отношения исследователя к своим испытуемым. В данном случае исследователь должен осознавать, что респондент воспринимает его не только как ученого, но и как психолога-практика, консультанта. Естественно, говорить о сколько-нибудь серьезной психокоррекционной работе в ходе проведения эмпирического исследования не приходится, однако определенная терапевтическая установка необходима. При проведении же лонгитюдных исследований такая установка не только смягчает остроту этических проблем, но и делает возможным само исследование, способствуя сохранению выборки, — при отсутствии терапевтического отноше-

29

ния к испытуемым значительная их часть просто не примет участия в повторных замерах.

Итак, мы видим, что исследования эмоциональных отношений представляют собой весьма актуальную задачу, эмоциональные отношения имеют ряд специфических, доступных анализу закономерностей, возникающие при работе этические трудности могут быть, хотя бы частично, преодолены.

Однако, прежде чем перейти непосредственно к характеристике существующих фактов и закономерностей, необходимо ознакомиться с методическим инструментарием, который используется или может быть использован при исследовании межличностной аттракции.

Интенсификация исследований эмоциональных отношений сопровождается усилением внимания к методическому обеспечению этой работы, прежде всего к методам измерения величины аттракции в паре. Качественные различия в эмоциональных отношениях на первом и последующих этапах их развития привели к образованию двух, довольно слабо связанных между собой направлений методических разработок — первое ориентировано на создание процедур регистрации аттракции между незнакомыми или малознакомыми людьми, второе — между членами устойчивых пар.

Рассмотрим сначала методы измерения аттракции, созданные в рамках первого направления. По характеру регистрируемого ответа испытуемого их можно подразделить на две группы — вербальные и невербальные. К вербальным можно отнести как классические методы (семантический дифференциал, шкалы социальной дистанции, социометрия), так и ряд специально разработанных методик. Ведущее положение среди вербальных индикаторов аттракции занимает предложенный Д. Бирном [118] показатель, основывающийся на его же шкалах межличностной оценки. Испытуемый получает задание оценить другого человека по шести критериям: интеллект, знакомство с последними событиями, нравственное развитие, приспособленность к жизни, чувство симпатии или антипатии, которое он вызывает у респондента; желание или нежелание респондента сотрудничать с ним в ходе эксперимента. Каждый критерий оценива-

30

ется по семибальной шкале, суммация оценок — по двум последним характеристикам и дает индекс аттракции. На первый взгляд этот индикатор представляется совершенно необоснованным, однако специальные исследования продемонстрировали его соответствие многим психометрическим критериям. Аттракция, измеренная с помощью Шкал межличностной оценки, высоко коррелирует с жизненными показателями, а также с данными измерения по другим методикам. Серьезным недостатком этого индикатора аттракции является его низкая устойчивость по отношению к повторениям и как следствие — невозможность использования его в лонгитюдных исследованиях.

Индекс Д. Бирна — самый распространенный (он используется более чем в половине всех работ по аттракции), но не единственный способ измерения эмоциональных отношений на первом этапе их развития. Среди других можно назвать и достаточно сложные, такие, как Межличностные шкалы свиданий, состоящие из 50 вопросов, и предельно простые, как использовавшаяся Т. Ньюкомом оценка по 100-балльной шкале того, насколько нравится испытуемому данный человек [66].

Вторым большим классом способов измерения аттракции, использующихся в основном в начальный период развития отношений, является регистрация невербальных реакций испытуемого на другого человека. В качестве индикаторов аттракции могут использоваться как поведенческие — пространственная близость участников общения, селективность при припоминании тех или иных связанных с объектом событий, взаимное положение тел, направление взгляда, так и психофизиологические характеристики — учащение пульса, КГР и т. д. [114].

Использование невербальных индикаторов имеет давнюю традицию. Еще в Древнем Китае продавцы, торгуясь о цене, следили за зрачками покупателя — расширение зрачков свидетельствовало, как считалось, о том, что товар нравится. Невербальные индикаторы обладают большими преимуществами перед вербальными. Они устойчивы к повторению, не зависят в большинстве случаев от кооперативности субъекта, а иногда и от его воли, они, по-видимому, более не-

31

посредственно связаны с самим феноменом эмоциональных отношений, т. е. имеют более высокую, чем вербальные, конструктивную валидность. Так, по многочисленным данным [143, 187], при исследовании эмоциональных отношений зрительный контакт (величина, характеризующая продолжительность взгляда в глаза друг другу) обладает диагностической и предсказательной силой большей, чем любые другие индикаторы. В то же время их применение сопряжено со значительными трудностями. Во-первых, многие из них, особенно психофизиологические, неспецифичны по знаку. Они позволяют зафиксировать наличие эмоционального отношения к объекту, но не дают оснований делать выводы о его позитивности или негативности. Для формулирования каких-либо содержательных заключений невербальные индикаторы - должны подкрепляться какими-либо другими методами. Во-вторых, в отличие от вербальных методик, для проведения которых не требуется ничего, кроме карандаша и бумаги, для невербальных нужна специальная аппаратура. В-третьих, психофизиологические и другие невербальные реакции человека, которые используются для регистрации аттракции, зависят отнюдь не только от того, как воспринимают друг друга участники эксперимента. Например, тот же зрачковый рефлекс может определяться разницей в освещенности между экспериментальным помещением и комнатой, в которой испытуемый ожидал начала эксперимента. Поскольку детерминанты невербальных реакций далеко не всегда достаточно ясны, воздействие посторонних по отношению к эксперименту факторов, очень трудно элиминировать. В сочетании с тем фактом, что условия среды и параметры состояния испытуемого оказывают большое возмущающее воздействие на невербальные индикаторы аттракции, зависимость их от многих показателей диктует особую тщательность при проведении эксперимента и крайнюю осторожность в интерпретации результатов. В-четвертых, некоторые, невербальные показатели взаимосвязаны друг с другом. Например, зрительный контакт отрицательно коррелирует с пространственной близостью. В то же время обе эти характеристики, считаются положительно связанными с уровнем аттракции. Получается, что аттракция, измеренная

по одной методике, может увеличиваться, а по другой — уменьшаться. Таким образом, при использовании невербальных индикаторов необходимо учитывать и возможность их взаимовлияния. В частности, зрительный контакт может считаться надежным коррелятом аттракции лишь тогда, когда по условиям эксперимента испытуемые занимают в пространстве фиксированное положение по отношению друг к другу. Вербальные и невербальные индикаторы аттракции, хотя они и апеллируют к одной и той же реальности, не всегда достаточно тесно связаны между собой — текущая валидность этих методов невысока [165]. Это, с одной стороны, диктует необходимость создания новых, более надежных процедур, с другой — способствует тенденции использования в рамках одного исследования сразу нескольких индикаторов, принадлежащих как к вербальной, так и невербальной группам.

При исследовании аттракции между членами устойчивых пар часть психологов предпочитают обходиться вообще без измерений, считая сам факт существования пары доказательством наличия в ней достаточно интенсивных эмоциональных отношений. Параметры устойчивых пар сравниваются в этом случае с соответствующими характеристиками распадающихся

или «фиктивных» (т. е. составленных чисто умозрительно из незнакомых людей), различия же интерпретируются как корреляты аттракции. Такой подход, однако, не всегда правомерен. Если продвижение пары в сторону углубления, стабилизации отношений (например, принятие решения о заключении брака) действительно часто (хотя и не всегда) связано с высоким уровнем аттракции, то само по себе существование пары, в частности супружеской, не дает еще оснований делать какие-либо выводы об уровне связывающих членов пары эмоциональных отношений. Стабильность пары может обеспечиваться самыми разными моментами и осуществляться на фоне нейтральных (например, равнодушие) или даже негативных эмоциональных отношений.

Измерение аттракции в устойчивых парах требует решения ряда методологических вопросов, которые, строго говоря, стоят и перед создателями вышеописанных процедур, но с меньшей остротой. Это, во-пер-

вых, проблема Соотношения регистрируемых индикаторов и исследуемого феномена, во-вторых, вопрос об одномерном или многомерном характере межличностной аттракции.

В тех случаях, когда измерение аттракции основывается не на наблюдении за действиями испытуемых, а на их самоотчете, регистрируемые индикаторы располагаются на континууме от обобщенной оценки отношений (например, любовь, привязанность и т. д.) до максимально конкретных их характеристик (например, использование уменьшительных имен и прозвищ). Вопросы, близкие ко второму полюсу, с психометрической точки зрения предпочтительнее — они меньше зависят от фактора социальной желательности, испытуемому легче отвечать на них и т. д. Но исследователя интересует как раз обобщенная оценка. В большинстве случаев она выводится из конкретных индикаторов на основе принятой в исследовании концепции об их связи с искомой итоговой характеристикой

(например, использование уменьшительных имен и прозвищ может трактоваться как признак близких отношений). Так строятся и методики на собственно эмоциональные отношения и на близкие им параметры, например удовлетворенность браком [34, 86]. Валидность методики зависит, во-первых, от общей адекватности используемых концепций, во-вторых, от того, соответствует ли эта, пусть даже и в целом правильная, концепция психическим структурам испытуемых. Так, в силу особенностей онтогенеза респондента уменьшительные имена могут выступать не признаком близких позитивных отношений, а показателем презрения и других негативных чувств. Полностью преодолеть эти затруднения не представляется возможным. Единственное, что можно сделать, это с особой осторожностью относиться к любым выводам, делающимся на основании измерений аттракции относительно конкретной пары.

Вторая проблема — представление об одномерности аттракции, имплицитно присутствующее во многих измерительных методиках. Это допущение, являющееся целиком априорным, резко снижает логическую валидность даже и методик, измеряющих аттракцию на первом этапе развития отношений. Измерять же аттракцию в устойчивой паре как одно-

мер-

кую величину просто невозможно. Специалисты, исследующие эмоциональные отношения в устойчивых парах, осознают эту невозможность и всегда подчеркивают структурное отличие изучаемых ими феноменов от других видов межличностной аттракции. В качестве примера можно привести вопросник по измерению дружеских отношений, предложенный I. П. Райтом [208]. Он выделяет три параметра дружбы: добровольную взаимозависимость, трудность поддержания отношений, а также ценности дружбы, которые в свою очередь подразделяются на ценности информационные, прагматические и психологические. I Методика Райта включает в себя вопросы на каждый I из выделенных параметров.

Таким же образом построены и советские методики. Так, Шкалы любви и симпатии, разработанные I нами совместно с Ю. Е. Алешиной на основе аналогичных шкал З. Рубина [33, 186], состоят из 14 вопросов, 7 из которых направлены на измерение любви (как феномена, включающего в себя привязанность, 1 заботу и интимность), а 7 — симпатии (в которую в данном случае входят уважение, восхищение и восприятие объекта как сходного с собой). Проведенная нами психометрическая проверка показала достаточную надежность методики по различным критериям. I Разработанная аспиранткой кафедры социальной психологии МГУ М. А. Абалакиной [2] методика изучения взаимоотношений в добрачной паре состоит из I 28 вопросов. Эта методика позволяет измерять ориентацию партнеров на заключение брака, удовлетворенность отношениями и «позитивность» отношений. I Очевидно, что качество методик во многом определяется адекватностью реализуемых в них представлений о структуре эмоциональных отношений. Успешность решения методической проблемы измерения аттракции ставится таким образом в прямую зависимость от решения содержательной проблемы поиска ее внутренней структуры. Все описанные выше методики исходили из априорных, чисто теоретических B структур, эмпирической проверки их адекватности I, не проводилось.

Представляется целесообразной разработка методики, базирующейся на эмпирически подтвержденной внутренней структуре аттракции. Другим критерием, учет которого также желателен,

35

является пол субъекта и объекта (большинство существующих методик неспецифичны по полу). И, наконец, учитывая тот факт, что аттракция на разных этапах развития отношений при всех своих особенностях является все же одним и тем же феноменом, было бы полезно создание методик для измерения разных типов аттракции, базирующихся на одном методическом принципе, т. е. группы сходных по построению процедур, выбор того или иного варианта из числа которых диктовался бы полом субъекта и объекта и уровнем развития отношений.

Такая методика была разработана нами в ходе специально проведенного факторно-аналитического исследования.

На основе составленных нами наборов вопросов (40 — для малознакомых и 55 — для хорошо знакомых людей) можно измерять уровень аттракции по различным составляющим ее переменным. Эта методика отвечает выдвигавшимся ранее критериям — эмпирическая обоснованность структуры аттракции, учет пола субъекта и объекта, единый методический принцип для измерения аттракции на разных этапах развития отношений (для ознакомления с самими вопросами и коэффициентами см. [29]).

Естественно, далеко не всегда необходимо измерять аттракцию по всем выделенным ее составляющим. В зависимости от целей исследования набор измеряемых переменных может меняться. По-видимому, в некоторых случаях, особенно в работах прикладного характера, достаточно ограничиваться регистрацией аттракции лишь по двум-трем координатам. Этот вопрос должен находиться в компетенции авторов конкретных работ. Совершенно необходимо только в связи с особенностями процесса создания нашей методики применение ее с учетом пола субъекта и объекта аттракции и степени знакомства между ними.

§ 3. РЕГУЛЯТИВНАЯ РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Эмоциональные отношения играют огромную роль в жизни человека. Социологические исследования, проведенные в нашей стране и за рубежом, продемонстрировали, что стабильные эмоциональные отношения постоянно занимают верхние места в иерар-

36

хии ценностей, опережая такие значимые из них, как, например, достаток и работа [78, 121].

Общей особенностью биографий людей, оценивающих себя как счастливых, является наличие у них надежных и удовлетворяющих их эмоциональных отношений [141].

Можно предположить, что по мере исторического развития эмоциональные отношения людей друг к другу все в большей степени выступают в качестве непосредственных регуляторов поведения. Это связано с возрастанием роли психологических факторов в детерминации таких важнейших институтов, как институты дружбы [44] и семьи [95]. Если, например, в прошлом можно было представить себе семью, характеризующуюся преимущественно негативными эмоциональными отношениями» ме-

жду супругами или вовсе не имеющую внутрисемейных эмоциональных связей, то сейчас такая семья скорее всего прекратит свое существование.

Проблема роли эмоциональных отношений в жизни человека весьма актуальна для психологической науки. Как отмечал А. Н. Леонтьев, классические теории эмоций «рассматривают их трансформацию у человека как инволюцию, что и порождает ложный идеал воспитания, сводящийся к требованию «подчинить чувства холодному рассудку» [53, с. 200]. В действительности же, по мнению А. Н. Леонтьева, «эмоциональные процессы и состояния имеют у человека свое собственное положительное развитие» [53, с. 199].

Прежде всего, как показывают эмпирические результаты, эмоциональные отношения влияют на характер протекания процессов внутригруппового взаимодействия [П5]5. Так, например, существует положительная связь между аттракцией и склонностью приходить на помощь тому, к кому она испытывается. Усиление аттракции сопровождается увеличением числа альтруистических поступков, а альтруизм и помощь со своей стороны способствуют росту взаимной аттракции участников взаимодействия [152]. Имеющихся данных пока недостаточно для того, что-

5 Эта проблематика близка к социометрическим исследованиям, имеющим давние традиции в советской психологии 25

37

бы решить, существует ли между этими двумя переменными — альтруистическим поведением и аттракцией — причинно-следственная связь или же корреляционная зависимость объясняется воздействием латентной переменной; но сам факт наличия положительной обратной связи между аттракцией, с одной стороны, и альтруистическим поведением — с другой, можно считать установленным. Таким образом, есть все основания предполагать, что в группе с более высокой аттракцией сильнее развита взаимопомощь.

Люди, вовлеченные в эмоциональные отношения, имеют тенденцию оценивать друг друга более высоко, чем посторонние или даже близко знакомые, но не испытывающие взаимной симпатии индивиды. На вербальном уровне это проявляется в доброжелательном стиле общения и положительной характеристике партнеров в беседах с другими людьми, что, во-первых, способствует созданию психологически комфортной атмосферы внутри группы, а во-вторых, и это особенно важно в ситуации межгруппового конфликта, группа выглядит более сплоченной в глазах тех, кто к ней не принадлежит.

Психологический комфорт и уверенность в хорошем отношении других членов группы важны не только сами по себе. Лишь при выполнении этих условий высказываемое другим человеком несогласие с позицией субъекта не только не уменьшает, но даже увеличивает симпатию к нему. Таким образом, члены группы, характеризующейся высоким уровнем аттракции, могут спорить между собой и критиковать друг друга, не опасаясь отрицательного влияния этих действий на взаимоотношения. Это помогает созданию и поддержанию в группе творческой атмосферы.

Аттракция влияет на уровень конформности и имитации. Оба эти феномена проявляются значительно сильнее, когда моделью служит человек, к которому субъект испытывает симпатию. Если рассматривать эти

результаты в сочетании с данными, свидетельствующими о фасилитирующем воздействии на обучение аттракции к обучающему, становится ясно, что аттракция облегчает как вхождение в группу новичков, способствуя более быстрому овладению необходимыми для члена группы знаниями и навыками, так

за

и передачу опыта от одного члена группы к другому. Процессы взаимного обучения и обмена информацией в группах с высокими показателями аттракции протекают легче еще и благодаря положительной связи между аттракцией и уровнем коммуникации: чем выше аттракция между двумя людьми, тем чаще они общаются или по крайней мере пытаются общаться друг с другом.

Высокий уровень аттракции между участниками общения способствует обычно и большей точности межличностного восприятия. В некоторых ситуациях, особенно стрессовых, это может оказаться весьма полезным как для жизнедеятельности группы, так и для каждого из ее членов. Необходимо добавить, что есть и прямые доказательства того, что присутствие приятных для человека людей, помогает ему справиться со стрессом.

Приведенные здесь факты дают основание считать, что аттракция влияет и на отдельные внутригрупповые процессы, и на группу в целом. Можно предположить, что аттракция между членами группы не только является следствием высокого уровня группового развития, но и сама положительно на него влияет, способствуя превращению группы в коллектив [71].

Аттракция способствует и достижению группой высокой эффективности (понимаемой, согласно Р. С. Немову, как «успешность решения всех социально значимых задач» [75, с. 146]). На это указывают, например, данные Л. С. Цветковой и др. [96], свидетельствующие о том, что терапевтическая группа больных афазией функционирует более успешно в том случае, когда между членами группы устанавливаются доброжелательные отношения, т. е. тогда, когда они испытывают аттракцию друг к другу (терапевтический эффект в данном случае вполне может считаться адекватным индикатором эффективности групповой деятельности).

Основные задачи детского учебного коллектива — обучение и развитие личности — также не могут быть выполнены без определенного уровня аттракции [22, 97]. На материале проблем воспитания подростков и юношей на это указывает А. В. Мудрик, отмечая, что, если подростки «не имеют приятелей и друзей в коллективе или даже активно отвергаются сверст-

39

никами, то такой коллектив — неблагоприятная среда для развития старшекласника» [61, с. 67].

Регулятивная роль устойчивых эмоциональных отношений, в частности любви, видится прежде всего в их воздействии на функционирование и особенно создание семьи. Причиной заключения брака (во всяком случае, основной причиной), судя по данным социально-психологических и социологических исследований, для большинства молодых людей является любовь (см., например, [35]). Если бы в обществе любовь не была та-

ким широко распространенным и признанным феноменом, мог бы разрушиться столь важный для его функционирования институт, как брак.

Но регулятивная роль эмоциональных отношений не может быть понята до конца, если ограничиваться анализом только одной культуры. Необходимы межкультурные сравнения. Оказалось, например, что во многих обществах любовь не включается в число распространенных причин заключения брака, а в некоторых — эмоциональные отношения между будущими супругами считаются даже крайне нежелательными. Имеющиеся данные позволяют связать роль эмоциональных «непрактических» (т. е. не сводимых к прямой экономической или социальной выгоде) факторов с различными аспектами жизни изучавшихся обществ, но прежде всего — со свободой выбора брачного партнера. В тех обществах в которых супруг либо подбирается родителями, исходящими из своих представлений о выгодах будущего союза, I либо должен быть найден среди очень узкого круга, предписываемого сословной принадлежностью или интересами рода, любовь, эмоциональное тяготение друг к другу существенной роли в создании семьи не I играют. Уменьшают влияние любви также и экономическое принуждение к вступлению в брак, материальная и бытовая зависимость супругов друг от друга [185].

В тех же случаях, когда молодые люди действительно самостоятельно выбирают друг друга, когда I их отношения свободны от экономических расчетов, S сословных предрассудков и других «практических оснований», важнейшей детерминантой общения становится эмоциональная связь. Таким образом, одна

40

из функций любви, как это становится ясно из межкультурных исследований, состоит в том, что она является как бы дополнительным ориентиром в выборе партнера тогда, когда отсутствуют другие, более определенные способы его поиска. Кроме того, можно предположить, что возрастание роли любви при отсутствии экономического и иного принуждения может означать, что лишь в этих, более благоприятных условиях реализуется способность к установлению эмоциональных контактов с другими. К данной функции роль любви, однако, не сводится. В некоторых культурах она способствует достижению более высокого статуса, в ряде других связана с обоснованием отделения от родителей и т. д. Любовь, следовательно, полифункциональна, а набор и относительная важность функций связаны с различными аспектами социальной жизни.

Остается неясным механизм влияния таких глобальных характеристик, как, например, свобода выбора брачного партнера, на эмоциональные отношения в паре. П. Розенблатт [185] называет два конкретных способа такого влияния. Во-первых, это нормы и представления, на основе которых индивид строит свое поведение. Они определяют, что контакты с данным человеком престижны или, наоборот, нежелательны, что общение именно с этой девушкой не может переходить границ легкого флирта и т. д. Во-вторых, это возможность для общения. Для того чтобы выбор партнера был действительно свободен, необходимо не только отсутствие факторов принуждения. Нужно еще и достаточное число контактов с потенциальными партнерами. Общество может либо способствовать, либо препятствовать таким контактам. Культуры, характеризующиеся малой сво-

бодой выбора партнера, ограничивают или даже запрещают их. Большая же свобода выбора оказывается связанной с легкостью таких контактов.

Как видно из вышеизложенного, нам больше ясна роль любви в создании, но не в функционировании семьи, данные по проблеме связи любви с успешностью брака сравнительно немногочисленны и весьма противоречивы. Многие специалисты в области семьи относятся к любви настороженно, как к фактору, в лучшем случае не связанному, а в большинстве своем

41

мешающему семейному счастью. Например, в учебнике Р. Адри «Социальный контекст брака» в главе, посвященной успешности брака, любовь даже не упоминается [200]. З. Рубин [187] на основании лонгитюдного исследования 231 пары юношей и девушек приходит к выводу, что уровень любви положительно влияет на прогресс отношений только тогда, когда субъект отношения разделяет романтические установки. Есть и иные данные, свидетельствующие о том, что любовь в браке далеко не всегда играет позитивную роль.

Если бы речь шла о какой-либо другой психологической проблеме, например о проблеме памяти или внимания, этот вывод наверняка был бы признан достаточно обоснованным. Однако в данном случае содержательные моменты так тесно переплетены с этическими, что несоответствие вывода нравственным критериям (которые сами по себе являются продуктом длительной эволюции и отражают, по-видимому, не просто желаемые, но и возможные характеристики общения) заставляет искать новые факты или новые объяснения.

Фактов противоположного рода немного, но они все же есть. Так, сравнение успешных и неудачных браков показало, что в стабильных семьях уровень любви, измеренный по стандартным шкалам, значительно выше [138]. При более подробном анализе структуры супружеской любви оказалось, что счастливые семьи особенно сильно отличаются от несчастливых по вербальному компоненту любви, т. е. в счастливых браках люди чаще говорят друг другу о своей любви. На наш взгляд, этот результат имеет большое значение как в научном, так и гуманистическом плане. Положительная связь между любовью и удовлетворенностью браком была получена также и в проведенном нами совместно с Ю. Е. Алешиной [6] исследовании на материале двухсот супружеских пар с различным стажем брака.

Завершая анализ вопросов регулятивной роли эмоциональных отношений в жизни человека, отметим, что если с точки зрения психологии здесь еще много неясностей, то на уровне обыденного сознания картина достаточно проста и непротиворечива. Так, из опрошенных У. Кепхартом [159] студентов 70% мужчин

42

и 75% женщин сказали, что их опыт любви и отношений с любимым человеком сделал их счастливее, 25% мужчин и 21% женщин не смогли дать определенный ответ, и лишь 5% мужчин и 4% женщин связывают со своим любовным опытом снижение общей удовлетворенности жизнью.

ГЛАВА II

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ИХ РАЗВИТИЯ — ПСИХОЛОГИЯ СИМПАТИИ

§ 1. СИМПАТИЯ КАК РЕАКЦИЯ НА СВОЙСТВА ОБЪЕКТА

Эта и последующие главы книги посвящены детерминации эмоциональных отношений в паре. Рассматриваться будут лишь те факты и закономерности, которые были выявлены в ходе психологических исследований. Здесь не будут разбираться выводы философского анализа эмоциональных отношений, описания их в рамках искусства и т. д. Это, естественно, приведет к резкому сужению, обеднению материала, но в то же время позволит более четко осветить те аспекты эмоциональных отношений, которые становятся понятны именно вследствие их профессионального изучения и не ясны или недостаточно ясны вне контекста психологической науки. Проблема эмоциональных отношений столь сложна и многогранна, что ее целостное описание — задача, требующая интеграции не только фактов, полученных в разных областях гуманитарного знания, но и вообще значительной части того, что накоплено мировой культурой. Эта задача явно непосильна для одного человека. Сознательное же ограничение круга рассматриваемых феноменов лишь теми, которые «видны» с позиций современной психологии (прежде всего экспериментальной социальной психологии), дает возможность добавить какие-то новые штрихи к нашим представлениям о том, чем детерминируются возникновение, развитие и распад эмоциональных отношений в паре.

Эмоциональные отношения на первом этапе их развития предстают в виде симпатий и антипатий одного человека к другому. Межличностный, диадический характер эмоциональных отношений выражен здесь еще в минимальной степени. Возвращаясь к выделенным двум сторонам эмоциональных отношений — развивающемуся процессу и аттракции, можно сказать, что на первом этапе развития эмоциональ-

44

ных отношений именно аттракция выступает в качестве их ведущего компонента.

В соответствии с приведенной на рис. 1 схемой анализа в качестве одной из детерминант появления аттракции выступают свойства ее объекта. Обыденное сознание также уделяет особое внимание этой группе характеристик. Внешние данные, социально-демографические характеристики, поведенческие паттерны человека традиционно считаются главной причиной симпатии или антипатии к нему со стороны других людей.

На первых этапах общения заметнее всего будет воздействие наиболее открытых для наблюдения характеристик человека, не требующих для своего опознания сколько-нибудь длительного времени, таких, как социально-демографическая принадлежность, символы социального статуса и т. д. Главной из таких характеристик является внешность, степень физической привлекательности.

Физическая привлекательность измеряется обычно путем экспертных оценок, степень гомогенности которых при условии принадлежности оценивающих («судей») к одной субкультуре, против ожидания, очень высока [114]. Факторами, влияющими на оценку внешности, являются пол

«судьи» и степень его знакомства с оцениваемым — знакомых оценивают значимо выше, личностные же особенности «судей» на оценку не влияют. Это позволяет сделать вывод о том, что оценка физической привлекательности или красоты другого человека определяется степенью соответствия его одному из существующих стандартов внешности, одинаковых для людей, принадлежащих к одной или близким субкультурам. Распространенность и жесткость таких стандартов можно связать с воздействием кино и телевидения, рекламирующих одни и те же образцы внешности.

Наиболее распространенным результатом исследования связи физической привлекательности объекта и симпатии к нему является констатация преимущества более красивых. Это преимущество проявляется и в более высоком социометрическом статусе в группе сверстников начиная с раннего детства (по данным К. Дайон [129, 130], красивая внешность обеспечивает и мальчикам и девочкам более высокую

45

популярность начиная с четырех лет, отрицательная зависимость фиксируется лишь у девочек от 5 лет 5 месяцев до 6 лет 10 месяцев), и в диадическом межполовом общении. Так, Э. Уолстер и др. [204] еще в начале 60-х годов установили, что удовлетворенность партнером на танцах определяется только его физическими данными и не зависит от интеллекта, социально-демографической принадлежности и других характеристик.

Можно выдвинуть ряд гипотез, объясняющих наличие такой связи. Во-первых, не исключено, что красота является безусловным положительным подкреплением, что в свою очередь связано с особенностями филогенеза человека. Действительно, есть данные, что субъект осуществляет выбор красивых, даже и не предполагая общаться с ними и вообще имея весьма ограниченный опыт контакта с людьми. Так, дети обоего пола от 2 лет 9 месяцев до 6 лет 1 месяца в ситуации эксперимента значимо чаще вызывали на экран тахистоскопа изображение красивого сверстника, чем некрасивого [129]. Но если красота является безусловным стимулом, стандарты ее должны быть в силу принадлежности всех людей к виду *homo sapiens* одинаковы во всех человеческих обществах. В действительности это далеко не так. Еще Ч. Дарвин отмечал, что у человека нет единых стандартов красивого тела, а, по выражению Дж. Хоманса, «мы значительно лучше знаем, что нравится рыбам, чем то, что нравится людям» [151]. Конечно, развитие средств массовой коммуникации и экспансия европейской культуры привели к некоторой межкультурной унификации стандартов красоты, тем не менее степень их разнообразия очень велика. По данным межкультурных исследований единственной характеристикой тела, ассоциирующейся с физической привлекательностью во всех известных нам культурах, является развитие мускулатуры и рост у мужчин [114]. Столь же жестким правилом для разнополой диады является требование того, чтобы мужчина был выше и физически сильнее женщины, поэтому мужчины маленького роста и высокие женщины находятся в невыгодном положении, объективно имея меньше потенциальных партнеров.

Во-вторых, предпочтение более красивых может

46

вызываться большим развитием у них коммуникативных навыков. Данные по этому вопросу различаются для мужчин и женщин. Так, Г. Рейс и др. [183] обнаружили, что физическая привлекательность мужчин способствует интенсификации их контактов с женщинами и снижению уровня контактов с мужчинами. У женщин же уровень физической привлекательности вообще не влияет на интенсивность социального взаимодействия. Эти же авторы показали, что физическая привлекательность влияет не столько на интенсивность, сколько на содержание общения. У более красивых мужчин и женщин в общении с другими людьми ориентация непосредственно на партнера, например разговор о нем, доминирует над ориентацией на достижение какой-либо внешней по отношению к общающимся индивидам цели. Таким образом, предположение о наличии связей между уровнем физической привлекательности и коммуникативными навыками остается открытым. Связи подобного рода, обнаруженные при исследовании взрослых людей, могут объясняться различными условиями социализации красивых и некрасивых людей. Данные же по детям немногочисленны и противоречивы.

В-третьих, положительная связь между красотой и популярностью может быть вызвана какими-либо «выгодами» общения с более физически привлекательными. В пользу такого прагматического объяснения свидетельствует так называемый эффект «иррадиации красоты». Как показали Г. Сигал и Э. Аронсон [195], оценка физической привлекательности мужчины существенно зависит от внешних данных женщины, считающейся его постоянным партнером. Таким образом, красивый партнер как бы позволяет повысить уровень собственной физической привлекательности, к чему стремится большинство людей. По данным Э. Ласки [166], 75% опрошенных ею женщин и 56% мужчин студенческого возраста хотели бы обладать физической привлекательностью, оцениваемой в 7 баллов по семибальной шкале.

1 Наиболее интересным здесь представляется нам тот факт, что максимальную физическую привлекательность выбрали в качестве желательной для себя не все испытуемые. По-видимому, это связано с известной предубежденностью против красивых людей, о которой речь пойдет ниже.

47

В-четвертых, ориентация на более красивых может задаваться существованием стереотипов, связывающих отдельные внешние характеристики или уровень физической привлекательности в целом с определенными характерологическими чертами. Так, мужчины воспринимают женщин с расширенными зрачками (в условиях эксперимента — вследствие пребывания в помещениях с контрастной освещенностью) как сексуально возбужденных [114]. Более красивым из изображенных на фотографии объектов испытуемые обоего пола чаще приписывают положительные личностные черты и сулят счастливое будущее [129], людей же с физическими недостатками стигматизируют, приписывая им различные пороки [114].

В серии исследований, проведенных под руководством К. Дайон [129, 130], было показано, что внешность объекта существенно влияет на атрибутивные процессы. Все эксперименты были построены по одной схеме: группе судей сообщали информацию о проступке, совершенном неизвестным им человеком (это мог быть ребенок-дошкольник, младший

школьник, школьник старших классов или студент), и давали его фотографию. В качестве судей выступали преподаватели соответствующих учебных заведений и для двух последних возрастных групп — сверстники «обвиняемых». Задача судей состояла в том, чтобы на основании имеющихся сведений сделать вывод о личностных особенностях «обвиняемого» и предложить меру наказания. Оказалось, что во всех группах судьи выносили более жесткие решения и приписывали более негативные личностные свойства в случае, когда проступок совершал некрасивый человек.

В целом можно считать, что последнее предположение о существовании стереотипа «красивый значит хороший» является наиболее обоснованным из всех четырех гипотез, выдвинутых для объяснения связи между физической привлекательностью и аттракцией.

Отметим, однако, что наряду с тенденцией выбора наиболее красивых существует и иная: предпочтение партнеров того же, что и у себя самого, уровня физической привлекательности. Такая зависимость была обнаружена в ряде полевых и лабораторных исследова-

48

ований. Например, в работе И. Сильвермана [196] осуществлялось наблюдение за парами пришедших в бар юношей и девушек. Независимые судьи оценивали физическую привлекательность обоих партнеров и по поведенческим признакам — степень удовлетворенности отношениями. Оказалось, что исследуемая характеристика зависит не от абсолютных оценок внешних данных партнеров, а от сходства этих оценок. Отметим, что тенденция предпочтения сходных, хорошо описываемая с точки зрения представлений о социальном обмене, действует гораздо слабее, чем склонность к выбору наиболее красивых.

Говоря о связи физической привлекательности и аттракции, нельзя абстрагироваться от этических моментов. Привилегированное положение красивых (а его, по данным К. Дайон [129], осознают уже четырехлетние дети, отвечающие на соответствующий вопрос, что лучше быть красивым, так как тогда «тебя все будут любить и не будут обижать») не соответствует представлению большинства людей о справедливости и недопустимости неравенства. Этическая неприемлемость многих фактов, свидетельствующих о связи аттракции и красоты, долгое время даже была тормозом в исследовании этой проблемы. В конце концов большинство общественных движений вдохновлялись именно идеями равенства", отсутствия каких-либо привилегий и дискриминации. Примириться с тем фактом, что без всяких заслуг со своей стороны человек более красивый, чем другие, попадает в более выгодное положение (а некрасивый — безо всякой вины — в невыгодное), крайне трудно.

Выход здесь, конечно, не в том, чтобы не исследовать влияние внешности на отношение к человеку, а в проведении более тщательных исследований, которые, с одной стороны, позволят избежать примитивизации представлений о связи физической привлекательности и аттракции, а с другой, могут помочь в поиске способов «обхода» объективно существующих, но этически неприемлемых зависимостей.

Оказалось, что связь между аттракцией и физической привлекательностью все же не так проста, как кажется на первый взгляд.

Прежде всего далеко не все данные проведенных в этой области экспериментов обладают достаточно

49

высокой экологической валидностью. В большей части экспериментов, например, в качестве стимула использовались фотографии, предположение же об одинаковой реакции на изображение человека и на него самого нуждается в доказательстве. Кроме того, не всегда надежны измерительные процедуры. Так, при использовании пятибалльных шкал физической привлекательности разброс оценок крайне невелик — большинство мужчин получают баллы от 2,5 до 3,5; женщин — от 2 до 4 [200].

Далее, предпочтение более красивых проявляется, хотя и часто, но не всегда, и этот факт имеет большое воспитательное значение. Отметим прежде всего, что более высокий уровень физической привлекательности не обеспечивает стабильного успеха в долговременных отношениях. Так, в проведенном под руководством автора дипломном исследовании Н. Г. Шевцовой было показано, что физическая привлекательность супругов не влияет на взаимоотношения в семье и стабильность брака. Нет жесткой связи и между внешностью, с одной стороны, и успехом в романтических отношениях — с другой [44]. Существуют в зависимости аттракции от внешности и большие половые различия. Например, приписывание интеллекта и высокой нравственности положительно связано с физической привлекательностью для объектов-женщин и отрицательно для объектов-мужчин [120]. Интересно, что если, например, популярность женщин среди мужчин больше связана с красотой, чем популярность мужчин среди женщин (что соответствует представлениям «здорового смысла»), то удовлетворенность общением, необходимая для продолжения контакта, коррелирует с физической привлекательностью партнера для женщин на уровне 0,60, а для мужчин — только 0,39 [119], т. е. реально женщины больше ориентируются на внешние данные партнера, чем мужчины. В целом же в достаточно большой группе испытуемых всегда найдется респондент, испытывающий максимальную аттракцию к тому объекту, который не вызывает аттракции у большинства других членов группы [114].

Есть основания предположить, что в основе предпочтения красивых или некрасивых лежит не столько стремление выбрать себе «равного» или самого кра-

50

сивого партнера, сколько прогноз его реакций на себя — хотя общения как такового еще нет, есть уже попытка представить себе его будущее развитие. Как показал Т. Хастон [153], в случае уверенности испытуемого в отношении к себе со стороны партнера он выбирает наиболее красивого из всех возможных, при отсутствии такой уверенности — ориентируется на средний или даже низкий уровень физической привлекательности.

На прогноз отношения к себе влияет и состояние субъекта, в частности ситуативные аспекты самооценки внешности² и общей самооценки. Так, С. Кислер и Р. Барал [164] путем фальсификации информации о результатах личностного тестирования варьировали самооценку испытуемых (мужчин) и затем в перерыве между экспериментами «случайно» познакомили их с девушкой. Физическая привлекательность девушки варьиро-

валась с помощью одежды и косметики: в одном случае она была привлекательна, в другом — уровень красоты резко снижался. Оказалось, что испытуемые с завышенной самооценкой проявляли большую аттракцию (и по поведенческим признакам, и по результатам ретроспективного тестирования) к красивой девушке, а испытуемые с заниженной самооценкой — к некрасивой.

Если даже прогноз поведения другого влияет на связь красоты с аттракцией, то тем более такое влияние оказывают реальные особенности его поведения. Например, описанная выше склонность к более мягкому «суду» над красивыми меняется на противоположную, если «подсудимый» пытается использовать свои внешние достоинства при достижении аморальных целей [129] или не может найти убедительного оправдания своему проступку [114]. Главной же характеристикой поведения в этом случае является отношение объекта к субъекту аттракции; в случае получения позитивной оценки со стороны объекта аттракция положительно связана с его физической при-

2 Существует слабая положительная связь самооценки своей физической привлекательности и ее значения, измеренного независимыми судьями. При этом люди с низким уровнем физической привлекательности систематически завышают самооценку по этому признаку, люди же с ее высоким уровнем — иногда занижают [166].

51

влекательностью, в случае же негативной — отрицательно [195]. Можно предположить, что красивый человек имеет как бы больше власти над другими, чем некрасивый, — положительная оценка, данная красивым, доставляет больше радости, но и отрицательная больше огорчает [Ш]. Таким образом, аттракция и физическая привлекательность находятся в исключительно сложных, опосредуемых воздействием других переменных, зависимостях друг от друга. Вопрос о характере и знаке этой зависимости необходимо каждый раз решать особо.

Есть, вообще, обоснованные сомнения в том, что респондент способен, отвечая на вопрос о внешности субъекта, отрешиться ото всех других не связанных с внешностью характеристик³. Весьма вероятно, что как красивых мы оцениваем людей, обладающих комплексом других достоинств, т. е. восприятие красоты является лишь выражением более общей положительной оценки человека. Об этом говорит, например, тот факт, что оценки физической привлекательности человека меняются в течение жизни. Так, по данным Н. Ливсона [172], оценки физической привлекательности одних и тех же женщин в 15 и в 47 лет коррелируют лишь на уровне 0,29, причем в юности и в зрелом возрасте оценка объекта как физически привлекательного коррелирует с наличием у него принципиально разных синдромов личностных свойств.

Помимо внешности, на аттракцию влияют и другие свойства ее объекта, например социальные характеристики человека, такие, как статус, образование, профессия и т. д. В большинстве случаев аттракция положительно коррелирует с достоинствами объекта. У этого правила есть, однако, серьезные ограничения: «слишком» большая выраженность у человека положительных характеристик снижает аттракцию к нему. Такие данные, в частности, получил Э. Аронсон [111], изучавший влияние на

аттракцию некой обобщенной характеристики, свидетельствующей о степени подготовленности человека к различным видам деятельно-

3 Это связано с более общей проблемой возможности выбора отдельных характеристик при оценке другого человека. Часть исследователей считает, что в любой конкретной оценке проявляется общее отношение к объекту (см., например, [103]).

62

сти, о владении широким классом навыков, умении общаться с людьми и т. д. Эту характеристику можно назвать компетентностью. Кажется очевидным, что вне соревновательной ситуации, когда другой человек не является противником, конкурентом, более компетентный субъект будет нравиться больше, чем менее компетентный, — ведь он обладает большим набором положительных качеств (ловкий, умелый, сообразительный и т. д.). Для проверки данного предположения испытуемые были разбиты на четыре группы, каждой из которых предъявлялась видеоманитофонная запись интервью с одним и тем же человеком. Интервью было якобы одной из стадий отбора кандидатов для получения какой-то премии. В ходе беседы интервьюер выяснял некоторые детали биографии опрашиваемого, интересовался его академическими успехами, а также задавал ряд вопросов, которые обычно задаются на викторинах. Испытуемым первой группы интервьюируемый представлялся человеком весьма компетентным — 82% его ответов были правильны, он хорошо учился в школе и т. д. Для второй группы испытуемых то же самое изображение сопровождалось другим текстом — интервьюируемый представлял человека невысокой компетентности, отвечая правильно лишь на 30% вопросов, средне учился в школе, работал не на престижной работе (корректором, тогда как в первом случае — это был редактор) и т. д. Третья и четвертая группы получали информацию, идентичную первой и второй, за тем исключением, что в конце беседы опрашиваемый проливал на себя чашечку кофе и восклицал при этом: «О, Боже, я облил свой новый костюм». Испытуемые каждой группы должны были оценить, насколько им понравился человек, беседу с которым они наблюдали.

Если придерживаться мнения о прямолинейной зависимости между компетентностью и аттракцией, то можно ожидать, что пролитый кофе и эмоциональная реакция на это, безусловно снижающие компетентность человека в глазах наблюдателя, должны привести к уменьшению симпатии к нему. Но это оказалось верным лишь в случае невысокой компетентности интервьюируемого. Тогда же, когда он представал высококомпетентным субъектом, этот инцидент, наоборот, повышал аттракцию к нему (т. е. испытуемым

53

третьей группы, опрашиваемый понравился больше, чем участникам первой). Такой парадоксальный, на первый взгляд, результат может иметь ряд объяснений. Во-первых, слишком высокая компетентность человека может способствовать снижению самооценки его партнера, повышению тревожности и, следовательно, приводить к стремлению избегать общения с ним — на уровне эксперимента это проявляется в снижении аттракции. Во-вторых, предельная выраженность у человека положительных свойств может ассоциироваться с рядом негативных личностных ха-

рактистических. Напомним, что согласно данным исследований по имплицитной теории личности координаты «хороший», с одной стороны, и сильный, умный, красивый и т. д. — с другой, связаны отрицательно. Это значит, что существуют довольно стойкие предубеждения против носителей не только отрицательных, но и, в случае их экстраординарной представленности™, положительных характеристик.

Итак, можно считать что свойства объекта и аттракция связаны криволинейными зависимостями, опосредованными воздействием других переменных.

Естественно, на аттракцию влияют и некоторые особенности вербального и невербального поведения объекта. Так, большей популярностью пользуются люди, предпочитающие смотреть в глаза собеседнику, резко повышает аттрактивность человека улыбка, влияют на аттракцию и ряд индивидуальных характеристик объекта, таких, как тембр голоса, конституциональный тип и т. д.

Значимой детерминантой аттракции является и склонность человека к самораскрытию [188]. Влияние этой переменной (как и вообще поведенческих переменных) зависит от соответствия тех или иных актов определенным правилам. Так, в целом самораскрытие связано с аттракцией положительно, но лишь до определенного предела. Если объектом самораскрытия между незнакомыми людьми становятся интимные моменты жизни человека, особенно те, которые находятся в противоречиях с общественной моралью, то аттракция снижается. Таким образом, аттракция и самораскрытие находятся аналогично аттракции и компетентности в криволинейной зависимости. Точка перегиба, в которой происходит смена знака зависи-

54

мости, определяется здесь нормами данной субкультуры, диктующими определенный уровень откровенности и открытости между малознакомыми или незнакомыми людьми.

Еще одной особенностью объекта, влияющей на аттракцию к нему, является характеристика, не столько в действительности присущая человеку, сколько приписываемая ему, — это его удачливость, т. е., представление о том, что даже в ситуации, не зависящей от собственной воли и поступков, его шансы на успех выше, чем у других. Обладание такими «свойствами» нередко повышает аттракцию к человеку [115]. Недаром полководцы распространяли среди солдат легенды о своей неуязвимости и военном счастье. Такая зависимость может быть объяснена с точки зрения выдвинутой М. Лернером теории «веры в справедливый мир» [168], согласно которой большинство людей склонно считать что мир, даже в своих физических, чисто случайных проявлениях, в целом справедлив, следовательно, и добро и зло вознаграждаются по заслугам (разумеется, такая концепция может влиять на поведение и оставаясь неосознанной). Как это ни парадоксально, вера в справедливый мир (справедливый имманентно, без целенаправленных усилий людей) приводит к несправедливости, жестокости: если человек победил — он прав, если проиграл — нет.

В одном из экспериментов М. Лернера четверо испытуемых играли в некую игру, которая была организована таким образом, что каждый из

участников вносил в конечный результат совершенно одинаковый вклад. В конце игры награждался один случайно выбранный игрок, и у испытуемых спрашивали, кто, по их мнению, сделал больше других для достижения цели? Большинство испытуемых считали таким человеком того, кто получил награду. В другой работе испытуемым предлагалось для анализа дорожно-транспортное происшествие, в результате которого был ранен пешеход. В их задачу входило определение степени ответственности всех участников. Всем испытуемым были знакомы правила дорожного движения, ситуация была построена таким образом, что невиновность пешехода и вина водителя не вызывали сомнения. Действительно, - когда сообщалось, что ране-

55

ние пешехода легкое, задача решалась правильно. В тех же случаях, когда в условия задачи вводилась информация о тяжелом или даже смертельном ранении пешехода, испытуемые частично перекладывали вину за происшедшее на жертву, хотя сама ситуация никакого основания для такого перераспределения ответственности не давала [168].

Этот эксперимент позволяет понять механизм «веры в справедливый мир» — человек просто не хочет верить в то, что лично с ним без всякой его вины могут случаться несчастья, а его достоинства и заслуги могут остаться вознагражденными. Убеждение же в «справедливости мира» эффективно снимает эти страхи.

Следствием веры в «справедливый мир» является и возникновение антипатии к жертвам каких-либо несчастий (таким образом можно объяснить уже упоминавшуюся дискриминацию людей с физическими недостатками). Так, М. Лернер демонстрировал своим испытуемым видеозапись обучающего эксперимента, в котором в качестве отрицательного подкрепления использовались сильные удары электрическим током, вызывавшие резкие болевые реакции «ученика» (в действительности ток, конечно, не давался, вся сцена просто разыгрывалась по определенной программе). Испытуемые должны были оценить, насколько им нравится или не нравится «ученик» и в какой степени он заслужил свою участь. Результаты неопровержимо свидетельствуют о том, что чем сильнее страдания жертвы, тем большую антипатию она вызывает и тем в большей степени испытуемые склонны оправдывать происходящее.

Есть, правда, одно условие, при наличии которого эта с этической точки зрения явно негативная закономерность не действует. Часть испытуемых считали, что они наблюдают не видеозапись, а следят по монитору за происходящим в соседней комнате, половине испытуемых при этом было оказано, что они могут в любой момент прервать этот эксперимент, т. е. избавить жертву от страданий. В последнем случае аттракция к жертве была значительно выше, чем тогда, когда испытуемый не имел возможности вмешаться. Чувство ответственности за другого человека и реальная возможность помочь ему способствуют таким об-

56

разом росту аттракции. Итак, мы видим, что влияние на аттракцию даже столь эфемерной характеристики, какой является удачливость, не может быть выражено однозначной зависимостью, оно опосредуется взаимодействием между субъектом и объектом.

В целом психологические исследования зависимости эмоциональных отношений на первом этапе их развития от свойств их объекта позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, наибольшее влияние на аттракцию оказывают такие легко наблюдаемые параметры, как внешность и социально-демографические характеристики. Во-вторых, наряду с ориентацией на людей с максимальной выраженностью положительных характеристик действует и стремление к выбору «равных». Доминирование той или иной тенденции определяется прогнозом поведения партнера — в случае гарантированного принятия с его стороны в большей степени выражена первая зависимость в случае неуверенности в его отношении — вторая 4. В-третьих, между положительными свойствами объекта и аттракцией к нему существует криволинейная зависимость — с какого-то момента дальнейшее увеличение выраженности данной характеристики (например, интеллекта или физической привлекательности) ведет не к увеличению, а к уменьшению симпатии к объекту. И, в-четвертых, ни одна из характеристик объекта не определяет однозначно аттракции — связь между свойствами объекта и аттракцией опосредуется состоянием субъекта, соотношением свойств и взаимодействием между субъектом и объектом.

§ 2. СИМПАТИЯ И СООТНОШЕНИЕ СВОЙСТВ МЕЖДУ СУБЪЕКТОМ И ОБЪЕКТОМ

Большое влияние как на саму аттракцию, так и на характер ее зависимости от других переменных оказывает соотношение устойчивых свойств членов пары [79]. В наибольшей степени в этом смысле изучено влияние на аттракцию степени сходства или несходства установок. Результаты подавляющего большин-

4 Отметим, что большинство реальных контактов с другими людьми в начальный период общения характеризуется именно неуверенностью в том, как к тебе относится твой партнер.

57

ства работ свидетельствуют о Положительном влиянии совпадения или близости установок на аттракцию.

Наиболее влиятельными среди работ этого направления являются исследования, проведенные под руководством Д. Бирна и выполненные с использованием разработанной авторами методики «поддельного незнакомца» [118]. Она состоит в следующем: на первом этапе исследования измеряются аттитюды испытуемого по отношению к различным объектам, на втором — ему предъявляются результаты измерения установок какого-либо другого человека на те же объекты. В действительности эти данные фиктивны, «результаты» представляют собой лишь ту или иную степень приближения к собственным установкам испытуемого. На третьем этапе работы измеряется аттракция испытуемого к человеку, якобы заполнявшему вопросник, причем никакой дополнительной информации респондент обычно не получает.

Д. Бирн и его соавторы пришли к выводу о существовании прямой пропорциональной зависимости между степенью сходства "аттитюдов и уровнем аттракции. Были подсчитаны даже числовые значения коэффициентов в формуле, определяющей аттракцию как функцию сходства установок (эта зависимость получила название закона аттракции Бирна — Нельсона) [118]. По данным авторов, при предъявлении строго опреде-

ленного числа установок (обычно их 12) ни значимость их для испытуемых, ни степень обобщенности объекта аттитюда, ни другие характеристики не играют никакой роли — единственной детерминантой аттракции является число совпадающих или несовпадающих суждений. Свои выводы авторы проверяли не только в лаборатории, но и в полевых экспериментах, которые продемонстрировали их релевантность весьма широкому классу ситуаций общения, правда в основном кратковременного.

Работы, проведенные группой Д. Бирна, столь многочисленны, что, по выражению одного исследователя, «возникает впечатление, что в социальной психологии межличностной аттракции других работ вообще не существует» [133]. Это, конечно, далеко не так. Существуют эксперименты, направленные так же, как и эксперименты Д. Бирна, на выяснение влияния на аттракцию сходства установок, но организо-

58

ванные принципиально иначе. Авторы некоторых из них подвергают вполне обоснованному, на наш взгляд, сомнению адекватность исследовательской схемы «поддельный незнакомец» феномену межличностной аттракции и критикуют полученные с ее помощью результаты. Оказалось, что закон аттракции справедлив лишь в тех ситуациях, когда, как в экспериментальных ситуациях Д. Бирна, общения фактически нет, оно находится на «нулевой» стадии. Как только начинает развиваться реальный процесс общения, закономерности резко усложняются — сходство по важным для субъекта установкам влияет больше, чем сходство по неважным, совпадение по обобщенным установкам воздействует сильнее, чем по сугубо конкретным, и т. д. Прямая зависимость аттракции от степени сходства установок нарушается и в тех случаях, когда испытуемый может возразить субъекту несходных установок, может попытаться переубедить его и т. д. [114]. Было также обнаружено, что более важное значение имеет не сходство самих установок, а совпадение способа их обоснования, например прагматического или этического [132]. Д. Бирн рассматривает установки на отдельные объекты независимо друг от друга, вырванные из контекста когнитивной системы субъекта. Это существенно снижает валидность его результатов. Было показано, например, что с точки зрения детерминации аттракции совпадение конкретных установок значительно менее важно, чем структурное сходство всей системы аттитюдов 5 [198]. Принцип сходства нарушается также и тогда, когда у испытуемого уже сформировано отрицательное отношение к объекту — сходство установок здесь только снижает аттракцию [111], когда объект более успешен, чем субъект по какой-либо значимой деятельности [115] и в ряде других случаев. Присоединяясь к кри-

5 Под структурным сходством аттитюдов понимается не близость установок на отдельные объекты, а совпадение имплицитно присутствующих представлений о связи этих объектов между собой. Так, одинаковое отношение респондента к двум объектам является манифестацией представления о их некотором единстве, разное — о различии. Таким образом, структурное сходство когнитивной системы двух людей возможно и тогда, когда сами установки у них резко различаются. Например, если один субъект оценивает два каких-либо объекта положительно, а другой — оба

эти объекта отрицательно, совпадение установок отсутствует, а структурное сходство высоко.

тике работ группы Д. Бирна, можно отметить, что в данном случае произошел своеобразный «сдвиг мотива на цель»: сбор все новых и новых фактов заслонил мотив познания феномена аттракциб.

Однако, несмотря на серьезные ограничения принципа сходства, в большинстве случаев он все же действует — полученная тем или иным способом информация о близости своих взглядов и взглядов другого человека способствует появлению симпатии к этому человеку. С чем может быть связана такая зависимость?

Прежде всего надо проверить возможность обратного влияния аттракции на сходство установок, реальное или воспринимаемое. Действительно, хорошее отношение к человеку приводит к тому, что ему приписываются установки, сходные со своими собственными. Показано также, что в процессе общения при наличии положительных эмоциональных отношений в паре системы установок двух людей, как правило, сближаются. Однако, как было продемонстрировано в ряде лонгитюдных исследований, эта зависимость «е отменяет того факта, что начальное сходство установок двух людей способствует появлению аттракции между ними.

Зависимость между аттракцией и сходством установок может быть объяснена с точки зрения теории социального сравнения стремлением верифицировать свои взгляды. Кроме того, сходство установок по ряду позиций, обнаруженное в начальный период общения, может служить испытуемому основанием для прогноза поведения и реакций другого человека — зафиксированное в условиях дефицита времени сходство, пусть даже и по несущественным вопросам, экстраполируется и на другие, более важные аспекты жизнедеятельности, служит своеобразным сигналом (не всегда верным, разумеется) наличия согласия по широкому кругу имеющих для субъекта принципиальное значение проблем. Наконец, об-суждаемая зави-

6 Можно предположить, что интенсивность критики Бирна связана еще и с тем, что психологи, ориентируясь, с одной стороны, на поиск простых закономерностей, по строгости и ясности формулировок приближающихся к физическим, с другой — как и люди иных профессий, с недоверием встречают «слишком простые», как бы «унижающие» человека объяснения законов психики.

60

симось может быть следствием воздействия третьей, латентной переменной. В качестве такой переменной могут выступать характеристики среды, в которой развивается процесс общения, — пространственная близость, принадлежность к одной субкультуре и т.д. Сходство взглядов приводит к выбору одинаковой среды, общность же среды, как будет показано ниже, стимулирует рост аттракции.

Другим классом свойств членов пары, влияние соотношения которых на эмоциональные отношения в паре следует рассмотреть, являются свойства личности. Если по вопросу о влиянии на аттракцию сходства установок есть хотя бы некоторое согласие, то результаты, касающиеся соотношения личностных свойств членов пары, крайне противоречивы. По данным одних исследователей, так же, как и в случае с установками, сходство играет положительную роль, по данным других — более важна

взаимодополнительность потребностей сферы [154] или соотношение, названное [115] принципом дополнения т. е. ориентация на те личностные характеристики, которые слабо выражены у субъекта (например, робкий человек будет особенно симпатизировать смелому). Большую роль, уже на самых первых этапах общения играет сходство в использовании тех или иных личностных конструкторов. Для оценки другого человека [158]. В целом же влияние соотношения личностных характеристик, весьма важное на последующих этапах общения в первый период оказывает на эмоциональные отношения довольно слабое воздействие. По-видимому, степень влияния в начальный период определяется, помимо всего прочего, возможностью быстро опознать то или иное свойство. В этом смысле личностные характеристики представляются наименее доступными, установки — более открыты, а легче всего опознаются социально-демографические характеристики объекта — его классовая, этническая, когортная принадлежность. Не случайно и сходство по этим характеристикам играет, как было многократно продемонстрировано [154], существенную роль в возникновении симпатии.

Таким образом, мы видим, что в большинстве случаев аттракция возникает согласно принципу сходства. Причины столь большого влияния сходства на ат-

61

тракцию до сих пор до конца не ясны. Наряду с объяснительными моделями, ориентированными на подкрепляющий характер сходства, существуют и такие, которые считают сходство не более чем сопутствующей характеристикой, основной же — приписывание объекту (на основе похожести его на самого себя) различных положительных свойств. Этот подход, связанный с информационно-интеграционной теорией межличностного восприятия [ПО], получил в последние годы ряд эмпирических подтверждений. Здесь, как мы видим, фактически продолжается апелляция к свойствам объекта как к центральным детерминантам аттракции.

Нельзя не отметить, что значимость сходства в детерминации аттракции (чем бы эта зависимость не вызывалась) свидетельствует об известном консерватизме неформального общения — большинство людей выбирают себе в партнеры тех, кто принадлежит к той же социально-демографической группе, имеет сходный жизненный путь, разделяет те же взгляды и т. д. Общение с таким партнером, естественно, приводит к укреплению сложившегося когнитивного баланса и крайне редко способствует возникновению диссонансов, закрепляет предрассудки и мешает усвоению принципиально новой информации.

Конечно, полностью отрешиться от себя, как от своего рода точки отсчета, по-видимому, невозможно — в оценке личности другого человека, например, собственное самосознание всегда выступает в качестве системообразующего признака. Интересно, что люди, обратившиеся за получением психологической помощи, описывая свой часто делинквентный опыт, нередко оценивают его как вполне обычный, такой, «как у всех». Эта тенденция сохраняется и при знакомстве клиента с психологическими, сексологическими или другими, релевантными его проблемам данными, которые, казалось бы, ясно свидетельствуют о неординарности его жизненного пути.) Тем не менее ориентация на абсолютное сходство (в

пределе — признание идеальным партнером своего отражения в зеркале!) существенно обедняет жизнь человека. Обратимся еще раз к ситуациям, в которых принцип сходства нарушается.

Помимо факторов, способствующих нарушению

62

Тенденции выбора похожих людей, о которой говорилось выше, отметим еще ряд моментов, имеющих принципиальное значение. Предпочтение сходных по максимальному числу критериев может быть связано с желанием «гарантировать» себе хорошее отношение со стороны партнера. Большинство респондентов предполагают при этом, что чем больше сходство между ними и партнером, тем больше оснований ожидать с его стороны принятия и тем меньше соответственно оснований бояться его. Кроме того, похожий человек более понятен и, следовательно, предсказуем. Можно предположить, что предпочтение сходных людей связано со стремлением обеспечить себе психологическую безопасность и комфортность общения.

Основания для такого вывода есть и в ряде экспериментальных работ. Еще в начале 60-х годов было показано, что в ситуации уверенности в положительной оценке со стороны других лиц резко увеличивается предпочтение общаться с представителями несхожей социально-демографической группы [203]. В другом исследовании [199] обнаружилось, что сходство установок положительно связано с аттракцией в тех случаях, когда субъект не справляется с задачей прогноза поведения данного человека, в случае же решения этой задачи предпочтение отдается несходным по взглядам людям.

Следовательно, в ситуации психологически безопасной действительности принципа сходства снижается, увеличивается тенденция к общению с непохожими по взглядам людьми, что с точки зрения развития человека является безусловно предпочтительным. Такая ситуация безопасности может возникать либо вследствие особым образом организованного общения, либо вследствие некоторых личностных характеристик его участников, делающих их нечувствительными в определенных пределах к негативным оценкам. .

Итак, на первых этапах развития эмоциональных отношений в паре на аттракцию положительно влияет сходство социально-демографических характеристик и

63

близость систем социальных установок и ценностных ориентации двух людей. Наибольшее влияние при этом оказывает близость взглядов по принципиальным для обоих субъектов и обобщенным предметам. Различные варианты соотношения личностных свойств партнеров оказывают противоречивое и не до конца понятное воздействие на аттракцию. С уверенностью можно лишь констатировать неадекватность ' «простых» формул типа «противоположности сходятся». Симпатия к похожим на самого себя людям и соответственно выбор их в качестве партнеров по общению носят консервативный характер и могут быть следствием стремления к обеспечению психологической безопасности. У субъектов, ощу-

щающих себя психологически комфортно (уверенных в положительном отношении к себе со стороны других людей, способных верно прогнозировать поведение окружающих и т. д.), принцип сходства нарушается, они способны испытывать аттракцию к людям, отличающимся от них по социально-демографическим характеристикам и придерживающимся иных по сравнению с их собственными взглядов.

§ 3. СИМПАТИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Эмоциональные отношения определяются как содержанием процесса общения, так и многими ситуативными факторами. Даже такие непсихологические особенности ситуации взаимодействия, как температура окружающей среды и скученность в помещении, оказывают на аттракцию значимое и вполне поддающееся регистрации влияние. Так, в ряде работ было показано, что существуют оптимальные диапазоны обоих этих параметров, обеспечивающие, при прочих равных условиях, максимальную аттракцию к объекту [144]. Наиболее адекватной для объяснения этой зависимости представляется апелляция к состоянию субъекта, определяющемуся в известной степени характеристиками среды — человек, находящийся в более комфортных условиях, склонен, по-видимому, более позитивно относиться к другим людям. (Подробно вопрос о влиянии состояния субъекта на аттракцию будет рассмотрен в следующем параграфе.)

Наибольшее по сравнению со всеми остальными ситуативными или так называемыми «экологическими»

64

переменными влияние на развитие эмоциональных отношений оказывает пространственная близость между участниками общения. Огромный массив данных свидетельствует о том, что чем меньше расстояние между субъектом и объектом, тем с большей вероятностью возникает аттракция между ними. (Именно эта зависимость позволяет использовать пространственную близость как один из индикаторов аттракции.) Приведем для иллюстрации результаты некоторых исследований.

Показано, например, что взаимная симпатия между членами учебных групп (школьных, студенческих, курсантов военных училищ и т. п.) существенным образом зависит от того, насколько близко они сидят во время занятий, как расположены их койки в общежитии и т. д. Так, Т. Ньюком, расселив в одном небольшом общежитии 17 незнакомых друг другу ранее студентов, обнаружил, что в первые недели совместной жизни их взаимоотношения зависели прежде всего от того, в одной или в разных комнатах и на одном или на разных этажах они жили — пространственная близость оказалась положительно связанной с аттракцией. Все остальные регистрировавшиеся в исследовании переменные на первых этапах общения существенной роли не играли [66]. Аналогичные результаты получил М. Сигал, исследовавший социометрические выборы курсантов школы полиции. Аттракция у них оказалась связанной с близостью субъекта и объекта в алфавитном списке учащихся. Этот бессмысленный на первый взгляд результат объясняется тем, что места в учебных классах и в общежитии также были распределены «по алфавиту». Близость фамилий в списке означала, таким образом, пространственную близость во время и после занятий [192].

Неоднократно было продемонстрировано и влияние на аттракцию расстояния, на котором живут друг от друга члены пары, — положительная зависимость между аттракцией и близостью зарегистрирована здесь как для однополых пар, так и для разнополых, например, при изучении закономерностей брачного выбора. Объяснение этой зависимости, по видимому, состоит в том, что пространственная близость с другим человеком облегчает получение информации о нем, т. е. формирование его достаточно дифференцирован-

З Л. Я. Гозмав

65

ного образа, и повышает вероятность взаимодействия с ним. Частота же взаимодействия повышает вероятность возникновения аттракции. Еще в 1950 г. Дж. Хоманс отмечал, что «если частота взаимодействия между двумя людьми возрастает, то возрастет и степень их симпатии друг к другу, и обратно» [150, с. 58]. Иллюстрацией этого положения могут служить факты, свидетельствующие о большей популярности тех жителей многоквартирных домов, чьи квартиры находятся вблизи от лифтов и лестничных клеток или рядом с почтовыми ящиками [115]. Более того, оказалось, что не только само взаимодействие, но и простое ожидание контакта с человеком повышает его привлекательность в глазах субъекта. Величина аттракции положительно связана с ожидаемой длительностью и интенсивностью взаимодействия [115]. Ожидание общения делает субъекта более толерантным к приписываемым объекту негативным личностным характеристикам [120]. Сформированная ожиданием общения положительная установка по отношению к объекту оказывается настолько устойчивой, что сохраняет свою силу даже тогда, когда в ходе экспериментального воздействия испытуемым сообщают об отмене прежнего императива на общение с этим человеком и дают возможность сделать новый, самостоятельный выбор — прежний объект конкурирует в этом случае с объектом, которому приписываются положительные личностные и социальные черты [115]. Таким образом, в основе связи аттракции с пространственной близостью и другими «экологическими» характеристиками лежит воздействие параметров ситуации на возможность установления и поддержания контактов. Однако в процессе общения мы получаем не только позитивную, но и негативную информацию друг о друге, интенсивные контакты могут породить и неизбежно порождают не только положительные, но и отрицательные чувства и действия по отношению к партнеру. Так, жертвами 40% совершающихся в США убийств становятся члены семьи преступника [П1], — максимальную ненависть, как и максимальную любовь вызывают не посторонние, а те, с кем мы постоянно общаемся. Тем не менее тенденция роста симпатии при интенсификации общения действует значительно сильнее, чем тенденция роста

враждебности агрессивности.

Можно предложить несколько объяснений такого доминирования положительного эффекта. Прежде всего экспериментальные данные убеждают в том, что достаточно частое предъявление объекта, нахождение его в поле зрения формируют положительную установку на него [210]. Этот факт, так же, как и большая часть тех, которые рассматривались в контексте обсуждаемой зависимости, хорошо объясняется с позиций когнитивистских моделей — партнер по общению, реальному или лишь потенци-

ально возможному, оказывается в «отношениях принадлежности» с субъектом [9], следовательно, негативное отношение к нему влечет за собой и понижение самооценки субъекта. Наконец, немаловажным является и то, что социальные нормы поведения в большинстве случаев диктуют более дружелюбное и кооперативное поведение по отношению к соседям, соученикам, коллегам по работе и т. д., чем по отношению к незнакомым.

Необходимо отметить, что «экологические» характеристики оказывают такое большое влияние на эмоциональные отношения лишь на первых этапах развития общения. На последующих — ситуация меняется. Во-первых, сами «экологические» характеристики частично становятся не случайными, а следствием свободного выбора — ученики, например, могут пересесть так, чтобы сидеть рядом с теми, кто им нравится. Возникает таким образом обратное влияние аттракции на «экологию». Во-вторых определенные «экологические» характеристики, обеспечивающие, допустим, легкость поддержания отношений становятся необходимыми, но отнюдь не достаточными для сохранения аттракции — трудно представить себе, например, успешное развитие и длительное сохранение романтических чувств при полной невозможности общаться друг с другом, но и наличие самых благоприятных условий для общения не является гарантией стабильности и даже знака эмоциональных отношений.

Весьма важной особенностью тех условий, в которых протекает взаимодействие двух людей, является его конкурентный или кооперативный характер. Разумеется, этот параметр может быть следствием свободного выбора членов пары, результатом особен-

3*

67

ностей развития их взаимоотношений. Резко выраженный конкурентный характер носят, например, взаимоотношения во многих конфликтных, семьях. Однако на первых этапах общения этот параметр чаще всего задается «извне» — нормами, принадлежностью индивидов к соперничающим или сотрудничающим группам и т. д. Многочисленные результаты убедительно свидетельствуют — и это один из немногих непротиворечивых массивов данных в области социальной психологии эмоциональных отношений, — что сотрудничество способствует росту, а конкуренция — снижению уровня аттракции в паре. Это следует, например, из данных В. В. Абраменковой [4] продемонстрировавшей, что гуманное отношение детей друг к другу формируется в результате деятельности интерактивного типа, В. Е. Иноземцевой [40], исследовавшей учащихся ПТУ, и многих других. Наибольшей известностью из экспериментов, посвященных этой проблеме, пользуется полевой опыт М. Шерифа и К. Шериф, которые, поместив подростков в соперничающие отряды (эксперимент проходил в летнем лагере для мальчиков), добились высокой сплоченности внутри каждой из групп, но получили одновременно исключительно высокий уровень межгрупповой враждебности — причем объектом негативного отношения выступала не только группа «противника» в целом, но и каждый из ее членов.(194). Враждебность между группами удалось преодолеть только после включения членов обеих групп в совместную деятельность, направленную на достижение значимой для всех цели. (Подробнее об этом см. [3].) Можно с уверенностью сказать, что совместная деятель-

ность является важнейшим фактором возникновения и стабилизации аттракции.

Если же обратиться к самой структуре взаимодействия между двумя людьми, то на первый взгляд здесь все ясно. Еще Аристотель говорил, что люди любят тех, кто делает им добро и заботится о них. Аттракция таким образом возникает в ответ на положительные действия (услуги, высокую оценку и т.д.), неприязнь — в ответ на негативные. Базирующиеся на такой зависимости рекомендации составляют, например, основу знаменитой книги Д. Карнеги «Как завоевывать друзей и влиять на людей» [122].

Связь

68

аттракции с интерактивным компонентом общения действительно в большинстве случаев носит именно такой характер, однако, во-первых, в объяснении нуждается механизм этой зависимости; во-вторых, выводы «здорового смысла» существенно обедняют реально существующие закономерности; в-третьих, есть ситуации, в которых аттракция не связана положительно с величиной исходящих от объекта подкреплений.

В реальном кратковременном общении подкрепления, исходящие от другого человека, выступают чаще всего в виде демонстрации им на вербальном или невербальном уровне своего отношения к субъекту. Тогда возникают две возможности для объяснения связи между аттракцией и подкреплением — либо мы начинаем испытывать аттракцию к другому человеку потому, что он проявляет позитивное отношение к нам, либо, испытывая к нему аттракцию мы декодируем и интерпретируем его действия так, чтобы сделать вывод о его к нам положительном отношении. Ведущиеся начиная с 50-х годов экспериментальные исследования показали, что одновременно действуют обе зависимости — подкрепление порождает аттракцию, но и аттракция заставляет субъекта переоценивать уровень получаемого подкрепления. При этом первая зависимость действует значимо сильнее. Выводы этих исследований таким образом соответствуют предсказаниям «здорового смысла».

При получении подкрепления происходит, по-видимому, своеобразная генерализация, перенос позитивного отношения к подкреплению (услуге, предмету, похвале и т. д.) на его источник. Непосредственная связь симпатии и подкрепления четко проявляется у маленьких детей, межличностные выборы и оценки которых в большинстве случаев определяются непосредственными причинами: «Вова хороший, так как дает играть своими игрушками» (См. об этом исследования Я-Л. Коломинского [43].)

Однако действуют и иные закономерности. Так, помощь или иное подкрепление вызывают аттракцию не только у объекта подкрепления к его субъекту, но и обратно, у субъекта к объекту, причем величина аттракции во втором случае значительно больше, чем в первом. Такой эффект обнаружен, например, в эксперименте Дж. Джекера и Д. Лэнди [155]. Экспери-

69

мент был платный, однако после его окончания к двум третям испытуемых, ссылаясь на истощение фондов, обращались с просьбой отказаться от гонорара в пользу экспериментатора, который вынужден оплачивать работу из своих средств. В половине случаев с такой просьбой об-

ращался сам экспериментатор, в половине — его ассистент, после того как экспериментатор покидал экспериментальную комнату. Остальные испытуемые получали гонорар в соответствии с предварительной договоренностью — с просьбой об отказе от него к ним не обращались. После просьбы от отказе от гонорара (на нее положительно откликнулись все испытуемые) или после выплаты его для контрольных групп замерялась, аттракция испытуемых к экспериментатору. Оказалось, что те, кто помог ему (пожертвовал в его пользу деньгами) испытывали к нему большую симпатию, чем те, к кому с такой просьбой не обращались. Причем, аттракция была выше у тех, к кому экспериментатор обращался с просьбой о помощи лично (в сравнении с беседовавшими с ассистентом). Аналогично этим результатам в других экспериментах было показано, что зло, причиненное другому человеку, например жестокое или несправедливое обращение с ним, снижает его привлекательность в глазах субъекта этого действия.

Таким образом, перефразируя Д. Карнеги, можно сказать, что, для того чтобы понравиться другому человеку, важно не столько оказывать услуги ему, сколько сделать так, чтобы он оказывал или думал, что оказывает услуги тебе.

Такая зависимость между аттракцией и подкреплением объясняет ряд не только научных, но и житейских феноменов. Например, большая обычно любовь родителей к детям, чем детей к родителям, может быть следствием того, что родители вложили в своих детей больше времени, сил и т. д., чем дети в родителей. А отсюда может быть сделан вывод о том, что одним из путей налаживания отношений в паре, в частности в паре родитель — ребенок, является увеличение взаимных подкреплений в виде помощи, заботы и пр.

Возрастание аттракции со стороны субъекта подкрепления к объекту вызывается, по-видимому, стрем-

70

лением к поддержанию когнитивного баланса — если я делаю что-то хорошее этому человеку, значит он и сам хороший. В своих эмоциональных отношениях человек, может быть еще больше, чем в других сферах жизни, выступает не только как «делатель», но и как «думатель». Именно с этим качеством человека связаны нарушения или ослабления¹ положительной связи между подкреплением и аттракцией, или, как еще называют эту связь, правила реципрокности.

Эмоциональная реакция на положительные действия со стороны другого человека определяется не столько самими этими действиями, сколько тем, каким образом они интерпретируются объектом, какие мотивы он приписывает субъекту, какой субъективный смысл имеет для него данное подкрепление. В этом смысле очень важно, воспринимает ли объект вербальные или невербальные действия субъекта как адресованные ему лично, выражающие отношение субъекта к нему, или как безличные, являющиеся привычным для субъекта паттерном поведения в данной ситуации. Во втором случае сенситивность к поступкам другого человека резко снижается — то же самое положительное подкрепление вызывает значительно меньшую аттракцию, аналогично снижается чувствительность и к негативным действиям. Так, если человек убеждается, что полученная им

высокая оценка является как бы принадлежностью ситуации — ее получают и все остальные, аттракция к субъекту этой оценки будет ниже, чем если бы такой оценки был удостоен он один. Принципиально важно, кроме того, воспринимаются ли поступки субъекта как свободные или вынужденные. Например, причинение, физического неудобства попутчиком в переполненном автобусе не вызывает сильных отрицательных чувств в его адрес, но те же самые действия, совершаемые не вынужденно, а специально, будут восприниматься как акт агрессии. Подобные зависимости, получившие название «принципа персонализма», достаточно надежно подтверждены эмпирически.

Реакция на похвалу или другое подкрепление зависит, конечно, не только от величины этого подкрепления. Общение осуществляется не между изолированными индивидами и не ограничивается одним коммуникативным актом, — оно пролонгировано и

71

включено в контекст взаимодействия с другими. К сожалению, в экспериментальных исследованиях учесть и эту протяженность во времени, и эту включенность удается далеко не всегда, сама идеология эксперимента диктует стремление к изоляции изучаемых феноменов, получению чистых зависимостей. Такая методологическая установка приводит к существенному обеднению, упрощению выводов, что хорошо видно на примере зависимости аттракции от подкрепления.

Так, подкрепление может восприниматься как нормативное действие, аттракция в этом случае хотя и возникает, но в значительно меньших размерах, а в ряде ситуаций — вообще не возникает. Строго говоря, ответ на вопрос: «Который час?» — тоже является подкреплением, однако трудно ожидать здесь сильной эмоциональной реакции как следствия благодарности за услугу. Если же ответа не будет, то при отсутствии «уважительной причины» (нет часов, например), возникает враждебность. Взаимные мелкие услуги, такие, как в приведенном примере, являются нормой поведения, следование которой никаких чувств не вызывает.

Включенность общения в паре в контекст взаимодействия с другими людьми обуславливает и восприятие действий партнера по отношению к себе как справедливых, соответствующих моральным нормам, или несправедливых, аморальных. При этом сравнение данного поведенческого акта идет и с общением в других парах (характерны ли для них, например, такие же проявления нежности или применение силы), с взаимодействием субъекта с другими, людьми, т. е. с тем, какие подкрепления он получает от других, и, наконец, с взаимодействием с другими партнерами по общению. Если уровень подкреплений, исходящий от партнера по отношению к другим людям, выше, чем по отношению к субъекту, аттракция возникать не будет или даже сменится враждебностью. Вспомним евангельскую притчу о рабочих, получивших за день работы ту же плату, что другие за половину дня или даже за один час. Их недовольство оплатой и как следствие негативная реакция на хозяина были связаны со сравнением собственных подкреплений с подкреплениями, других людей. Контекст общения, таким образом, определяет ту субъ-

72

ективную шкалу, в которой оценивается подкрепление; при этом действии, вербальное или невербальное, кажущееся внешнему наблюдателю, например экспериментатору, положительным, в этой субъективной системе оценок может представлять отрицательным или нейтральным. И наоборот, внешне негативное взаимодействие для самого субъекта может представлять позитивным.

Субъективная система оценок строится и на основе соотнесения данного поведенческого акта с имеющимся опытом общения с партнером. Аналогично реакции человека на повторяющиеся перцептивные стимулы определенной интенсивности, привычный уровень подкрепления начинает выступать в качестве своего рода точки отсчета, «ноль» на субъективной шкале уровня подкреплений определяется не столько их абсолютными, легко поддающимися регистрации в эмпирическом исследовании характеристиками, сколько сложившимся паттерном взаимодействия.

Существенное опосредующее влияние на зависимость аттракции от уровня подкрепления оказывает приписывание субъекту похвалы или помощи альтруистических или эгоистических мотивов. В тех случаях, когда подкрепление воспринимается как манипуляторное (лесть, взятка), зависимость аттракции от его величины ослабляется.

Даже если отвлечься от контекста взаимодействия и рассматривать изолированный поведенческий акт, то и здесь аттракция не является простой реакцией на величину подкрепления, она определяется восприятием не только конкретной фразы или действия, но поведения субъекта подкрепления в целом. Так, согласие с основными положениями доклада и его высокая оценка безусловно являются подкреплением для докладчика. Субъективная величина подкрепления, однако, снижается, если оно исходит от человека, который слушал выступление невнимательно, смеялся и разговаривал с соседями. С другой стороны, несогласие с частью сделанных выводов должно восприниматься негативно и снижать аттракцию к тому, кто это несогласие высказал. Вряд ли, однако, такой негативный эффект будет наблюдаться, если оппонент, высказывая свою точку зрения, проявит глубокое знакомство с публикациями авто-

73

ра доклада — общая высокая оценка и уважение, которые стоят за этим знакомством, «перекроют» отрицательное влияние несогласия по какому-либо конкретному вопросу.

Важно также, особенно в случае вербальной оценки, даваемой другим человеком, считает ли «получатель» эту оценку правильной или неправильной. Если он считает ее заниженной — ситуация достаточно ясна. В этих случаях обычно возникает отрицательное эмоциональное отношение к источнику оценки. Получение же завышенной, с точки зрения субъекта, оценки несколько снижает зависимость аттракции от уровня подкрепления. Это, по-видимому, связано с приписыванием оценивающему в этом случае таких отрицательных качеств, как низкая когнитивная и межличностная компетентность, атрибутирование ему каких-либо эгоистических мотивов или стремления к манипулированию. Однако влияние «ошибочности» много слабее, чем можно было бы ожидать. В многочисленных экспериментах было показано (см. [115]), что субъекты, дающие завышенную с точки зрения самого человека оценку, воспринимаются им

в целом более позитивно, чем дающие адекватную. Первым приписывается больший уровень «понимания», чем вторым, с ними больше хотят взаимодействовать и т. д. Это может объясняться, во-первых, меньшей сенситивностью человека к оценкам его по тем параметрам, самооценка по которым у него уже сформирована (если оценка воспринимается как завышенная, значит у человека уже есть достаточно устойчивая самооценка по этой характеристике. Следовательно, ошибка оценивающего становится лишь свидетельством его положительного отношения). Во-вторых, здесь может проявляться сложность внутренней структуры аттракции, в частности наличие в ней относительно независимых факторов, таких, как уважение и, собственно, симпатии (подробнее вопрос о структуре аттракции будет рассмотрен в главе III). Можно предположить, что неадекватно высокая оценка, данная другим человеком, снижает аттракцию к нему субъекта по одним факторам, но повышает по другим, имеющим в общей структуре эмоционального отношения даже большее значение, чем первые.

74

Здесь возникает один весьма важный вопрос. Когда мы говорим о завышенной или о заниженной оценке, о реакции субъекта на различные аспекты поведения партнера, о приписывании ему тех или иных мотивов и т. д., мы фактически констатируем необходимость обращения к особенностям самосознания субъекта. Именно оно выступает в качестве главной из тех характеристик, которые опосредуют связь эмоциональных отношений с параметрами взаимодействия, в частности с величиной подкреплений, исходящих от другого человека. Таким образом, мы переходим к анализу влияния на аттракцию свойств ее субъекта.

При анализе влияния на эмоциональные отношения особенностей взаимодействия между членами пары прежде всего обращает на себя внимание большая роль так называемых «экологических» переменных, характеризующих условия, в которых разворачивается процесс общения. Можно считать доказанным также, что важнейшим фактором, детерминирующим возникновение симпатии в паре, является участие в совместной, значимой для обоих партнеров деятельности. Влияние же на аттракцию величины подкрепления, которое получают партнеры в процессе общения, носит достаточно сложный характер — аттракция возникает и у объекта подкрепления по отношению к его источнику (субъекту), и у субъекта по отношению к объекту. Аттракция при этом определяется не столько абсолютной величиной подкрепления, сколько результатом сравнения данного взаимодействия с взаимодействиями в других парах или с другими партнерами, степенью его соответствия нормам тех групп, к которым принадлежат общающиеся индивиды, интерпретацией партнерами причин поведения друг друга.

§ 4. СИМПАТИЯ И СВОЙСТВА ЕЕ СУБЪЕКТА

Как в научных, так и в житейских представлениях об эмоциональных отношениях подчеркивается их относительная независимость от внешних условий,

спонтанность, детерминация не «извне», а «изнутри». В этом контексте кажется очевидным, что особенности субъекта аттракции должны оказывать на нее определяющее воздействие. Но исследования влияния на

аттракцию инвариантных свойств ее субъекта дали в целом неожиданный результат — подавляющее большинство регистрируемых в экспериментальных работах личностных характеристик не оказывает сколько-нибудь значимого воздействия на аттракцию. Это относится к таким измеряемым по стандартным тестам чертам, как экстраверсия, нейротизм, тревожность, авторитарность и т. д.

Частично этот результат тем более удивительный, если вспомнить, какую роль играют паттерны поведения, в том числе и межличностного, в формировании самого представления о чертах личности, может быть объяснен несовершенством методического аппарата. Так, Г. Габбенеш и Л. Хант [145] показали на примере Ф-шкалы, что повопросный анализ личностных тестов может дать для понимания феномена аттракции много больше, чем использование интегральных показателей. Авторы обнаружили, что из 26 вопросов Ф-шкалы 13 в значительной степени связаны с межличностным восприятием, и показатель авторитарности, полученный на их основе в большей степени влияет на оценку других людей, чем вычисленный на основе Ф-шкалы в целом.

Однако только методическими погрешностями не объяснить того факта, что эмоциональные отношения, по крайней мере на первых этапах их развития, оказались не зависящими от свойств субъекта этого отношения. Для того чтобы объяснить этот результат, надо либо объявить артефактами огромный массив данных, либо пересмотреть существующие взгляды на природу аттракции, признав закономерной ее слабую обусловленность индивидуальностью общающегося субъекта. (Попытка такого пересмотра будет предпринята нами в главе III после анализа устойчивых форм эмоциональных отношений.)

Если так называемые личностные «черты» влияют на аттракцию очень слабо, то параметры самосознания оказывают на нее весьма существенное воздействие. Наиболее серьезную роль здесь играет самооценка — отношение субъекта к самому себе.

78

Вопрос о связи отношения к себе и отношения к другим многократно исследовался как в психологии, так и в других науках гуманитарного цикла [31]. Эмпирическому исследованию связь между отношением к себе и отношением к другим поддается с большим трудом. Результат экспериментальной проверки зависит от разных факторов, прежде всего от того, что именно понимается под отношением к себе и к другим. Диапазон возможностей в случае «отношения к себе» очень широк — от глобального принятия или непринятия себя до оценки себя по какой-либо отдельной специфической характеристике. Так же может варьировать и конкретное содержание, вкладываемое в понятие «отношение к другому» [47, 76].

Если отношение к себе, несмотря на возможные различия в содержании этого понятия и соответственно противоречивые традиции в его измерении, имеет вполне определенный объект — самого себя, то объект «отношения к другому» в разных исследованиях может быть совершенно различным по смыслу. Это либо некий обобщенный другой, и тогда изучается обобщенная установка на людей, причем в основном ее когнитив-

ный аспект, либо конкретный индивид, незнакомый для испытуемого или знакомый, с которым он вовлечен в определенные отношения.

Непосредственное отношение к обсуждаемым нами проблемам имеют закономерности восприятия конкретного другого. Не следует, однако, забывать, что установка на обобщенного другого представляет собой тот паттерн реагирования в межличностном взаимодействии, который реализуется и в общении с конкретным человеком, особенно в первый период знакомства, когда индивидуальные характеристики членов пары еще не проявились с достаточной полнотой.

По данным Р. Уайли [209], автора наиболее полного из существующих в современной психологии обзоров, посвященных проблемам самосознания, в большинстве эмпирических исследований, в которых изучалась связь отношения к себе и отношения к обобщенному другому, обнаружилась положительная зависимость между этими переменными. Аналогичный результат был зафиксирован и теми авторами, которые анализировали связь отношения к себе и отноше-

77

ния к конкретному другому. Необходимо отметить, что речь идет об исследованиях, в которых использовались стабильные характеристики отношения к себе, в тех же работах, в которых с целью обнаружения зависимости самооценка испытуемых варьировалась в ходе эксперимента, характер связи между отношением к себе и отношением к конкретному другому получился более сложным и противоречивым [115].

Один из первых экспериментов с варьированием самооценки был проведен в 1965 г. Э. Уолстер [202]. Она проводила на студентках серию личностных тестов и затем сообщала им фиктивные результаты, повышающие самооценку одних испытуемых и снижающие — других. После этого испытуемые знакомились с молодым человеком, который якобы ожидал своей очереди для участия в работе, а в действительности был партнером экспериментаторов. Молодой человек беседовал с девушками, брал у них номер телефона и всячески проявлял к ним свое расположение. Затем измерялась аттракция испытуемых к нему. Оказалось, что испытуемым с заниженной самооценкой он понравился значительно больше, чем тем, самооценка которых была искусственно завышена.

Противоречие результатов Э. Уолстер и ряда других исследователей, проводивших эксперименты по сходной схеме, общепринятому выводу о положительном характере связи отношения к себе и отношения к другому может объясняться тем, что эксперименты эти моделируют весьма узкий класс жизненных ситуаций, когда субъект получает от другого человека четкую и непротиворечивую положительную оценку. Зависимость же между отношением к себе и отношением к другому при получении от него отрицательной оценки может быть принципиально иной.

Надо отметить, что изучение связи между отношением к себе и реакцией на другого является практически единственной возможностью проверки того, какие, бихевиористские или когнитивистские (балансные), модели более релевантны феномену эмоциональных отношений. Дело в том, что подавляющее большинство фактов, полученных в ходе эмпирического изучения аттракции, одинаково хорошо ассимилируется как с по-

зиций теорий подкрепления, так и с позиций концепций когнитивного баланса. Обе группы

78

теорий дают чаще всего и одинаковые предсказания развития общения. Рассматриваемая же ситуация является исключением.

Обратимся к предсказаниям, которые можно сделать с позиций когнитивистских и бихевиористских моделей относительно реакции субъекта с низкой и с высокой самооценкой на положительную и отрицательную оценку со стороны другого. Допустим, субъект с высокой самооценкой получает высокую оценку со стороны другого человека. С точки зрения когнитивизма — это поддержание когнитивного баланса (оценка соответствует самооценке), с точки зрения бихевиоризма — положительное подкрепление. В обоих случаях реакция субъекта на источник оценки должна быть положительной (см. табл.). Одинаковые предсказания дают балансные и поведенческие модели и в случае получения субъектом с высокой самооценкой отрицательной оценки — такая оценка и нарушает когнитивный баланс, и выступает в качестве отрицательного подкрепления. Вне зависимости от того, какой из механизмов больше соответствует реальности, закономерным следствием будет негативное отношение субъекта к своему партнеру. Как видим, и здесь предсказания одинаковы.

Таблица

	Позитивная оценка	Негативная оценка
Высокая	К.*: +	К.: -
само-оценка	Б.**: +	Б.: —
Низкая	К. : -	К. : +
само-оценка	Б. i + +	Б. s-----

• К—предсказания когнитивистских моделей, ••■ Б—предсказания бихевиористских моделей.

Иная картина возникает в случае низкой самооценки субъекта (вторая строка в таблице). С точки зрения теорий баланса отношение к человеку, давшие-

79

му положительную оценку, должно быть негативным, а к давшему отрицательную — позитивным. С точки же зрения поведенческих моделей наоборот, к источнику положительной оценки должно быть положительное отношение, к источнику отрицательной — отрицательное. Более того, и симпатия и враждебность в этом случае должны быть особенно сильными (в таблице это обозначено двумя плюсами и минусами соответственно), так как низкая самооценка субъекта увеличивает для него субъективно воспринимаемую значимость как негативной, так и позитивной оценки, полученной от другого человека [156].

Эмпирические исследования показали, что в целом предсказания поведенческого подхода больше соответствуют реальности, чем предсказания с точки зрения когнитивистских теорий, — субъекты с низкой само-

оценкой склонны более позитивно оценивать тех, кто способствует улучшению их отношения к себе (т. е. оценивает их высоко), чем тех, кто поддерживает их когнитивный баланс, давая им соответствующую их собственным представлениям о себе низкую оценку [154; 156]. Интересно, что при введении классификации экспериментальных ситуаций на «теплые», в которых испытуемый действительно получает оценки со стороны другого человека, и «холодные», когда он лишь представляет себе, что бы он чувствовал, если бы получил ту или иную оценку, или пытается прогнозировать и объяснять поведение других людей, поведенческие модели оказываются соответствующими «теплым» ситуациям, а когнитивистские, правда с некоторыми оговорками, — «холодным» [156]. Таким образом, можно предположить, что «имплицитные теории общения» строятся по когнитивистским принципам, само же взаимодействие, скорее, по бихевио-ральным.

Разумеется, нет никаких оснований считать этот результат истиной в последней инстанции. Методологический анализ соответствующих экспериментальных работ позволяет высказать обоснованные сомнения относительно соответствия сделанных выводов критериям научной адекватности. Правда, то же самое можно сказать практически о любых социально-психологических экспериментах. Когнитивистские мо-

80

дели продолжают пользоваться популярностью при анализе эмоциональных отношений, и ситуация вряд ли изменится, даже если будут получены дополнительные факты в пользу моделей бихевио-ральных. Причину сильных позиций когнитивизма и при объяснении феномена аттракции, и вообще в современной социальной психологии, по-видимому, следует искать не только в эмпирической обоснованности его выводов, но и в соответствии их более широким, не связанным с эмпирической психологией представлениям о природе человека как существа, прежде всего мыслящего. Когнитивистские модели имеют этическое и даже эстетическое преимущество перед бихевио-ральными.

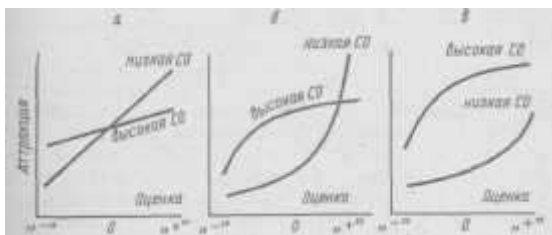
Тем не менее, оставаясь в рамках экспериментальной социальной психологии, можно ориентироваться на тот факт, что стремлению к подтверждению и повышению своей самооценки отдается предпочтение перед стремлением к поддержанию когнитивного баланса, по крайней мере тогда, когда две эти тенденции оказываются в конфликте. Теперь с учетом этого факта рассмотрим взаимозависимость самооценки, оценки со стороны другого человека и симпатии к нему.

В первом приближении предполагаемые зависимости графически изображены на рис. 2, а. И для субъектов с низкой и для субъектов с высокой самооцен-

Рис. 2. СО — самооценка; «—», 0, «+» — зоны отрицательных, нейтральных и положительных оценок

кой аттракция должна быть положительно связана с оценкой — высокая оценка выступает в качестве подкрепления для обеих групп. Однако, поскольку у людей с заниженной самооценкой потребность в позитивном отношении к себе не удовлетворена, они бу-

81

дуг более чувствительны как к положительным, так и к отрицательным оценкам, реагируя на них соответственно большей по сравнению с субъектами с высокой самооценкой симпатией или враждебностью. Угол наклона кривой зависимости аттракции от оценки будет в этом случае, как это и показано на рис. 2, а, выше.

Наибольший интерес здесь представляет зона нейтральных, или амбивалентных оценок. В процессе общения обратная связь почти всегда носит амбивалентный характер, поэтому именно эта зона релевантна ситуации реальному взаимодействию.

Логично предположить, что «декодирование» амбивалентных, или нейтральных высказываний или действий другого человека по адресу субъекта, т. е. приписывание им положительного или отрицательного смысла, отнесение к зонам негативных или позитивных оценок, будет идти в соответствии с самооценкой субъекта. Обладатели высокой самооценки будут склонны интерпретировать их как положительные, обладатели же низкой — как отрицательные⁷. «Нулевая» оценка будет восприниматься субъектом с высокой самооценкой как положительная, а субъектом с низкой самооценкой — как отрицательная. Ноль на субъективной шкале оценок находится для первых значительно левее, чем для вторых. Зависимость аттракции от оценки со стороны другого с учетом самооценки субъекта, следовательно, будет носить криволинейный характер, который отражен на рис. 2, б.

Итак, исходя из имеющихся теоретических представлений, можно предположить, что взаимозависимость между оценкой, самооценкой и аттракцией описывается графиком, приведенным на рис. 2, б. Эмпирические же данные по этому поводу весьма противоречивы. Сомнение при этом вызывает правая часть графика, описывающая получение субъектом однозначно положительной оценки. Согласно нашим рассуждениям самооценка здесь отрицательно связана с величиной аттракции. Именно таков результат экс-

⁷ Любой акт общения дает возможности для такой «пристрастной» интерпретации. Например, улыбка может быть истолкована и как признак доброжелательности, и как показатель насмешки и презрения; жестокость может восприниматься в рамках определенной субкультуры как проявление сильной любви; прямой отказ от общения — как результат смущения, вызванного сильным стремлением к контакту, и т. д.

82

перимента Э. Уолстер и некоторых других исследованиях [120, 202]. Однако в ряде экспериментальных работ были сделаны противоположные выводы — в случае получения положительной оценки испытуемые с высоким уровнем самооценки испытывали к партнеру большую аттракцию, чем испытуемые с низким [197]. Более высокая общая доброжелательность лиц с высокой самооценкой (установка на обобщенного другого) «перекрывает», по-видимому, в ряде случаев большую чувствительность субъектов с низкой самооценкой. Таким образом, эмпирические кривые в

некоторых ситуациях соответствуют рисунку 2, б, а в некоторых выглядят так, как это изображено на рис. 2, в.

Проблема влияния отношения к себе на отношение к другим, конечно, не может считаться решенной. Напомним, что большая часть экспериментальных работ по этому вопросу проведена с варьированием самооценки испытуемых в процессе эксперимента, исследований же влияния стабильного уровня самооценки на склонность испытывать аттракцию к другому человеку до сих пор осуществлено крайне мало. (Здесь речь идет лишь об эмоциональных отношениях на первых этапах их развития. О влиянии самооценки на устойчивые эмоциональные отношения будет сказано в следующей главе.) Имплицитно же присутствующее во многих работах предположение о том, что характер воздействия на аттракцию ситуативно завышенной или заниженной самооценки не отличается в принципе от характера воздействия на нее стабильно высоких или низких значений этого параметра, нуждается в серьезном эмпирическом обосновании.

Главная же проблема состоит в том, что различные аспекты отношения к себе могут оказывать на аттракцию принципиально различное влияние. Здесь уместно обратиться к предложенному К. Роджерсом [184] разделению отношения к себе на самооценку (отношение к себе как носителю определенных свойств и достоинств) и самопринятие — принятие себя в целом как монады вне зависимости от своих свойств и достоинств. Развести две эти характеристики в эксперименте крайне трудно, так как в самооценке по любой характеристике неизбежно присут-

83

ствует и общий уровень принятия или непринятия себя. Однако механизм формирования этих двух сторон отношения к себе совершенно различен. Самооценка по какому-либо качеству основывается чаще всего на сравнении своих достижений с достижениями других людей, в непосредственном взаимодействии с предметным миром самооценки по большинству параметров (ум, красота, смелость и т. д.) образоваться просто не могут [9]8. Самопринятие же является не столько оценкой, сколько стилем отношения к себе, общей жизненной установкой, формирующейся в процессе онтогенеза, а также путем сознательных усилий [209]. Можно предположить, что высокий уровень самопринятия приводит в ряде случаев к снижению самооценки по отдельным параметрам — субъект «не боится» выбирать для сравнения со своими собственными достижениями группу достаточно успешных по данному показателю людей. Такой выбор безусловно предпочтительнее для развития, чем выбор референтов, в сравнении с которыми собственные достижения будут выглядеть предельно высокими (очень высокая самооценка может носить защитный характер и быть следствием низкого самопринятия) или очень низкими. Поэтому именно высокий уровень самопринятия создает хорошие условия для общения, делая человека более сензитивным к достоинствам других людей и толерантным к их недостаткам. Высокая же самооценка, если она носит защитный характер, нуждается в постоянном подтверждении и как следствие делает человека более жестким и нетерпимым к партнерам по общению.

Среди свойств общающегося субъекта есть одно, которому в социальной психологии уделяется незаслуженно мало внимания — это общий уровень интеллектуального развития. Традиционно интеллект и аффект, разум и эмоции противопоставляются друг другу, общепринятой является и точка зрения, согласно которой высокий интеллект приводит к излишней

8 Можно предположить, что склонность детей «проверять себя» путем непосредственного соприкосновения с реальностью (проверить степень смелости, например, совершив прыжок со второго этажа) связана с меньшей, чем у взрослых, возможностью к изменению круга общения и, следовательно, нахождению такой группы, сравнение себя с которой будет субъективно удовлетворительно.

84

рационализации общения, а его носитель не способен к установлению сильных и глубоких эмоциональных отношений: На наш взгляд, в этой позиции проявляется та предубежденность против людей с ярко выраженными социально-ценными чертами, о которой шла речь в контексте обсуждения влияния на аттракцию свойств ее объекта. К сожалению, эмпирических данных относительно характера влияния интеллекта на склонность испытывать аттракцию к другим людям до сих пор нет, соответствующих исследований не проводилось, поэтому мы вынуждены ограничиться лишь некоторыми предположениями 9.

В предыдущем параграфе мы обсуждали ситуации, когда аттракция возникала по механизму генерализации, переноса положительного отношения с самого подкрепления на его источник. Строго говоря, здесь проявляется определенная когнитивная неадекватность — человек, выступающий в качестве источника чего-то, оцениваемого позитивно, отнюдь не обязательно и сам обладает положительными свойствами. Следовательно, с ростом уровня интеллекта можно ожидать снижения склонности испытывать аттракцию *к другим людям (см. рис. 3, левую часть кривой). Такой зависимостью, однако, связь между интеллектом и аттракцией не исчерпывается. В филогенезе и на ранних этапах онтогенеза эмоциональное отношение к себе вызывают те аспекты реальности, которые связаны с удовлетворением витальных потребностей субъекта. Можно предположить, что и в дальнейшем эмоциональную реакцию вызывает то, что так или иначе связано с этой группой потребностей. Здесь, поскольку речь идет о психическом отражении, важно не только реальное существование такой связи, но и восприятие ее субъектом. Но способность к обнаружению связей между внешне разнородными явлениями есть проявление интеллекта — один из субтестов интеллектуальной батареи Векслера непосредственно состоит из задач на поиск сходства между различными предметами и явлениями. У более интеллектуального человека больше шансов почувствовать связь между партнером по общению и удовлетворением или фрустрацией собственных по-

9 Нижеследующее является результатом обсуждения проблемы связи интеллекта и аттракции совместно с И. М. Палеем.

85

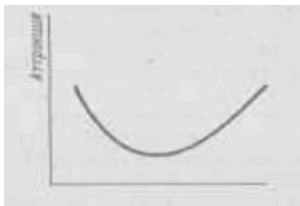
требностей, а значит, и больше шансов на возникновение эмоционального отношения к другому человеку. Следовательно, наряду с нисходящей частью кривой зависимости аттракции от интеллекта Должна существовать и восходящая часть, а вся зависимость в целом имеет U-образный характер (см. рис. 3).

Есть и еще один аргумент в пользу существования восходящей части кривой. Элементарный психический акт — ощущение — целостен по своей приро-

Интеллект Рис. 3

де. Он включает в себя как когнитивные, так и аффективные компоненты. Распад этой целостности на эмоции и когниции «отдельно» связан с разными причинами, в том числе, по-видимому, и с субъективной сложностью стоящей перед человеком задачи. Если она для него слишком сложна, то отношение к ней либо сугубо аффективно (агрессия, например), что приводит к неспособности разрешить ее в когнитивном плане, либо подчеркнута рационально — например, экзаменующихся призывают не волноваться, успокоиться и т. д. Справиться с задачей в когнитивном плане и одновременно сохранить к ней положительное эмоциональное отношение могут лишь те индивиды, для которых эта задача достаточно проста. Так, красоту решения математической задачи могут почувствовать только люди с достаточно высокой математической подготовкой и склонностями к математике. Аналогично положительные эмоции в процессе общения могут испытывать лишь те, для кого повседневные задачи установления и поддержания контактов с другими не слишком сложны. Но ведь и компетентность в общении, как и компетентность в других видах жизнедеятельности, положительно (хотя, конечно, не линейно) связана с интеллектом. Из сказан-

88

ного, кстати, видно, что поведенческий тренинг выполняет не просто технологическую роль, оптимизируя инструментальные компоненты общения, но и, делая задачу общения более легкой и доступной, способствует возникновению у общающихся индивидов взаимного чувства симпатии.

При анализе влияния на аттракцию самооценки индивида мы убедились в том, что существенное значение имеют не только стабильные, но и ситуативные особенности самосознания субъекта, т. е. не только его свойства, но и состояния. При этом, согласно многочисленным экспериментальным данным, как положительное, так и отрицательное по знаку эмоциональное возбуждение способствует росту склонности субъекта испытывать аттракцию к другому человеку. Влияние положительного по знаку эмоционального возбуждения исследовалось в основном в русле изучения проблем альтруизма и взаимопомощи [152, 168]. Оказалось, что любое повышение настроения субъекта делает его более доброжелательным по отношению к другим людям, в том числе и к тем, которые никак не способствовали этому улучшению. Это достаточно легко объясняется в рамках существующих психологических теорий, да и с точки зрения здравого смысла.

Значительно больший интерес представляют собой факты, свидетельствующие о положительном влиянии на аттракцию и отрицательных пе-

реживаний субъекта, в частности чувства страха. Начало работам, в которых были обнаружены и подтверждены эти результаты, дали классические эксперименты С. Шехтера по психологии аффилиации [190]. Они проводились по следующей схеме: испытуемый, приглашенный для участия в психологическом исследовании, узнавал, что работа будет сопряжена с воздействием электротока, либо крайне неприятным и болезненным, либо почти нечувствительным. Способ сообщения этой информации различался в зависимости от типа ожидаемого воздействия — если электрические удары должны были быть болезненными, об этом сообщалось в холодной и неприязненной манере, что еще больше увеличивало тревожность испытуемого; о предстоящих нечувствительных ударах его предупредили дружески, стараясь успокоить, ес-

87

ли он начинал волноваться. Таким образом варьировалась степень эмоционального возбуждения испытуемого. Затем испытуемым говорили, что они должны подождать начала эксперимента, и спрашивали, предпочитают ли они ожидание в одиночестве, в компании с другим человеком или у них нет определенных предпочтений. Параметры партнера были различными. Это мог быть человек, ожидающий участия в таком же эксперименте, болезненном или безболезненном, испытывающий или не испытывающий страх и т. д. В некоторых же случаях испытуемому предлагалось ожидать вместе с человеком, не имеющим никакого отношения к эксперименту. Оказалось, что страх способствовал усилению желания провести время до начала эксперимента вместе с другим, до этого незнакомым человеком, причем рост аттракции наблюдался лишь в тех случаях, когда объект ее находился, по мнению испытуемого, в той же ситуации, что и он сам. Так, увеличение тревожности ситуации не вызывало усиления ориентации на совместное ожидание в тех случаях, когда партнера по ожиданию представляли как человека, не имеющего отношения к эксперименту.

Можно представить себе пять возможных объяснений возрастания аффилиативных тенденций в стрессовом состоянии:

4) надежда на совместное с другим человеком избегание опасности (совместная защита, например),

2) стремление к получению дополнительной информации относительно ожидаемой опасности,

3) прямая редукция тревожности, наступающая в присутствии другого человека,

4) косвенная редукция тревожности, т. е. возможность отвлечься от мыслей о предстоящих болезненных или неприятных переживаниях,

5) подтверждение правильности своих эмоциональных и поведенческих реакций на сложившуюся ситуацию, т. е. сравнение себя с другим человеком [115].

Последующие исследования показали, что из всех пяти гипотез подтверждаются лишь две: третья и пятая. Действительно, присутствие другого человека облегчает в известной мере переживание физиологического стресса, что, естественно, выражается в росте

88

тенденций к аффилиации в опасной ситуации [204]. Однако стремление к сравнению себя с другими играет в данном случае значительно большую роль. Дело в том, что ситуация опасности для многих людей является такой, в которой «правильный» тип реагирования менее ясен, чем в большинстве других жизненных ситуаций. Поэтому оценка адекватности своего поведения становится крайне необходимой, а возможна она только в сравнении себя с другими людьми, находящимися в том же или похожем положении (не случайно рост аффилиативных тенденций не наблюдается, когда партнер предстает в качестве человека, не имеющего отношения к эксперименту, — сравнение себя с ним ничего не даст испытуемому). Интересно, что в ситуации особо сильного стресса, когда адекватный с точки зрения личных интересов или требований социальных норм способ поведения не вызывает сомнений, аффилиативные тенденции не возрастают — острой потребности в контакте с другими в данном случае нет.

Обращение к другим людям как следствие стрессового состояния не является инстинктивным или по крайней мере не может быть полностью объяснено апелляцией к инстинктивной сфере. Это следует, например, из обнаруженного С. Шехтером факта различной зависимости аффилиации от стресса у тех, у кого есть старшие братья или сестры, с одной стороны, и у тех, у кого их нет, т. е. у старших или единственных детей в семье — с другой. Оказалось, что аффилиативные тенденции в стрессе возрастают лишь у тех, кто не имел старших братьев или сестер. Такая неожиданная зависимость может объясняться двумя причинами: во-первых, родители более активно реагируют на плач и призывы о помощи своих первенцев, чем на аналогичные действия последующих детей; во-вторых, ранний онтогенез первенцев проходит вследствие отсутствия физически более сильных, но еще не отдающих себе отчета в возможных последствиях своих действий детей, в более безопасном окружении. Опыт старших или единственных детей в семье отличается от опыта младших — близкие быстрее реагировали на их стрессовое состояние и контакт с окружающими реже принимал деструктивные формы.

89

Функциональная роль увеличения аффилиативных тенденций в стрессе проявляется еще и в различном влиянии на них экзогенной (вызванной внешними причинами) и эндогенной (вызванной внутренними причинами) тревожности. Это было продемонстрировано, в частности, И. Сарнофом и Ф. Зимбардо [189]. Экзогенная тревожность в их исследовании варьировалась так же, как в только что описанных работах Шехтера, эндогенная же — весьма оригинальным образом. Половина испытуемых должна была в ходе эксперимента некоторое время сжимать губами листок бумаги якобы для получения каких-то физиологических показателей. Другой половине, также со ссылкой на необходимость проведения физиологических замеров, была предложена детская соска. Авторы предположили, что раздражение оральной зоны детской соской вызовет рост эндогенной тревожности, способствуя актуализации комплексов раннего детства, а сходное воздействие с помощью листка бумаги — предмета, не имеющего символического смысла, — такого эффекта иметь не будет. Контроль экспериментального манипулирования подтвердил правильность их гипотезы: эндогенная тревожность испытуемых одной группы

резко повысилась, другой — осталась на прежнем уровне. В результате оказалось, что аффилиативные тенденции возрастают только в ответ на увеличение экзогенной тревожности, связанной с какой-либо внешней опасностью, возрастание же эндогенной тревожности, вызываемой глубоко внутренними причинами, либо вообще не оказывает влияния на аффилиацию, либо даже приводит к ее снижению.

В обсуждавшихся работах в качестве индикатора аттракции использовался сам факт предпочтения совместного пребывания в одной комнате. Фактически речь шла о стремлении к людям вообще, а не о симпатии или антипатии к конкретному человеку. Однако обнаруженные в данном случае зависимости между тревожностью субъекта и аттракцией были подтверждены и в исследованиях, организованных принципиально иначе и проведенных с использованием других измерительных процедур. Так, в полевом исследовании П. Датона и А. Арона [136] одна и та же девушка останавливала мужчин на середи-

90

не одного из двух мостов и, представившись студенткой-психологом, просила ответить на несколько вопросов и составить рассказ по одной из картинок ТАТ. Первый мост был стационарным, второй — висячим, переходить через который было, хотя и безопасно, но страшно. В конце разговора девушка давала испытуемым телефон, по которому они могли позвонить ей и узнать о целях и программе исследования. На разных мостах она представлялась под разными именами. Это позволило авторам легко отличать звонки испытуемых, которых интервьюировали на висячем мосту, от звонков тех, с кем девушка разговаривала на стационарном мосту. Испытуемые, познакомившиеся с девушкой в тревожной ситуации, звонили значительно чаще, что было интерпретировано как их большая аттракция по отношению к ней.

Механизм влияния эмоционального состояния субъекта на склонность испытывать аттракцию к другим людям будет рассмотрен в следующей главе, в контексте анализа феномена романтической любви. Пока лишь отметим, что, как положительное, так и отрицательное по знаку возбуждение субъекта уже на первых этапах развития общения делает его отношение к другим людям более эмоциональным.

Итак, мы рассмотрели проблему детерминант эмоциональных отношений на первых этапах развития общения. Подведем некоторые итоги.

В соответствии со схемой (см. рис. 1) мы проанализировали различные причины, способствующие появлению аттракции в паре. Ведущую роль среди них играют стабильные и ситуативные параметры самосознания субъекта аттракции, опосредующие воздействие всех остальных характеристик, внешность и социально-демографические характеристики объекта, близость членов пары по этим же характеристикам, сходство систем социальных установок и ценностных ориентации, а также обычно недооцениваемые «экологические» переменные.

Среди полученных результатов, на наш взгляд, самым неожиданным и наиболее значимым в теоре-

91

тическом и практическом плане является доказательство отсутствия факторов, жестко детерминирующих аттракцию. Все обнаруженные при-

чины аттракции действены лишь в определенном диапазоне условий и в сочетании с другими переменными. Всеобъемлющей формулы аттракции получить не удалось. Можно предположить, что это является не следствием недостаточного уровня развития социально-психологических исследований аттракции, а свидетельством специфики социально-психологических явлений вообще и аттракции, в частности. Человеческое общение, будучи объективно детерминированным, тем не менее уже на самых первых этапах своего развития определяется и волей его участников. Поэтому аттракция связана не только с инвариантными характеристиками общающихся индивидов, но и с их желанием, с тем, какой стиль поведения они выберут, и с другими непредсказуемыми, зависящими только от них самих параметрами. Невозможность жесткого прогнозирования аттракции в паре — факт исключительной теоретической и практической значимости.

Сравнительная бедность и схематичность выводов относительно причин возникновения аттракции в паре связана не просто со сложностью феномена или с отдельными недоработками и методическими упущениями. Здесь проявляются определенные особенности исследуемой ситуации. Объект аттракции еще пассивен, а субъект никак не связан с объектом — подлинного общения между ними пока нет. Специфика межличностной аттракции еще в полной мере не проявилась, фактически речь идет о симпатии и антипатии не к личности, а к объекту. Для более полного анализа феномена эмоциональных отношений необходимо обратиться к закономерностям их развития.

ГЛАВА III

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РАЗВИТИИ ОТ СИМПАТИИ К ЛЮБВИ

§ 1. ДИНАМИКА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Закономерности эмоциональных отношений на первом этапе их развития могут быть описаны, хотя и с известными потерями, без апелляции к активности субъекта, к процессу взаимодействия между ним и партнером. Эмоциональное отношение формируется еще как индивидуальный, а не диадический феномен, практически не зависящий от воли и действий субъекта.

Но положение коренным образом меняется буквально в следующее мгновение. В условиях, когда у человека есть возможность выбора партнеров, продолжение отношений зависит от его решения. В каждый момент взаимодействия субъект осуществляет выбор между продолжением или прекращением отношений. Необходимо понять, каковы закономерности такого выбора, какие сочетания внешних и внутренних условий заставляют отношения продвигаться вперед, чем детерминируется сохранение или исчезновение чувства симпатии уже не на первых, а на последующих этапах развития отношений.

Полезным здесь может оказаться подход, известный как теория или концепция фильтров [134, 162, 177]. Согласно этой концепции отношения проходят в своем развитии ряд своеобразных фильтров, психологическое содержание которых определяется как типом отношений (супружеские, приятельские и т.д.), так и этапом развития взаимодействия. Если

пара не прошла через какой-либо фильтр, взаимоотношения в ней прекращаются или сохраняются вынужденно. Положительные же чувства партнеров друг к другу либо исчезают, либо сменяются неприязнью и враждебностью.

Конечно, такая фильтрационная модель не учитывает ряд принципиальных для феномена общения

93

Моментов, прежде всего того, что общение в каждой паре развивается своим, индивидуальным и во многом уникальным способом. Представление о том, что все пары, несмотря на огромные различия между ними, проходят одинаковый путь, (в частности одни и те же фильтры) явно упрощает реальную картину [157]. Кроме того, в концепцию фильтров с трудом вписывается факт изменения в процессе сколько-нибудь длительного общения и самих взаимоотношений, и их участников. На последующих этапах развития взаимоотношений общаются фактически уже другие люди, не те, что вначале [169]. Следовательно, и сами фильтры для них должны измениться.

Но, с другой стороны, любая теория является известным упрощением реальности, а психологические модели, которые всегда ориентированы на выявление общих закономерностей, совсем не обязательно должны полностью соответствовать каждому конкретному случаю. Поэтому представление о последовательных фильтрах или барьерах, которые должны преодолевать пары при своем продвижении от поверхностного знакомства к глубокому межличностному общению, весьма полезно для изучения процесса развития эмоциональных отношений.

Прежде чем перейти к характеристике этих последовательных фильтров, отметим одно обстоятельство. Если представить себе процесс развития взаимоотношений как состоящий из ряда стадий, то число пар, «дошедших» до стадии «+1», будет меньшим, чем число пар на стадии «». Если в какой-то момент времени познакомились определенное число пар, то, даже не зная ничего о закономерностях процесса общения, можно с уверенностью сказать, что через определенный период времени отношения сохранятся лишь в некоторой части первоначальной совокупности. Каждый фильтр «отсеивает», не пропускает через себя определенный процент пар.

Исходя из сказанного процесс развития эмоциональных отношений можно схематически представить себе как продвижение по сужающемуся коридору, перегороженному системой барьеров или фильтров, каждый из которых должен быть преодолен для того, чтобы можно было двигаться дальше. Глубоких и устойчивых отношений могут достичь только те па-

94

ры, которые последовательно преодолели все фильтры (рис. 4). Из такой схемы, кстати, следует, что детерминанты аттракции будут изменяться в зависимости от того, на каком этапе в данный момент находятся отношения (какой фильтр проходят). Одни и те же факторы могут на одном этапе оказывать положительное воздействие на аттракцию — способствовать возникновению симпатии, на другом — отрицательное воздействие или действовать только в сочетании с какими-либо другими факторами, или не

Рис 4

действовать вовсе. Видно также, что отношения в паре, прошедшей ряд фильтров, не гарантированы от распада: предстоящий фильтр не менее опасен для существования пары, чем те, которые она уже благополучно преодолела. Его прохождение может детерминироваться факторами, коренным образом отличающимися от тех, которые обеспечили благополучное преодоление всех предыдущих барьеров.

Продвижение по этому коридору является следствием активности самих членов пары, без их целенаправленных действий отношения развиваться не могут. Благоприятное или неблагоприятное для прохождения очередного фильтра сочетание внешних и внутренних условий просто не проявится, если у участников общения не будет активного желания преодолевать возникающие трудности и стабилизировать свои отношения. В ходе развития общения члены пары удовлетворяют какие-то свои потребности, решают определенные задачи. Взаимоотношения могут быть стабильными только тогда, когда их сохранение предстает перед субъектом как одно из условий достижения значимых для него целей.

Активное стремление к оптимизации отношений проявляется, в частности, в ориентации субъекта на стереотипы «хороших отношений». Дело здесь не столько в ригидности, сколько в стремлении к прогно-

95

зу дальнейшего развития своих отношений, обеспечении их стабильности. Это видно и на стабильных и на развивающихся отношениях. Например, как уже отмечалось, физические данные партнеров не влияют на успешность длительных отношений. Существующие же представления на этот счет требуют близости партнеров по критерию внешней привлекательности. По-видимому, ориентируясь на эти представления, люди в ходе брачного выбора формируют пары с довольно высоким внутривидовым сходством по уровню физической привлекательности. Например, в исследованиях Б. Мурстейна [177] испытуемые должны были распределить по парам 99 фотографий -мужчин и столько же фотографий женщин, подавших незадолго до того заявление о вступлении в брак. Испытуемые не знали, кто к какой паре принадлежит, и ориентировались только на внешнюю привлекательность изображенных на фотографиях людей. Оказалось, что степень угадывания, т. е. составления пар в соответствии с реальностью, значительно превышала случайную.

В развивающихся отношениях опыт общения с партнером опосредствует восприятие и оценку его действий. Каждый поведенческий акт становится важен не только сам по себе, но и в контексте всего взаимодействия. Это было продемонстрировано в ряде советских и зарубежных исследований. Так, четыре группы испытуемых в эксперименте А. А. Бодалева и Л. И. Криволапа [19] получали серию оценок со стороны другого человека — партнера экспериментатора; Эти оценки были: для первой группы — только положительными, для второй — только отрицательными, для третьей — сначала положительными, потом отрицательными, для четвертой — сначала отрицательными, потом положительными. Оказалось,

что, хотя суммарная оценка была максимальной в первой группе, наибольшую симпатию к партнеру испытывали респонденты четвертой группы, получившие сначала отрицательную, потом положительную оценку. Аналогично наибольшую враждебность парт-

1 Терапевтическая практика показывает, например, что источником недовольства семьей могут быть не только конкретные аспекты внутрисемейного взаимодействия, но и несоответствие семьи субъекта его представлениям о норме [30].

нер вызвал к себе не во втором, а в третьем случае, когда его оценки менялись от положительных к отрицательным. Этот результат можно объяснить именно тем, что субъект реагирует не на отдельные поведенческие акты, а на отношения как на целое, имеющее и прошлое и будущее. Эмпирически обоснованными представляются следующие интерпретации полученной зависимости аттракции от характера последовательности положительных и отрицательных оценок: во-первых, аттракция здесь может возникать как следствие снижения тревожности, вызванной начальными отрицательными оценками; во-вторых, изменение отрицательного мнения на положительное может восприниматься испытуемым как его личная заслуга; в-третьих, положительные оценки могут быть особенно значимыми на фоне отрицательных, т. е. здесь действует эффект контраста. Той же самой логикой объясняется и проявляющаяся в этом эксперименте враждебность [111].

Итак, в развивающихся отношениях субъект ориентируется не столько на подкрепление само по себе, сколько на градиент этого подкрепления, эмоционально реагируя на его превышение или принижение по сравнению с привычным уровнем. На основе этого вывода Э. Аронсон сформулировал «закон супружеской неверности» [111], отражающий, несмотря на шутливый характер названия, весьма серьезную проблему, возникающую в контексте близких, в частности, супружеских отношений. Складывающаяся в ходе таких отношений привычка к взаимным высоким оценкам снижает чувствительность партнеров к положительным подкреплениям, исходящим друг от друга, зато делает их чрезвычайно чувствительными к малейшему проявлению неодобрения. В то же время в общении с партнерами, не столь близкими или посторонними, люди достаточно толерантны к негативным оценкам (поскольку у них не сформировано ожидание позитивных оценок), зато склонны испытывать сильную симпатию даже в ответ на небольшое по абсолютной величине подкрепление. Ближнему человеку труднее, чем постороннему, вызвать положительные чувства в ответ на свои действия, в то же время у него больше шансов вызвать отрицательную реакцию партнера. Практика семейной терапии показывает,

4 Л. Я. Гозман

97

что «закон супружеской неверности» действительно отражает определенный аспект взаимоотношений во многих семьях, особенно в конфликтных.

Попытаемся теперь охарактеризовать те фильтры, последовательное преодоление которых необходимо для развития и продолжения эмоциональных отношений. Первый фильтр — закономерности детерминации аттракции на начальном этапе развития отношений — был описан нами во

второй главе данной работы. Фактически на этом этапе объект предстает в качестве стимула, обладающего определенными характеристиками (внешность, склонность к кооперативное™ и т. д.), которые оцениваются субъектом в зависимости от их социальной ценности, параметров ситуации, в которой происходит взаимодействие, и состояния и свойств самого субъекта. При неблагоприятном сочетании этих переменных аттракция не возникает и общение не продолжается.

Второй фильтр состоит, по-видимому, в требовании определенного уровня сходства между собой и партнером. Мы видели, что принцип сходства действует и в начальный период знакомства как основание для выбора партнера. Здесь же речь идет об одном из важнейших условий поддержания отношений. Так, в упоминавшемся уже эксперименте Т. Ньюкома с семнадцатью студентами [66] было обнаружено, что через две-три недели после знакомства «экологические» переменные, игравшие (вначале) ведущую роль, стали терять свое значение, а на первый план в качестве детерминанты уровня аттракции вышло предварительно замеренное сходство установок по различным вопросам. Аналогичные данные были получены и другими авторами (см., например, [120], [124], [154]). Отметим, что доминирующий характер сходства установок для продолжения отношений — явление временное. Во многих работах было показано, что начиная с определенного периода (обычно после нескольких месяцев общения) степень сходства между партнерами, по крайней мере сходства установок, перестает оказывать существенное влияние на их эмоциональные отношения [42, 162, 177].

Можно предположить, что основной задачей, решаемой субъектом при прохождении первых двух фильтров, является задача обеспечения психологи-

98

ческой безопасности, создание комфортной и нетревожной ситуации, гарантирующей ему определенный уровень принятия со стороны партнеров по общению. Прохождение следующих фильтров мотивируется актуализацией других задач, связанных уже не просто, с обеспечением безопасности, но с достижением каких-то важных для субъекта целей. Следующий фильтр требует возможности включения членов пары в совместную деятельность.

На операциональном уровне эта возможность предстает в виде такого сочетания личностных и поведенческих характеристик, которое Б. Мурстейн, автор получившей широкое распространение в области исследования развития эмоциональных отношений теории «Стимул — Ценность — Роль» [177], назвал ролевым соответствием. Речь идет как о соответствии друг другу взятых на себя членами пары межличностных ролей, так и о наличии базы для совместного взаимодействия с другими людьми, социальными системами или предметным миром. База эта видится обычно в определенном сочетании личностных характеристик членов пары. В разные периоды развития экспериментальной социальной психологии выдвигались различные гипотезы относительно того сочетания личностных свойств, которое является условием стабильного и продуктивного общения. Так, Р. Винчем [207] был выдвинут принцип дополнительности потребностей, согласно которому условием стабильного взаимодействия яв-

ляется такое сочетание систем потребностей двух людей, при котором удовлетворение потребности одного будет одновременно и удовлетворением потребности другого. Примером такого дополнения могут служить потребность в доминировании у одного из партнеров, сочетающаяся с потребностью в подчинении у другого. Предположение Винча получило подтверждение в его собственных эмпирических исследованиях, а также в ряде работ других авторов, в частности в работе А. Керкофа и К. Дависа [162], которые обнаружили, что после 18 месяцев знакомства принцип дополнительности действительно играет существенную роль в детерминации взаимоотношений. До истечения этого срока, по их данным, важнее соответствие систем установок.

4*

99

Однако в большинстве посвященных этой проблематике работ принцип дополнительности не получил эмпирической поддержки. Не исключено, что это связано с временным характером его действия так же, как и действия других детерминант развивающихся эмоциональных отношений. Для того чтобы зарегистрировать действие какой-либо из детерминант, необходимо проводить замер в строго определенный момент времени, в который действие данного фактора максимально выражено. Естественно, «поймать» такой момент при проведении эмпирических исследований удается далеко не всегда.

Не останавливаясь на перечислении других моделей сочетания личностных характеристик членов пары, которые должны обеспечивать стабильность эмоциональных отношений (принципы сходства, дополнения и т. д. — см. об этом [177]), отметим, что ни одна из этих моделей не получила широкого подтверждения в эмпирических исследованиях. На наш взгляд, дело здесь не только в методологических трудностях, возникающих при изучении этой проблемы, но и в том, что продуктивное сотрудничество и участие в совместной деятельности возможно не при одном, а при самых разных сочетаниях личностных характеристик членов пары. Представление же о «совместимости» не как о результате процесса развития отношений в паре, а как об автоматическом следствии определенного сочетания инвариантных личностных свойств двух людей, часто встречающееся в популярной и, к сожалению, в специальной литературе, не имеет эмпирического обоснования 2.

Таким образом, третий фильтр — ролевое соответствие — носит для каждой пары свой, сугубо индивидуальный характер. Возможности прогноза его прохождения поэтому весьма ограничены. Здесь проявляется тот факт, что по мере развития отношений они все более индивидуализируются, оснований же

2 Надо сказать, что такое представление является и безусловно вредным, способствуя тому, что ответственность за свои неудачи в сфере общения (прежде всего семейного) передается безличным психологическим законам. Вера в наличие людей, «предназначенных» друг для друга, приводит к тому, что люди пытаются решать свои проблемы неактивной перестройкой своих отношений, а путем перебора вариантов.

100

для формулирования общих для всех пар закономерностей становится меньше. Говоря о длительно существующих отношениях, мы можем

выделять детерминанты лишь самого общего порядка, такие, например, как системы личностных конструкторов двух людей [133]. Они не только определяют в существенной мере восприятие человеком других людей (см. Т. В. Снегирева [84]). Их сходство, способствуя выработке не просто общей позиции по отдельным вопросам, но общего или сходного мироощущения, не только обеспечивает сотрудничество в рамках какой-либо конкретной деятельности, но облегчает возможность совместного решения важнейших жизненных проблем.

* *

S

Итак, эмоциональные отношения в своем развитии проходят через систему фильтров, которые характеризуются все большим «учетом» внутреннего мира другого человека. Аналогично развитию отношения к другому в онтогенезе [27] партнер воспринимается вначале как объект, носитель определенных свойств, и лишь потом формируется отношение к нему как к субъекту, с которым создается общая (совместная) картина мира.

По мере развития отношений их детерминация все более индивидуализируется, четкие и более или менее общие для всех пар связи уступают место уникальным для каждой пары зависимостям.

§ 2. ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ — ФАКТОРНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

До сих пор речь шла о детерминантах эмоциональных отношений и их изменении во времени, вопрос же о внутренней динамике самих отношений, т. е. об изменении их содержания, не ставился. Мы уже говорили о том, что предположение об одномерной структуре межличностной аттракции, присутствующее имплицитно или эксплицировано в большинстве исследований, носит целиком априорный характер, существенно обедняет реальность и не дает возможности понять специфику эмоциональных отношений различных типов.

101

Мы попытались прояснить вопрос о внутренней структуре эмоциональных отношений и об изменениях этой структуры во времени, а также их зависимости от пола субъекта и объекта аттракции в ходе специального факторно-аналитического исследования. Работа велась по трехфакторной схеме. Варьируемыми переменными были пол субъекта аттракции, пол ее объекта, а также степень их знакомства — партнеры либо хорошо знают друг друга, либо едва знакомы 3. Последняя переменная была выбрана в качестве референта фазы или этапа общения. Для этого во многих исследованиях используется просто время знакомства, но этот показатель может оказаться неадекватным, так как не учитывает особенностей процесса общения в данной конкретной паре. На наш взгляд, использовавшийся нами показатель — субъективная оценка испытуемым степени знакомства с партнером — лучше репрезентирует этап общения.

Эксперимент строился следующим образом. Сначала испытуемые, мужчины и женщины, должны были вспомнить человека своего пола, которого они плохо знают, но который тем не менее вызывает у них симпатию, затем — столь же малознакомого, тоже своего пола, но несимпатичного человека. Имена или иные «коды» обоих людей испытуемые записы-

вали. Потом надо было вспомнить двух человек противоположного пола, также малознакомых — симпатичного и несимпатичного. Аналогичная процедура повторялась и для хорошо знакомых испытуемым людей — надо было вспомнить и записать имя хорошо знакомого симпатичного и хорошо знакомого, но несимпатичного человека своего пола. То же самое — для людей противоположного пола. Таким образом, каждый испытуемый записывал имена восьми знакомых ему людей, две пары своего пола и две — противоположного, одну, состоящую из близко знакомых, другую — из тех, знакомство с кем было лишь поверхностным. Из каждой пары экспериментатор по случайному закону вычеркивал одного, либо вызывающего аттракцию, либо нет, руководствуясь при

3 В последующих исследованиях можно при необходимости ввести более дробную градацию этапов общения. В данном случае мы сочли возможным ограничиться двучленной шкалой.

102

этом только тем, чтобы общее число аттрактивных и неаттрактивных одного типа (например, малознакомые своего пола) по всем испытуемым одного пола было одинаковым. Каждый испытуемый впоследствии описывал свое отношение к четырем людям, оставшимся в его списке после вычеркивания.

Такой необычный выбор объекта аттракции (общепринятым является предъявление единого для всех испытуемых эталона) позволяет, во-первых, выйти на реальные отношения, так как испытуемые оценивали людей, общение с которыми развивалось независимо от эксперимента, во-вторых, обеспечивает большой разброс данных (оценка не только симпатичных, как в большинстве ранее проводимых исследований, но и неприятных для испытуемого людей), что необходимо при выбранном нами способе анализа.

После того как объекты оценки были идентифицированы, испытуемый получал четыре набора вопросов, по одному на каждого из четырех оставшихся в списке людей. Наборы состояли: для малознакомых — из 40 вопросов, для хорошо знакомых — из 55 вопросов каждый. Таким образом, испытуемый отвечал на 190 вопросов о двух людях своего и двух — противоположного пола. Ответы испытуемые записывали на специальных ответных листах, на которых регистрировалась степень их согласия или несогласия с данным высказыванием об оцениваемом человеке.

Наборы были составлены из различных вербальных индикаторов аттракции на основе существующих методик: шкал Д. Бирна [118], З. Рубина [186], П. Райта [208], Ч. Кислера и Г. Голдберга [163] и некоторых других. Часть вопросов была сконструирована автором самостоятельно; заимствованные, в тех случаях, когда в этом возникла потребность, подвергнуты переработке. В наборы включены как вопросы, апеллирующие к оцениваемому человеку как к партнеру по совместной деятельности, так и вопросы, содержащие внешнюю, поверхностную оценку. Психометрическая проверка вопросов была осуществлена в пилотажном исследовании, в котором приняли участие 84 испытуемых обоего пола.

Испытуемыми в нашей работе были 141 мужчина и 141 женщина, студенты МГУ и других москов-

103

ских вузов. Обследование проводилось в студенческих строительных отрядах и в академических группах, причем опрашивались все члены этих подразделений. Это делалось с целью повышения репрезентативности. Выборочный опрос добровольцев мог бы привести к значительным искажениям. Испытуемые пилотажной серии были набраны аналогичным образом. Случаев отказа от участия в работе практически не было. Работа в пилотажной серии проводилась индивидуальным методом, в основной — как индивидуальным, так и групповым. Участие в эксперименте занимало в среднем один час.

Полученные результаты были подвергнуты факторному анализу методом главных компонент. Обработка шла отдельно для мужчин и для женщин. В результате было получено восемь факторных структур, каждая из которых отражает внутренние характеристики аттракции с учетом пола участников общения и степени знакомства между ними. Была также проведена ротация.

Каждая факторная структура содержит одиннадцать факторов, исчерпывающих в совокупности порядка 80% дисперсии⁴.

Перейдем теперь к тем выводам, которые позволяет сделать анализ содержания факторных структур и отдельных факторов⁵.

1. В первую очередь обращает на себя внимание

4 Подробное описание данных см. Гозман [29].

5 Содержание факторных структур и психологическое содержание каждого из факторов в значительной степени определяется самим набором первичных переменных. В использовавшийся нами набор вошли те корреляты аттракции, тесная статистическая связь которых с этим феноменом была неоднократно проверена в литературе. Однако психологическое содержание этой связи заранее проверить невозможно. В ряде случаев эта связь определяется содержательными моментами, тем, что данная переменная действительно репрезентирует какие-то важные стороны феномена межличностной аттракции. В других случаях эта связь может определяться тем, что данная переменная часто сопутствует аттракции, не будучи с ней связанной содержательно. Группы таких переменных могут выделиться в отдельные факторы, которые, являясь (формально) факторами аттракции, по своему содержанию от нее далеки. Никакого операционализируемого алгоритма для выявления таких факторов среди других, к сожалению, не существует. Так же, как и при интерпретации психологического содержания факторов, здесь приходится полагаться на опыт и интуицию.

104

большое сходство полученных структур аттракции между собой. Во всех структурах присутствуют Общие факторы, факторы Экстенсивного общения и факторы Социальной ценности. В семи из восьми структур выделяется фактор Аттракции к подчиненному, причем в структуре аттракции мужчины к хорошо знакомой женщине есть фактор Деловых способностей, который в значительной степени включает в себя и фактор Аттракции к подчиненному. Фактор Физической силы встречается в семи структурах, отсутствуя лишь в одной — аттракция женщины к хорошо знакомому мужчине. Принципиально важно, что в большинстве случаев эти факторы встречаются как до, так и после ротации, т. е. проявляются

при разных поворотах системы координат. Это значит, что они носят неслучайный характер и репрезентируют существенные закономерности межличностных отношений.

Совпадение или близость структур аттракции в различных ситуациях свидетельствуют о том, что выделенные факторы не являются случайными, а действительно представляют собой компоненты межличностной аттракции. О том же свидетельствует и близость полученных результатов с фактами, обнаруженными в ряде других исследований общения. Так, в работе И. С. Кона и В. А. Лосенкова [47], изучавших дружеские отношения молодых людей, были выделены факторы Экстенсивного общения с представителями противоположного пола и общий фактор Экстенсивного общения. Аналогичные факторы есть и в наших структурах.

Наши результаты близки и к данным В. В. Столина [85], выделившего в структуре отношения к другому человеку факторы симпатии, уважения и близости. Факторы, аналогичные по содержанию первым двум, присутствуют у нас во всех факторных структурах, похожие на фактор близости — в структурах аттракции хорошо знакомых людей. Отсутствие факторов близости в структурах аттракции малознакомых объясняется, по-видимому, тем, что при восприятии малознакомого человека входящие в этот фактор переменные практически не дают разброса.

2. Как уже отмечалось, Общие факторы выделились во всех восьми случаях, причем, их содержание

105

в различных структурах практически совпадает. Они выражают глубокую эмоциональную связь с объектом или стремление к такой связи. При этом в них не входят признаки, отражающие оценку респондентом объекта по свойствам, важным для общения с другими людьми (например, по замкнутости), по социально значимым качествам, таким, как интеллект, образование, а также и по другим, не связанным непосредственно с отношением объекта к респонденту. Но ведь именно такие свойства, как интеллект, компетентность, красота, коммуникативные навыки, не вошедшие в Общие факторы, обыденное сознание считает «причинами» возникновения аттракции. Такое содержание Общих факторов подтверждает данные о том, что эмоциональные отношения не являются функцией свойств участников общения, а определяются другими причинами.

Судя по структуре Общих факторов, аттракция не связана непосредственно со свойствами ее объекта (иначе, признаки, характеризующие глубокую эмоциональную связь, попали бы в один фактор с оценками свойств объекта) б. Но тогда для объяснения детерминации эмоциональных отношений нужно либо вернуться к идее теле, выдвинутой Дж. [Морено 160], либо предположить, что они обуславливаются такими причинами, как параметры ситуации, характер совместной групповой деятельности и т. д., что соответствует выводам, сделанным во второй главе.

Интересно отметить, что в структуру Общих факторов не вошел признак, характеризующий оценку респондентом уровня знания объекта. По-видимому, в общении с глубоко симпатичным человеком всегда есть некоторый субъективный элемент неясности, объект аттракции не должен быть понятным до конца. Напомним, что речь здесь идет лишь о самооценке знания, которая определяется не только степенью

6 Непосредственно из наших результатов следует то, что эмоциональное отношение к человеку не связано с восприятием его свойств, но может быть, связано с тем, в какой степени они выражены у него в действительности. Но, поскольку формирующийся в процессе общения образ другого человека обладает достаточно высокой степенью адекватности, можно, на наш взгляд, говорить и об относительной независимости эмоциональных отношений от инвариантных характеристик объекта.

106

реальной информированности, но и притязаниями в этой сфере.

3. Оценки объекта по различным качествам, таким, как интеллект, образованность, общительность и т. д., выделились в отдельные факторы (например, Социальной ценности или Экстенсивного общения), которые, во-первых, имеют значительно меньший вес, а следовательно, и играют меньшую роль в общении, чем Общие факторы; а во-вторых, не включают в себя в большинстве случаев признаков, выражающих эмоциональный контакт с объектом и стремление к общению с ним. Эти факторы, по-видимому в меньшей степени, чем Общие, репрезентируют феномен эмоциональных отношений.

4. В нашей работе варьировались три переменные: пол субъекта аттракции, пол ее объекта и степень развития их отношений (операционально — уровень знакомства с оцениваемым человеком). Четкое и непротиворечивое влияние на аттракцию оказала лишь последняя. Это влияние выразилось прежде всего в том, что вес Общего фактора — в наибольшей степени отражающего содержание феномена эмоциональных отношений — в структурах аттракции хорошо знакомых людей вне зависимости от пола оказался значительно больше, чем вес его в отношениях малознакомых. Соответственно аттракция хорошо знакомых может быть в принципе описана меньшим числом переменных, так как в этом случае больший процент дисперсии, чем тогда, когда участники общения плохо знают друг друга, исчерпывается одним и тем же числом факторов 7.

Большее влияние на структуры аттракции переменной, характеризующей этап общения, по сравнению с половой принадлежностью субъекта и объекта аттракции, по-видимому, не случайно. Ведь увеличение времени знакомства (что в данном случае выступало показателем этапа общения) означает увеличение времени совместной работы, развлечений, разрешения

7 Процент дисперсии, необходимый для того, чтобы факторная структура могла считаться завершенной, не является строго определенной величиной и задается обычно самим автором исходя из целей работы. В большинстве случаев он не превышает 50—60% [7]. В нашем случае эта величина исчерпывается для знакомых людей 4—5 факторами, для незнакомых — 6⁷,

107

конфликтов — одним словом, опыта совместной деятельности. Особая роль этой переменной еще раз подтверждает деятельную опосредованность межличностной аттракции.

Большой вес Общего фактора в структуре аттракции хорошо знакомых людей позволяет сделать некоторые выводы о развитии процесса общения в диаде. В частности, этот результат опровергает распростра-

ненное представление о том, что на первых этапах знакомства восприятие другого человека целостно, а на последующих начинается процесс детализации образа. В действительности процесс знакомства развивается, по-видимому, в противоположном направлении: наиболее детализированный другой человек воспринимается на первых этапах знакомства, затем формируется некий образ, включающий в себя и когнитивные и эмоциональные компоненты, который подчиняет себе восприятие отдельных деталей. Сформировавшееся в конце концов представление о другом человеке связано уже не столько с его объективными свойствами, сколько с особенностями ситуации общения и потребностями субъекта восприятия. Этот результат хорошо согласуется с идеей целостности образа восприятия вообще и образа межличностного восприятия, в частности.

Может создаться впечатление, что межличностное восприятие по мере развития отношений становится менее объективным. На наш взгляд, это не так⁸. Восприятие знакомого человека подчиняется совершенно другим закономерностям по сравнению с восприятием незнакомого, так как значимыми для совместной деятельности становятся другие параметры, не важные для незнакомых людей. Так, в структуре аттракции знакомых людей появляется фактор Знания, отсутствующий в структуре малознакомых. Фактор Спокойствия или близкий ему по содержанию фактор Социальной надежности встречается во всех структурах аттракции хорошо знакомых людей, и лишь в одной — малознакомых (аттракция муж-

⁸ Такой вывод противоречил бы результатам эмпирических исследований, в которых был продемонстрирован рост адекватности межличностного восприятия в ходе совместной деятельности. В качестве примера можно привести результаты диссертационного исследования Ш. В. Саркисян [80].

108

чины к малознакомому мужчине), в которой его информативность очень мала. И так далее. Этими различиями можно объяснить, например, субъективную важность оценки со стороны хорошо знакомого человека. Отношение друга не просто более доброжелательно, он оценивает близкого ему человека по другим критериям, которые посторонний не принимает во внимание. Подобным образом и отношение врага качественно отличается от отношения поверхностно знакомого человека. Что же касается восприятия инвариантных свойств партнера, не связанных непосредственно с общением в диаде, то они выделяются в отдельные факторы, вес которых в структуре аттракции и соответственно влияние на отношения по мере углубления знакомства уменьшается.

5. Половая принадлежность субъекта и объекта аттракции не оказала такого четкого воздействия на факторные структуры, как степень знакомства между членами пары. Как уже говорилось, все обнаруженные структуры обладают большим сходством друг с другом. Из этого, однако, не следует, что структура аттракции не обладает половой спецификой.

Прежде всего ряд факторов входит только в одну структуру. Так, фактор Романтической любви встречается лишь в структуре аттракции женщины к малознакомому мужчине, фактор Интеллектуального общения — только в структуре аттракции мужчины к хорошо знакомому мужчине, фактор Когнитивной поддержки — только в структуре аттракции женщи-

ны к хорошо знакомой женщине и т. д. Некоторые факторы входят в несколько структур. Например, фактор Эмоционального сходства встречается в структурах аттракции к хорошо знакомому мужчине со стороны мужчины и женщины соответственно. Таким образом, появление этого фактора определяется лишь полом объекта аттракции и степенью знакомства участников общения, пол субъекта значения не имеет. Фактор Неосознаваемой симпатии встречается лишь в структуре аттракции мужчины к женщине независимо от степени знакомства и не выделяется в других случаях. Фактор Ожидания хорошего отношения к себе, который присутствует во всех структурах аттракции малознакомых людей, у хорошо знакомых выделяется только в одной (аттракция женщины к

109

хорошо знакомому мужчине). Присутствие его говорит о том, что именно в этом классе случаев субъект более всего неуверен в отношении к себе со стороны партнера и это отношение является наиболее значимым. Итак, факторов, свидетельствующих о половой специфичности структуры межличностной аттракции вполне достаточно, но систематизировать их, понять логику половых различий в аттракции — задача будущих исследований. Мы же пока можем ограничиться их констатацией.

* * *

Итак, мы рассмотрели изменения внутренней структуры и характера межличностной аттракции по мере развития взаимоотношений в паре. Разумеется, чувство симпатии или антипатии является лишь одним из аспектов общения в паре, поэтому динамика детерминант этого чувства не исчерпывает закономерностей развивающихся межличностных отношений, проходящих по мере своего роста ряд качественно различных этапов или стадий [69]. В ходе этого процесса меняется внутренняя структура отношений, образ партнера становится более целостным. На всех этапах развития эмоциональных отношений они сохраняют относительную независимость от таких свойств их объекта, как интеллект, компетентность и т. д., которые на уровне обыденных представлений считаются главными причинами возникновения и поддержания симпатий и антипатий.

Конкретный набор и содержание стадий определяются спецификой состава и характером жизнедеятельности пары — влияние оказывают возраст, пол, контекст общения, особенности субкультуры и т. д.

Не имея возможности анализировать эмоциональные отношения на всех этапах развития общения, мы остановимся на одном нетрадиционном для отечественной психологии явлении — на феномене любви.

§ 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЮБВИ

Любовь — исключительно сложный объект для психологического анализа. О любви сказано очень много — частотные словари современных языков сви-

110

детельствуют, что это одно из самых употребительных слов. При этом, как отмечают Дж. Каннингем и Дж. Антил, «все сказанное верно хотя бы для кого-нибудь» [127, стр. 27]. Кроме того, любовь еще меньше, чем какой-либо другой аспект реальности, может быть с достаточной полнотой описана в рамках какой-либо одной науки, ее познание требует междисциплинарного исследования, включающего в себя данные и прие-

мы не только психологии, но и социологии, биологии, этнографии, истории, искусствоведения и многих других дисциплин. Не ставя перед собой задачу синтеза всех фактов и идей, касающихся феномена любви, мы остановимся лишь на некоторых результатах и проблемах ее психологического исследования.

Прежде всего надо выяснить, отражает ли понятие «любовь» какую-то психологическую реальность, отличается ли синдром связанных с ней чувств и поведенческих образцов от тех, которые ассоциируются с другими понятиями (например, дружба, секс и т. д.) и обладает ли этот синдром достаточной конкретностью? В целом на эти вопросы можно ответить положительно. Например, Дж. Форгос и П. Добоц [139] показали, что большинство респондентов отличают в своем собственном опыте любовь от сексуальных отношений, с одной стороны, и от дружбы — с другой. По мнению опрошенных авторами людей, каждое из этих явлений может существовать независимо от другого, что не противоречит и достаточно частому сочетанию их в рамках одних и тех же взаимоотношений. С любовными переживаниями связаны вполне определенные ощущения, принадлежность которых именно к любви не вызывает сомнений у их носителей. Так, проанализировав описания 240 респондентами своих ощущений, К. Дайон и К. Дайон [130] пришли к выводу о том, что в набор связанных с любовью переживаний входят эйфория, депрессивные ощущения, склонность к фантазиям, нарушение сна, общее возбуждение и трудности в концентрации внимания.

Существуют и четкие поведенческие корреляты любви, не характерные для других типов чувств и отношений (см. [157]). В ходе лабораторных исследований это проявляется, например, в иной структуре

111

общения влюбленных в сравнении с испытуемыми, которых не связывает это чувство — влюблённые в два раза больше говорят друг с другом и в восемь (!) раз больше времени проводят, глядя друг другу в глаза [143]. Есть, конечно, и масса различий на уровне «внелабораторного» поведения.

Интересно, что любовные переживания и связанное с ними поведение обладают известной половой спецификой, причем направление различий далеко не всегда соответствует традиционным представлениям о психологических особенностях мужчин и женщин. Так, вопреки сложившимся стереотипам, мужчины в целом характеризуются большим уровнем романтизма, чем женщины, легче и быстрее влюбляются, в большей степени разделяют романтические представления о любви [204]. «Желание влюбиться» для мужчин более сильное основание для начала взаимоотношений, чем для женщин [149]. У женщин любовь проходит быстрее, чем у мужчин, они чаще выступают инициаторами разрыва и легче его переживают [187]. В то же время в период установившихся любовных отношений женщины склонны к большему самораскрытию по поводу своих чувств (которые, кстати, носят более соответствующий романтическому канону характер, чем у мужчин) и склонны выше оценивать своего партнера, чем он их оценивает [127]. Отношения любви, судя по результатам использования Шкал любви и симпатии (см. § 2 главы I), для женщин более специфичны, чем для мужчин, — корреляции между оценками любви и сим-

патии у них значимо ниже [186]. Эти различия являются результатом большой половой специфики развития близких отношений в онтогенезе. Дружба девочек, например, характеризуется большей интимностью и избирательностью, чем дружба мальчиков, общение в парах девочек носит другой характер, чем в парах мальчиков и т. п. [44, 193]. Надо сказать, что проблема половых различий в любви не может решаться вне временного и социального контекста. Так, меняются сами представления о половых различиях, которые в значительной степени эти различия и поддерживают (так как люди стремятся соответствовать сложившемуся стереотипу). Например, в проведенном в 1978 г. опросе

112

900 мужчин и женщин было установлено, что большинство респондентов не отдавали преимущества в романтизме женщинам, как это следовало ожидать, ориентируясь на традиционные представления [180].

Отметим, что в представлениях о любви не связанных с наукой людей существует куда больше определенности, чем в психологических лабораториях — лишь 16% мужчин и 10% женщин выражают сомнение в том, знают ли они, что такое любовь, остальные в этом смысле вполне в себе уверены [159, 160].

Очевидно, что термином «любовь» объединяются качественно различные отношения. Так называют и чувство матери к ребенку, и отношения молодых людей. С равным основанием можно говорить и о супружеской любви, и о любви к чему-то безличному, например, к своему делу. В психологии существует много попыток выделения качественно специфичных типов любви. Наиболее известной из таких типологий является классификация, предложенная Э. Фроммом [142]. Он выделяет пять типов любви: братскую, материнскую, эротическую, любовь к самому себе и любовь к Богу.

Подавляющее большинство философских и психологических типологий любви носят сугубо априорный характер, механизм выделения в них тех или иных типов обычно не просматривается, а принадлежность различных типов к одному классу любовных переживаний зачастую теряется. Тем больший интерес представляют те типологии, в которых логика выделения вариантов любви эксплицирована и поддается хотя бы теоретической проверке.

Попытка создания такой типологии была предпринята Т. Кемпером в рамках разрабатываемой им социально-интерактивной теории эмоций [158]. В любых взаимоотношениях (не только межличностных, но и тех, субъектами которых выступают целые социальные системы, например государства) Кемпер выделяет два независимых фактора — власть, т. е. способность силой заставить партнера сделать то, чего ты хочешь, и статус — желание партнера по общению идти навстречу требованиям субъекта. Искомый результат во втором случае достигается таким образом не силов, а благодаря положительному отношению партнера.

5 Л. Я. Гозман

113

Базируясь на этих двух факторах, Т. Кемпер выделяет семь типов любовных отношений в паре (см. рис. 5) :

1) романтическая любовь, в которой оба члена пары обладают и статусом, и, поскольку каждый из них может «наказать» другого, лишив его проявлений своей любви, властью по отношению к партнеру;

2) братская любовь, основывающаяся на взаимном высоком статусе и характеризующаяся низкой

Высокая

властью — отсутствием возможности к принуждению;

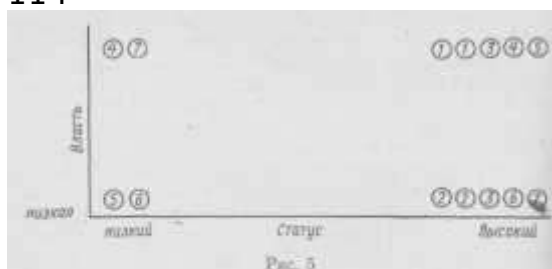
3) харизматическая любовь, в которой один партнер обладает и статусом и властью, другой — только статусом. Примером таких отношений в ряде случаев могут быть отношения в паре учитель — ученик;

4) «измена» — один партнер обладает и властью и статусом, другой — только властью. Примером таких отношений, давшим название этому типу, может быть ситуация супружеской измены, когда для партнера, вступившего в новые отношения, супруг сохраняет власть, но уже не вызывает желания идти ему навстречу, т. е. теряет статус;

5) влюбленность — один из партнеров обладает и властью, и статусом, другой — не пользуется ни тем, ни другим. Иллюстрацией таких взаимоотношений может быть односторонняя, или «безответная» любовь;

6) «поклонение» — один партнер обладает статусом, не обладая властью, другой не обладает ни статусом, ни властью. Такая ситуация возникает при отсутствии реального взаимодействия между членами пары, например, при влюбленности в литературного героя или в актера, знакомого лишь по фильмам;

114

7) любовь Между родителем и маленьким ребенком. Один партнер здесь обладает высоким статусом, но низкой властью (ребенок), другой (родитель) — низким статусом, так как любовь к нему еще не сформировалась, но высоким уровнем власти.

Данная типология представляется весьма полезной для анализа эмоциональных отношений. Конкретные взаимоотношения могут быть описаны в соответствии с тем, в какой степени в них представлена любовь каждого из семи выделенных здесь типов (нет необходимости объяснять, что речь шла о чистых типах, любые же реальные отношения носят комплексный характер и к одному типу практически никогда не сводятся).

С традиционными представлениями о любви в разнополой паре близких по возрасту людей связываются прежде всего отношения, характеризующиеся взаимно высоким статусом. По данной классификации это отношения первых двух типов: романтическая и братская любовь (третий — харизматическая любовь — характеризуется обычно значительным возрастным и социальным неравенством). Первая из них — романтическая, связанная с выраженностью сексуального компонента и задающаяся как норма отношений юношей и девушек в определенный период развития их взаимодействия, представляет в контексте обсуждающихся проблем осо-

бый интерес. В дальнейшем в этом параграфе будем говорить именно о феноменологии и закономерностях романтической любви.

Романтическая любовь является весьма непростым образованием со сложной и противоречивой внутренней структурой. При ее анализе необходимо учитывать множество переменных как психологического, так и непсихологического плана. Желательно также различать два сходных, но не совпадающих круга феноменов — установки субъекта на любовь и любовные переживания, с одной стороны, и собственно феноменологию любви — с другой. Опыт показывает, что установки на любовь не просто реализуются в любовном поведении, — как и при изучении других областей человеческого поведения, здесь обнаружены большие установочно-поведенческие несовпадения. Так, в проведенном под нашим руковод-

5*

115

ством дипломном исследовании Е. Е. Ширяевой (1984) было показано, что представления о любви могут существовать сравнительно независимо от реальных отношений, которые классифицируются самими участниками как любовь. При этом степень близости представлений и реального поведения оказалась отрицательно связанной со степенью четкости и структурированности поведения в рассматриваемых ситуациях стереотипных «настоящего мужчины» и «настоящей женщины» — там, где эти представления достаточно жестки, установки на любовь и реальное поведение оказались несвязанными. В то же время, как будет показано ниже, интериоризация субъектом определенных представлений о любовных переживаниях является необходимым условием развития чувства любви.

Вопрос о внутренней структуре или составляющих любви решался, как и вопрос о типах любви, на разных уровнях. И здесь одной из первых и наиболее цитируемых структур является структура, предложенная Э. Фроммом [142]. Он выделяет следующие составляющие любви: заботу, ответственность, уважение и знание. Отметим, что в более поздних исследованиях эта структура подверглась критике за отсутствие в ней фактора удовольствия, радости — любовь, по Э. Фромму, получается чувством сугубо рассудочным и аскетичным.

Сомнения на первый взгляд вызывает также и фактор знания. Дело в том, что в большинстве описаний любви в качестве одного из ее признаков выделяется склонность к идеализации партнера, к переоценке присущих ему положительных качеств и частичном игнорировании отрицательных. Такая же особенность наблюдается и в других эмоциональных отношениях, например, в дружеских [44].

Идеализация долгое время рассматривалась как свидетельство определенной дефицитарности любовных отношений. Соответственно предполагалось, что любовь, реализуемая зрелой личностью, не нуждается в завышении качеств партнера, и, следовательно, межличностное восприятие в этих случаях будет более адекватным.

На наш взгляд, идеализацию недостаточно рассматривать просто как нарушение в системе межлич-

116

ностного восприятия. Надо отличать неадекватность восприятия тех или иных черт партнера, с одной стороны, и отношение к этим качествам, т. е. оценку их как важных или неважных в структуре личности партнера,

терпимых или нетерпимых, сугубо временных или имманентно ему присущих — с другой. Ряд эмпирических исследований показывает, что идеализация как нарушение восприятия не может считаться существенной особенностью любовных отношений, по крайней мере стабильных (см., например, [157,204]). Что же касается идеализации как иного, более позитивного отношения к адекватно воспринимаемым свойствам другого человека, то она играет существенную роль в жизни индивида и в функционировании пары как целого.

Можно предположить, что отношение к кому-то с восхищением, приписывание ему различных экстраординарных достоинств обслуживает удовлетворение каких-то важных человеческих потребностей. Как считал Т. Рейк [182], у человека есть три возможные реакции на осознание своих несовершенств — закрыть на них глаза, влюбиться в идеал, возненавидеть идеал. Способность к восхищению другим человеком, которая составляет важный компонент способности к любви вообще, помогает человеку идти по второму из этих трех путей, что является, несомненно, более продуктивной реакцией, чем первая и третья. Т. е. способность к идеализации является непременным условием личностного роста. Слова «Мне нужно на кого-нибудь молиться» свидетельствуют о личностной зрелости поэтического героя Б. Окуджавы и никак не могут быть истолкованы как его неспособность к адекватному построению образа другого человека.

Идеализация способствует и оптимизации отношений в паре, вселяя в партнеров уверенность в отношении к ним другого человека и повышая их уровень самопринятия. В. С. Соловьев [83], например, считал, что идеализация — это не неправильное, но другое восприятие, при котором влюбленный видит в объекте своей любви не только то, что там есть на сегодняшний день, но и то, что там будет или по крайней мере может быть. На такую возможность указывают и наши эмпирические результаты, приве-

117

денные в предыдущем параграфе, — близкий человек оценивается в другой системе координат по сравнению с малознакомым.

Интересно, что в дружеских отношениях именно ожидание завышенной оценки себя обозначается молодыми людьми как понимание, которое и отличает дружбу от других типов отношений [47]. Не случайно, по видимому, что, как обнаружила в своем диссертационном исследовании М. А. Абалакина, склонность к идеализации партнера свойственна людям с более высоким уровнем личностного развития.

Идеализация может выступать и важным фактором формирования отношений. Повышение «ценности» партнера в глазах субъекта служит дополнительным стимулом преодоления трудностей, которые неизбежно возникают в процессе общения⁹. Отметим, что, по данным М. А. Абалакиной, мужчины более склонны к идеализации своих партнеров, чем женщины. Это может быть связано с тем, что традиционно мужчина в любовных отношениях занимает более активную позицию, чем женщина, должен преодолевать больше трудностей и больше поэтому нуждается в идеализации партнера.

Итак, идеализация не противоречит знанию, знание влюбленным объекта своей любви — это действительно другое и, может быть, более

точное знание. Вспомним, что исторически смысл слов «познание» и «любовь» во многих языках был близок.

Предпринимались и попытки эмпирического изучения структуры любви. Для иллюстрации назовем дипломное исследование Ю. Е. Алешиной (1980), выделившей романтический и рационалистический стили любви, и работу Р. Хаттисса [147], получившего в качестве составляющих любви шесть факторов: уважение, положительные чувства по отношению к партнеру, эротические чувства, потребность в положительном отношении со стороны партнера, чувство близости и интимности, чувство враждебности.

Последний из выделенных Р. Хаттиссом факторов заслуживает особого внимания. Присутствие негативных чувств в синдроме любовных переживаний,

9 На возможность такой функции идеализации указал В. С. Магун.

118

хотя и противоречит романтическому канону, представляется вполне закономерным. Любовные отношения исключительно значимы для их участников, они предполагают тесный контакт между людьми и их взаимную зависимость (хотя бы на бытовом уровне). Объект любви не может в этой ситуации не вызывать время от времени отрицательных чувств, например раздражения. Многие же люди, как показывает пси-хокоррекционная практика, отказываются принять закономерный характер периодического появления отрицательных переживаний и либо оправдывают их, приписывая партнеру даже и не свойственные ему негативные проявления, и как следствие проводят переоценку и партнера, и своих с ним отношений, либо вытесняют эти чувства, что, естественно, также имеет деструктивные последствия для отношений в паре. На наш взгляд, факт закономерного проявления взаимного негативизма на фоне и в рамках любовных отношений достоин широкой популяризации.

Следует остановиться еще на одной структуре, которая была предложена З. Рубиным [186]. Он выделил в любви привязанность, заботу и интимность (доверие) и создал на основе этой структуры специальный вопросник (см. § 2 главы I). Дальнейшие исследования показали, что фактор интимности (доверия) имеет меньше оснований для вхождения в структуру любви, чем факторы привязанности и заботы. Распространенность методики З. Рубина, однако, приводит к тому, что многие авторы фактически пользуются именно предложенной им структурой любви.

Изучение структуры любовных переживаний дает определенный градиент в понимании феномена любви, но не отвечает на вопрос о механизме возникновения этого чувства. Многими авторами база способности к любви виделась в филогенезе человека как существа стадного, выживание которого было возможно лишь в сотрудничестве с себе подобными.

Существование филогенетических корней любви не вызывает сомнений. Они проявились, например, в получившей широкую известность серии исследований Г. Харлоу [148], который, воспитывая шимпанзе в изоляции от матери, «заменяемой» либо проволочным каркасом с рожком, служившим источником пищи, либо таким же каркасом, обтянутым шкурой

119

обезьяны, показал, что удовлетворение потребности в тактильном контакте в раннем детстве является необходимым условием формирования в дальнейшем способности к установлению аффективных связей.

К этим результатам примыкают и данные, свидетельствующие о роли раннего онтогенеза в формировании способности к любви. Так, Т. Рейк [182] подчеркивал, что, проявляя любовь к матери, ребенок демонстрирует ей, как к нему следует относиться, как бы учит ее на своем примере. (В связи с широкой известностью взглядов по этому вопросу З. Фрейда мы не останавливаемся здесь на их характеристике. Отметим только, что в его работах идеи филогенетической и онтогенетической обусловленности любви взрослого человека проводятся наиболее последовательно.)

Но, на наш взгляд, полностью выводить любовь из филогенеза и раннего онтогенеза нет оснований. Как показал Д. Кэмпбелл [50], высшие человеческие чувства вообще развиваются не благодаря, а как бы вопреки биологическим законам. Надо найти «человеческое» объяснение присущей человеку способности к любви.

Таким обращением для объяснения любви к собственно человеческим феноменам является теория романтической, или страстной, любви, разработанная Э. Уолстер [204]. Эта теория базируется на ряде современных теорий эмоций, в которых подчеркивается момент самоинтерпретации своего состояния как составной части эмоционального переживания (см., например, [173]). Непосредственно эта теория связана с так называемой двухкомпонентной моделью С. Шехтера, согласно которой эмоции возникают лишь при одновременном сочетании двух факторов: физиологического возбуждения и возможностью для субъекта интерпретировать его для себя в терминах эмоций. В ставшем классическим эксперименте, который послужил основой для создания этой модели, С. Шехтер и Дж. Сингер [191] с помощью инъекции возбуждающего препарата в одном случае, и плацебо — в другом, варьировали уровень физиологического возбуждения респондентов. Особым образом организованная ситуация эксперимента способствовала либо эмоциональному, либо неэмоциональному, сугубо фи-

120

зиологическому, объяснению респондентами своего состояния. Оказалось, что наиболее сильные эмоции переживали те испытуемые, которые были подвергнуты инъекции возбуждающего препарата и имели возможность объяснить себе свое состояние в эмоциональном ключе¹⁰. (Подробнее об этом см. [90, 102].)

Базируясь на представлениях С. Шехтера, Э. Уолстер предположила, что романтическая любовь возникает в определенных ситуациях как наиболее приемлемое объяснение самому себе состояния своего физиологического возбуждения. Тогда становится понятным, что в качестве предпосылок любви могут выступать как положительные, так и отрицательные эмоциональные состояния, например, страх. Важно лишь, чтобы они обеспечивали определенный уровень физиологического возбуждения. Если вспомнить рассматривавшийся нами в § 4 главы 2 эксперимент Д. Даттона и А. Арона [136], то можно сказать, что большая симпатия к девушке-интервьюеру испытуемых, находящихся на висячем мосту, по сравнению с теми, кого опрашивали на стационарном мосту, вызывалась тем,

что они таким, более благоприятным для себя образом интерпретировали возбуждение, вызванное раскачиванием моста. Более адекватной, по-видимому, была бы категоризация этого возбуждения как страха. В тех же случаях, когда в качест-

10 Отметим, что различия между группами в этом эксперименте были невелики и даже не всегда достигали уровня значимости. Сами же результаты допускают и иную, не связанную логикой двухкомпонентной модели интерпретацию [158]. Тем не менее именно этот эксперимент послужил базой для многочисленных социально-психологических исследований, в том числе и исследований любви. С момента опубликования результатов Шехтера и Сингера прошло уже без малого четверть века, а их работа продолжает быть одной из самых цитируемых в рамках экспериментальной социальной психологии. Можно предположить, что такое сильное и продолжительное влияние этой работы на современную науку связано не столько с самими результатами, которые являются, как отмечалось, весьма уязвимыми, сколько с рядом других, вненаучных моментов. На наш взгляд, двухкомпонентная модель, подчеркивающая роль самого человека, роль сознания в детерминации собственного психологического состояния, обладает определенной этической ценностью, поскольку противостоит концепциям, в которых человек предстает пассивным реагентом на внешние обстоятельства.

121

ве интервьюера выступал мужчина, симпатия к нему на обоих мостах была одинаковой. Это объясняется тем, что согласно существующим нормам, испытуемые не имели возможности в этой ситуации интерпретировать свое возбуждение, как романтический или эротический интерес к интервьюеру [1].

Отметим, что связь любви и отрицательных переживаний закреплена и в этимологии слов, обозначающих сильные эмоции. Так, слово «страсть» обозначает одновременно и чувство любви и (в современном языке, впрочем, довольно редко) страдание. Любовь и смерть, любовь и опасность сосуществуют и на страницах художественных произведений. Например, любовь между Ромео и Джульеттой, представляющая собой один из признанных в европейской культуре образцов любовных отношений, разворачивается на фоне смертельной опасности, вызванной враждой Монтекки и Капулетти. Реальность описанной Шекспиром ситуации была, кстати, подтверждена в исследовании Р. Дрисколла и К. Дависа [131], которые обнаружили, что оппозиция родителей общению молодых людей со своими избранниками является фактором, способствующим возникновению романтической любви. Правда, вторая часть «эффекта Ромео и Джульетты», как назвали авторы свои результаты, состоит в том, что через несколько месяцев инициированные таким «внешним» образом чувства затухают или даже сменяются на противоположные.

Оказалось, что склонность к эмоциональной или, в нашем случае, «любовной» интерпретации даже важнее, чем наличие состояния возбуждения. Так, в одном из экспериментов [201] испытуемым-мужчинам предъявлялись фотографии полуобнаженных девушек. В ходе эксперимента испытуемые получали фальсифицированную обратную связь относительно частоты ударов своего сердца — в действительности частота вышедших на метроном ударов задава-

11 Надо сказать, что этот эксперимент, как и все работы, апеллирующие в своих выводах к двухкомпонентной модели, имеет и другие объяснения, связанные, например, с приписыванием девушке вследствие ее спокойного поведения на висячем мосту положительных личностных свойств, субъективным кодированием ситуации, как ситуации «женщина в беде» и т. д. [124, 174].

122

лась экспериментатором. На одну из фотографий «пульс» изменялся. Оказалось, что вне зависимости от направления изменения (учащение или урежение) именно эта фотография вызывала, по данным последующих замеров, максимальную аттракцию.

Возможность интерпретации своего состояния как любви связана и с наличием в тезаурусе субъекта определенных лингвистических конструкций, и с овладением правилами их использования. Человек должен знать, какие ситуации следует, а какие не следует интерпретировать тем или иным образом. Это обучение осуществляется и в период раннего онтогенеза, и в течение всей последующей жизни. Наиболее важными же ситуациями такого обучения представляются ситуации, названные Ю. А. Шрейдером ритуальными [100]. Такими по отношению к любви будут ситуации легкого флирта, в которых, с одной стороны, действия партнеров достаточно жестко заданы традициями и нормами их субкультуры, а с другой — остается достаточная свобода для самовыражения и эксперимента. Примером могут быть балы прошлого века, строившиеся, по словам Ю. М. Лотмана как «театрализованное представление, в котором каждому элементу соответствовали типовые эмоции» [57, с. 81], и одновременно дававшие возможность для достаточно свободного общения между мужчинами и женщинами. Важной чертой таких ритуальных ситуаций и в прошлом, и в настоящем является их относительная психологическая безопасность — прямое и резкое отвержение партнера, в этих ситуациях представляет собой поведение неконвенциональное и поэтому достаточно редкое. Это также дает партнерам возможность для своего рода тренировки.

Выявление роли момента самоинтерпретации в генезисе чувства любви делает более понятной и отмечаемую многими авторами близость различных видов любви между собой и их взаимную обусловленность. Как говорил А. С. Макаренко, «любовь не может быть выращена... из недр полового влечения. Силы «любовной» любви могут быть найдены только в опыте неполовой человеческой симпатии. Молодой человек никогда не будет любить свою невесту и жену, если он не любил своих родителей, товарищей, друзей» (Макаренко, [59, с. 246]). По-видимому, эта

Ч ИМ

общность связана с тем, что, хотя объекты любви в течение жизни меняются, сам принцип — объяснение себе своего состояния как любви, а не как, скажем, корыстной заинтересованности, остается неизменным. Если человек в детстве научился такой интерпретации, он будет использовать ее и в принципиально различных ситуациях.

Большинство людей имеют опыт любовных переживаний. Так, опрошенные У. Кепхартом [160] студенты влюблялись в среднем шесть-семь раз, из них два раза, по выражению респондентов, серьезно. Около половины испытуемых были, хотя бы раз, влюблены в двух людей одновременно. В рамках такой интенсивности существует, однако, большое разнообразие: есть люди с экстраординарно большим романтическим опытом, но есть и такие, которые не испытывали чувства любви никогда. Есть, по-видимому, определенные личностные особенности, которые способствуют тому, что, говоря языком двухкомпонентной модели, люди в

разной степени склонны интерпретировать происходящее с ними как любовь.

Долгое время в психологии была популярна мысль о том, что склонность к любви должна быть связана с выраженностью патопсихологических свойств (основанием для таких гипотез служили представления о любви как о манифестации слабости и дефицитарности субъекта — подробнее об этом будет сказано ниже).

Однако факты опровергли такие представления. Например, в работе У. Кепхарта [160] было показано, что ни уровень влюбленности в момент исследования, ни число романов, ни романтические установки не обнаружили в своих средних значениях связи с патологическими чертами личности. Крайние же значения этих характеристик, например очень большое число романов или полное их отсутствие, оказались связаны с недостаточным уровнем эмоциональной зрелости.

Наличие такой криволинейной взаимосвязи между интенсивностью романтического поведения, с одной стороны, и уровнем эмоциональной зрелости, с другой, позволяет сделать вывод о том, что в ряде случаев любовь действительно выполняет своего рода защитную функцию — об этом свидетельствует со-

124

четание максимальной интенсивности романтического синдрома и низкой эмоциональной зрелости. Однако, поскольку отсутствие любовного опыта у взрослого человека тоже сопровождается низкой эмоциональной зрелостью, достигающей максимума лишь при его возрастании, можно предположить, что любовные переживания являются не помехой, а необходимым условием высокого личностного развития.

Склонность к переживанию чувства любви оказалась связанной с такими чертами, как уровень романтизма и локус контроля, причем экстерналистскому локусу соответствуют большие значения романтического поведения [127]; обнаружены и другие зависимости. Можно предположить, что связь между склонностью к любви и личностными характеристиками опосредуется представлениями людей о желательных и соответствующих их полу, возрасту и другим параметрам форм поведения. Так, в проведенном нами совместно с Ю. Е. Алешиной [31] исследовании связи отношения к себе и отношения к другим было обнаружено, что высокая самооценка сочетается с высокоинтенсивным романтическим поведением у мужчин и с низкоинтенсивным — у женщин. Это можно объяснить тем, что нормативный образ «настоящего мужчины» требует значительно большей романтической активности, чем вообще менее определенный стереотип «настоящей женщины».

Мы рассматривали сейчас личностные корреляты склонности к романтическому поведению. Вопрос же о личностной предрасположенности к сильным и глубоким любовным переживаниям (склонность к романтическому поведению и способность к глубоким переживаниям — вещи, разумеется, разные) стоит особо. Здесь фактических данных очень мало. Общепринятой является та точка зрения, что высокий уровень принятия себя обеспечивает возможность любви к другому человеку. Как говорил З. Фрейд, «нарцисстическое либидо, или либидо «я», кажется нам большим резервуаром, из которого высылаются привязанности к объектам и в ко-

торый они снова возвращаются» [93]. Именно в отношении к самому себе оттачивается то искусство любви, о котором говорил Э. Фромм [142].

Явно недостаточны пока и знания того, какие ка-

125

чества делают человека привлекательным не в кратковременных (вопрос об этом мы подробно обсуждали ранее), а в долговременных любовных отношениях. Есть основания предполагать, что главными детерминантами выступают здесь не отдельные личностные свойства объекта [94], а его интегральные характеристики, такие, как уровень психического здоровья, самопринятие, компетентность и т. д.

Такая зависимость, кстати, заставляет предполагать наличие одной закономерности, с трудом, к сожалению, поддающейся экспериментальной проверке. Субъект с благополучно развивающимися эмоциональными отношениями получает подтверждение своей самооценке, и общий уровень принятия себя у него возрастает. Это делает его в глазах других людей более привлекательным как партнера в любовных отношениях. Однако сам он в данный момент к установлению новых эмоциональных связей не склонен. С другой стороны, в период распада близких отношений субъект особенно заинтересован в новой любви, но из-за падения уровня самопринятия вследствие неудач в сфере эмоциональных отношений он становится менее привлекательным. Привлекательность максимальна, когда она «не нужна», и минимальна в тот момент, когда потребность в ней выражена наиболее остро. Интересно, что в большинстве фильмов и литературных произведений о любви описывается иная ситуация — привлекательный герой «свободен» от каких-либо привязанностей и потому готов к установлению эмоциональных отношений с незнакомым или мало знакомым ему ранее человеком.

Существующие в психологии модели любви резко различаются еще по одному, оценочному, параметру. Часть авторов говорит о любви как о свидетельстве слабости и несовершенства человека, другие указывают на конструктивный характер этого чувства.

К моделям первой группы может быть отнесена, например, теория Л. Каслера [123]. Он: считает, что существуют три причины, заставляющие одного человека полюбить другого. Это, во-первых, потребность в подтверждении своих установок и знаний о мире. Любимый человек служит источником их валидации. Во-вторых, только по любви можно регулярно удовлетворять сексуальную потребность, не испы-

128

тывая при этом чувства стыда. В-третьих, любовь, по мнению Л. Каслера, является конформной реакцией по отношению к нормам общества. Подчеркивая, что любовь как эмоция не имеет специфических, свойственных только ей физиологических проявлений, Л. Каслер объясняет это тем, что она представляет собой сплав различных эмоций, доминирующую роль среди которых играет страх, в данном случае — страх потери источника удовлетворения своих потребностей. Таким образом, влюбленность в кого-то (т. е. постоянный страх потерять его) делает человека несвободным, зависимым, тревожным, мешает его личностному развитию. Влюбленный человек относится к объекту своей любви крайне амбивалентно. Он одновременно испытывает к нему и позитивные чувства, например

благодарность как к источнику жизненно важных благ (прежде всего психологических), и негативные — ненавидит его, как того, кто имеет над ним власть и может в любой момент прекратить подкрепление. Действительно свободный человек, по Л. Каслеру, это человек, не испытывающий любви.

Общей логике подобного пессимистического взгляда соответствуют и некоторые эмпирические данные, свидетельствующие о консерватизме межличностной аттракции (ее возникновение в соответствии с принципом сходства, например, и т. д.).

Однако, как уже было показано, в некоторых ситуациях аттракция может играть не только консервативную, но и конструктивную роль, способствуя расширению знаний человека о мире. Это позволяет предположить, что и высшая форма межличностной аттракции, любовь, может быть описана в более оптимистическом духе. Примером является теория А. Маслоу [175]¹². Любовь психически здорового человека характеризуется, по А. Маслоу, прежде всего снятием тревожности, ощущением полной безопасно-

¹² Эта теория выработана в русле исследований гуманистической психологии — направления, одним из основателей которого является А. Маслоу. Идеи гуманистической психологии, предпосылки ее возникновения, ее связь с различными философскими системами получили широкое освещение в советской психологической литературе (см., например, работы Л. И. Анцыферовой [11], Б. В. Зейгарник [37], М. Г. Ярошевского [106]), поэтому останавливаться на том научном контексте, в котором создана данная теория, мы не будем.

122

сти и психологического комфорта. Она никак не связана с исходной враждебностью между полами (это положение Маслоу вообще считает ложным). Свою модель он построил на эмпирическом материале — анализе отношений нескольких десятков людей, отобранных по критерию близости к уровню самоактуализации¹³. Явное и намеренное нарушение репрезентативности оправдано здесь тем, что задачей автора было описание не статистической нормы, а нормы возможности.

Любовь в описании А. Маслоу резко отличается от тех феноменов, которые наблюдают, используя то же название, другие исследователи. Так, с его точки зрения и по его данным, удовлетворенность психологической и сексуальной стороной отношений у членов пары с годами не уменьшается, как обычно, а увеличивается. Вообще, увеличение срока знакомства партнеров оказывается связанным с ростом удовлетворенности. Партнеры испытывают постоянный и растущий интерес друг к другу, заинтересованность в делах друг друга и т. д. Они очень хорошо знают друг друга, в их отношениях практически нет элементов искажения восприятия, свойственного романтической любви. Им удается сочетать трезвую оценку другого, осознание его недостатков с полным принятием его таким, какой он есть, что и является основным фактором, обеспечивающим психологический комфорт. Они часто любили и оказались влюблены в момент обследования. Они не стесняются своих чувств, но в то же время сравнительно редко употребляют слово любовь для характеристики отношений (по-видимому, это связано с высокими критериями в межличностных отношениях). Сексуальные связи доставляют испытуемым А. Маслоу очень большое удовлетворение, и они всегда связаны у них с близким эмоциональным контактом. При отсутствии психологической близости они в сек-

суальную связь не вступают. Интересно, что, хотя секс играет большую роль в отношениях об-

13 Самоактуализация — одно из центральных понятий гуманистической психологии. В самом общем виде самоактуализирующийся субъект — это человек, который в полной мере использует все свои потенциалы. Наиболее подробный анализ этого понятия проведен в советской психологии И. М. Палеем и В. С. Магуном [69].

128

следованных А. Маслоу пар, они легко переживают фрустрацию сексуальной потребности. Отношения этих людей подлинно равноправны, у них нет разделения на мужские и женские роли, нет двойных стандартов и других предрассудков. Они хранят верность друг другу, что проявляется, как в повседневной жизни, например, в отсутствии супружеских измен, так и в период трудностей и болезней. По выражению А. Маслоу, болезнь одного становится болезнью обоих. ■

Описанная А. Маслоу ситуация может быть иллюстрацией одной важной особенности любви, которая, в идеале всегда должна присутствовать в любовных отношениях. Фактически, устойчивая долговременная любовь есть всегда любовь несмотря на недостатки, несовершенства партнера, как бы вопреки им. Длительное и близкое общение не дает человеку возможности не видеть отрицательных качеств партнера — согласно обыденной логике, выводящей любовь и симпатию из наличия у объекта экстраординарных достоинств, это делает любовь невозможной. Умение же принимать окружающих, характерное для психически здоровых людей, позволяет им сохранить чувство любви несмотря на осознание объективных несовершенств друг друга.

Говоря о любви, крайне трудно отделить любовь как субъективное переживание, оценку своих отношений с другим человеком от любви как специфического процесса взаимоотношений с ним. Интимный характер любви, малодоступность ее для изучения неизбежно приводят к фрагментарности наших знаний об этом явлении. Тем не менее можно сказать, что понятие «любовь» репрезентирует для большинства людей определенную психологическую реальность, не смешивается с другими близкими понятиями. Выделены различные типы любви и структуры любовных переживаний. Склонность к переживанию чувства любви связана с рядом личностных характеристик субъекта, в частности, с высоким уровнем самопринятия. Опыт любви и любовных отношений

129

является необходимым условием высокого личностного развития. Включение когнитивного компонента в феномен страстной, или романтической, любви, роль вербальных структур в любовных переживаниях демонстрируют социокультурную обусловленность любви.

§ 4. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Хотя симпатия, дружба и любовь встречаются в любом обществе и являются общечеловеческими феноменами, необходимость поиска детерминации этих явлений определенными социальными условиями очевидна. Как отмечает Г. М. Андреева, механизм реализации общих, свойственных любому обществу явлений «лишь относительно независим от социальной реальности; «материал», из которого создан этот механизм, существенно

изменяется в зависимости от типа общественной структуры и общественных отношений» [8, с. 219].

Существенным недостатком многих исследований эмоциональных отношений является то, что подавляющее большинство авторов рассматривают аттракцию в отрыве от реальных условий жизнедеятельности человека. Это проявляется, например, в том, какие именно переменные включаются в исследование в качестве возможных причин возникновения аттракции. В большинстве случаев подобному анализу подвергаются личные и даже индивидуальные характеристики участников общения. Не отрицая важности этих параметров, следует сказать, что число детерминант аттракции, по-видимому, ими не исчерпывается. Более того, противоречивость эмпирических результатов свидетельствует о том, что это, может быть, и не самые важные детерминанты и что какие-то неучитываемые факторы оказывают на аттракцию большее воздействие: межкультурные исследования убеждают в том, что в различных культурах воздействие на аттракцию сходных характеристик обычно опосредуется различными переменными. По всей вероятности (и это подтверждено рядом исследований), на роль таких переменных могут претендовать параметры самого общения и условий, в которых оно протекает. Однако остается проблема выбора исследователем значимых параметров общения: в большинстве исследований они определяются только схемой эксперимента и не связаны, как это бывает в реальной жизни, с ситуацией в широком смысле, т. е. с тем социальным контекстом, в котором общение развивается. Важнейшими с точки зрения психологического анализа характеристиками социального контекста являются особенности совместной деятельности участников общения и внешние условия, в которых разворачивается взаимодействие.

Нельзя сказать, что в современных исследованиях аттракции эти два класса переменных игнорируются полностью. Однако совместная деятельность представлена в исследованиях лишь своими процессуальными, а не содержательными характеристиками (например, фиксируется наличие конкуренции или кооперации). Это приводит, в частности, к недооценке специфики качественно различных отношений. Так, очевидное различие между общением старых друзей, с одной стороны, и общением, например, покупателя и продавца — с другой, в эмпирических исследованиях зачастую не просматривается. Что же касается внешних условий общения, то в экспериментах учитываются обычно лишь «экологические» факторы, к которым эти внешние условия, однако, не сводятся. Общаются люди, принадлежащие к определенному обществу, интериоризовавшие нормы и представления своей культуры, получившие определенное воспитание и т. д. Иными словами, их общение протекает в том самом социальном контексте, который до сих пор в социальной психологии аттракции абсолютно не учитывается. Невнимание к социальному контексту проявляется, в частности, в определении цели исследования, которая видится прежде всего в установлении зависимости между переменными. Доминирование такого стиля мышления диктует изоляцию изучаемого феномена и приводит к тому, что многие интересные работы остаются, по сути дела, незавершенными, так как авторы их считают свою задачу вы-

полненной, ответив на вопрос «как?», и даже не ставят вопросов «почему?» и «зачем?».

Итак, постановка проблемы связи аттракции с параметрами широкого социального контекста вполне правомерна. Подходы к решению этой проблемы можно обнаружить, обращаясь к уже имеющимся в науке фактам [109].

Такие подходы наиболее ярко проявлялись в социологически ориентированной социальной психологии, где делались неоднократные попытки изучения зависимости аттракции от социального контекста [161, 185]. Однако объектом анализа в этих работах является общество в целом, группа или некий абстрактный, среднестатистический индивид. В результате вместо ответа на вопрос о способах влияния социального контекста на аттракцию одного человека к другому предлагается решение другой, сходной, но все же несовпадающей проблемы связи параметров социума с усредненными параметрами аттракции — феноменом, психологическое содержание которого практически выхолощено.

Из социологически ориентированного анализа ясно, например, что отсутствие широкого круга общения со сверстниками в маленькой африканской деревне снижает роль любви как детерминанты заключения брака. Этот вывод, однако, распространяется лишь на деревню в целом и даже не на конкретную деревню, а вообще на деревни такого типа. Он абсолютно неприменим к реальной паре жителей этой деревни, которые, могут, не подчиняясь статистическим закономерностям, полюбить друг друга и пожениться.

Можно сказать, что жители большого города имеют больше шансов пожениться по любви, чем жители отсталой провинции, что, однако, не исключает неэмоционального брака горожан. Социальный контекст аттракции оказывается таким образом внешней по отношению к общающимся индивидам переменной, которая либо способствует, либо мешает взаимодействию, но не влияет, по-видимому, на его содержание.

На наш взгляд, таким внешним воздействием влияние социального контекста на аттракцию не ограничивается. Он должен непосредственно проявляться в содержании человеческого общения. Если вернуться к примеру о полюбивших друг друга юноше и девушке из африканской деревни, то их чувства должны с большой степенью вероятности отличаться по содержанию от тех, которые связывают пару молодых москвичей. Следовательно, необходим более конкретный анализ условий того общества, в рамках которого

132

только и можно понять специфику содержательных компонентов общения.

Наиболее надежным способом выявления связи содержания эмоциональных отношений с социальным контекстом была бы прямая экспериментальная проверка — сравнение параметров аттракции в разных обществах. К сожалению, современный уровень развития психологии не дает возможности провести такую работу. Сравнимое измерение интенсивности эмоций в разных культурах и субкультурах — задача еще не решенная. Вербальные методики помимо того, что они несут на себе огромный груз недостатков, крайне трудно адаптировать к другой культуре. Что же

касается невербальных, то они связаны с эмоциями не непосредственно, а через другие переменные. Поэтому, даже если тот или иной показатель адекватен для определенной совокупности, предсказать степень его валидности для другой крайне трудно.

Перспективным в этом плане представляется контент-анализ произведений искусства, философских и социологических работ разных культур. При этом в первую очередь обращает на себя внимание универсальность человеческих чувств. Доказательством этому служит сам факт понимания представителями одной культуры литературных произведений другой. Не исключено, однако, что эта универсальность объясняется моментами сходства разных культур, вызванного, во-первых, взаимовлиянием и, во-вторых, наличием некоторых общих исторических закономерностей. О том, что вывод о независимости содержания эмоциональных компонентов общения от социального контекста преждевременен, говорит, например, глубокий историко-психологический анализ дружеских отношений, проведенный И. С. Коном [44]. Он показал, что дружба возникла как отношение к значительной степени институциализированное: так, в древности выбор друга отнюдь не был свободным, он диктовался различными экономическими и политическими соображениями, интересами рода и т. д. На этом основании можно было бы сделать вывод об относительной по сравнению с сегодняшней неэмоциональности, холодности дружбы древних. Но, очевидно, что этот вывод был бы преждевременным. Из приведенных данных следует лишь, что содержание, психологиче-

133

ский смысл дружбы в античности отличался от того, что стоит за этим понятием сейчас. Вполне возможно, что глубоко личностное, интимное чувство, совпадающее по содержанию с современными дружескими чувствами, существовало и раньше, но не играло такой важной роли в обществе, не было столь распространено и поэтому не попадало или попадало редко в поле зрения философов и художников. Для нас в данном случае важно то, что и контент, и историко-психологический анализ не позволяют в полном объеме продемонстрировать влияние социального контекста на аттракцию.

Другой путь состоит, на наш взгляд, в теоретическом анализе самого феномена аттракции с привлечением данных, полученных в ходе ее экспериментального исследования, что преимущественно характеризует работы «психологически ориентированной» социальной психологии. Как уже отмечалось выше, прямых сопоставлений между аттракцией и параметрами социального контекста до сих пор не проводилось. Поэтому придется ориентироваться на косвенные данные, прежде всего на противоречивые и труднообъяснимые факты, неструктурированность которых может быть связана с отсутствием адекватного объяснительного принципа.

Таким труднообъяснимым фактом является отсутствие связи (или наличие лишь слабой связи) между аттракцией и свойствами личности ее субъекта. Эти данные приходят в противоречие с представлением о спонтанности и внутренней детерминированности эмоциональных компонентов общения и заставляют предположить, что в действительности эти компоненты довольно часто являются внешнедетерминированными.

Интересно, что во многих теоретических работах выдвигаются положения, согласующиеся с таким представлением. На нормативную обусловленность эмоциональных компонентов общения указывают, например, работы советских авторов, проведенные на детских и юношеских коллективах, такие, как исследования В. А. Лосенкова [56], А. В. Мудрика [61], И. С. Полонского [73] и ряда других. Их данные дают основание предположить, что аттракция не только внешне детерминирована, но и носит нормативный

ii

характер, а связанное с ней поведение является в значительной степени ролевым.

Признание нормативного характера эмоциональных отношений (а значит, и их прямой связи с социальным и групповым контекстом) позволяет объяснить не только многие научные факты, но и ряд жизненных наблюдений, таких, например, как «эпидемии романов» в школах. В одном классе могут практически одновременно влюбиться почти все девушки, причем многие из них — в одного и того же человека. Это происходит, несмотря на огромные личностные различия между ними, разный уровень физической и интеллектуальной зрелости и т. д. Их влюбленность и связанное с ней поведение и переживания представляют в данном случае не что иное, как ролевое поведение, диктуемое стремлением соответствовать каким-то популярным в данный момент образцам.

Нормативную обусловленность межличностной аттракции подтверждают и существенные межкультурные различия в детерминации и мотивации эмоциональных отношений. Так, в проведенной под руководством автора дипломной работе А. Матяш (1985) сравнивались паттерны романтического поведения советских и венгерских студентов. Были обнаружены большие различия между исследовавшимися популяциями как на уровне установок и мотивации, так и на поведенческом уровне. В частности, венгерские студенты чаще склонны интерпретировать свои отношения как любовь, более уверены в чувствах своего партнера, их отношения чаще начинались по взаимной инициативе (в то время как у советских студентов инициатором чаще выступал мужчина). В анализ была включена наряду с группой венгерских студентов, обучающихся на родине, и группа венгров, находящихся на обучении в СССР. Оказалось, что паттерны романтического поведения этой последней группы испытуемых претерпевали вследствие их временной включенности в другой культурный контекст существенные изменения, причем характер этих изменений зависел от пола респондентов. Мужчины были более склонны принимать советские образцы ухаживания, женщины — предпочитали придерживаться привычных для них форм взаимоотношений. Это, конечно, связано не с большим консерватизмом женщин, а с

135

тем, что, судя по данным А. Матяш, в студенческой среде венгерский стиль ухаживания носит более эгалитарный характер, а советский — более традиционный. Переход на него, следовательно, «выгоден» мужчинам, но не «выгоден» женщинам.

Отметим, что, несмотря на явные положительные стороны нормативного подхода к аттракции, его вряд ли стоит абсолютизировать. Нельзя

отрицать существования наряду с ролевыми, безличными проявлениями подлинно межличностных эмоциональных отношений, с которыми справедливо связывается представление о высших человеческих ценностях.

Рассмотрим теперь конкретные механизмы связи аттракции с параметрами широкого социального контекста. Механизмы до сих пор не ясны: в эмпирических исследованиях, где аттракция изучалась преимущественно на уровне диады, и в общежитейских представлениях обычно подчеркиваются уникальность и непредсказуемость аттракции, а значит, и отсутствие связи с какими-либо другими явлениями. Вместе с тем имеющийся эмпирический материал дает основание не только подтвердить факт наличия искомых связей, но и выдвинуть некоторые гипотезы относительно их механизма.

Для выяснения вопроса о механизме связи эмоциональных отношений с параметрами социального контекста воспользуемся двухкомпонентной моделью, описанной в предыдущем параграфе. До сих пор эта модель использовалась лишь в исследованиях любви, но, на наш взгляд, нет никаких оснований считать ее нерелевантной и другим видам аттракции.

Основываясь на двухкомпонентной модели, можно представить себе два пути воздействия социального контекста на аттракцию. Первый — это детерминация факторов физиологического возбуждения, состоящая прежде всего в санкционировании или препятствии распространению возбуждающих стимулов и ситуаций. Например, законодательства большинства стран содержат статью», направленные против распространения наркотиков. Мораль во многих обществах осуждает использование искусственных стимуляторов активации или создание ситуаций, приводящих к экстраординарному возбуждению большого числа людей, возникающему, например, иногда на концертах

130

поп-музыки. Распространение нефармакологических возбуждающих стимулов, например эротических, также регламентируются либо законами, либо традициями общества.

Второй, более непосредственный способ воздействия социального контекста на аттракцию состоит, во-первых, в определении самого алфавита чувств, с помощью которого человек может интерпретировать свои состояния, и, во-вторых, в создании некоторых правил использования этого алфавита. Человек с бедным алфавитом, в котором отсутствует, например, любовь, чувства любви испытывать" просто не может. Если даже сам алфавит достаточно объемлен и включает в себя широкий класс переживаний и чувств, но субъект считает, что любовь — чувство, не доступное ему или «таким, как он», или что оно возникает лишь при определенных, достаточно редких условиях, — иными словами, если он не умеет пользоваться этим алфавитом, соответствующая эмоция не возникает (или, по крайней мере, не осознается).

Алфавит так же, как и правила его использования, задаются искусством, средствами, массовой коммуникации и т. д. Через эти каналы общество воздействует на каждого индивида, определяя тем самым содержание аттракции.

Прямой экспериментальной проверки реальности этого механизма до сих пор проведено не было, есть, однако, косвенные данные. Это, во-

первых, результаты ряда сравнительных исследований, демонстрирующих связь между эмоциями и наличием соответствующих лингвистических конструкций в различных культурах. Так, известно по крайней мере одно племя ману в Новой Гвинее, в словаре которого нет слова «любовь» и в общении членов которого отсутствуют соответствующие эмоциональные компоненты. Во-вторых, аналогичные выводы можно сделать из анализа субкультурных, в частности межполовых, различий. Как, например, объяснить большую по ряду параметров романтичность женщин по сравнению с мужчинами? Выводить ее из физиологических особенностей полов нет оснований. Существуют многочисленные данные, свидетельствующие о том, что половые различия в человеческих отношениях есть следствие прежде всего социальных, а не биологических факто-

137

ров [45]. Нам представляется более обоснованным объяснить разницу в уровне романтизма наличием так называемого двойного сексуального стандарта, согласно которому мужчине в большинстве культур разрешается иметь до- и внебрачные связи, для женщин же это считается недопустимым. Согласно этой традиции мужчины в соответствующей ситуации могут интерпретировать свое возбуждение как сексуальное, женщины же должны искать другие, более приемлемые для них объяснения, в частности эмоциональные, романтические 14.

Наконец, третьим косвенным свидетельством в пользу адекватности схемы влияния социального контекста на аттракцию является признание многими психологами прямой связи между богатством самих эмоций и богатством соответствующих лингвистических конструкций. Так, сторонники тренинга сензитивности считают одним из Доказательств эффективности групповой работы расширение у их участников активного словаря эмоций [70]. При этом предполагается, что расширение словаря связано с расширением диапазона чувств. Но ведь субъектом этого словаря является общество, культура, и, следовательно, именно параметры широкого социального контекста есть та общая база, на которой выстраиваются потом индивидуальные различия.

Набор фактов и логических построений, приведенных здесь с целью обоснования выдвинутой гипотезы о механизме влияния социального контекста на аттракцию, мог бы быть расширен. Однако и приве-

14 Отсюда можно сделать некоторые выводы о характере влияния знания о психологических и физиологических процессах на эмоции. Мужчины в этом примере не испытывают потребности в эмоциональной интерпретации возбуждения, ибо могут объяснить его, не прибегая к эмоциональным терминам. Женщины же такой возможности не имеют. Таким образом, получается, что некоторая субъективная неясность ситуации является необходимым условием эмоционального общения. В контексте рассматриваемой нами проблемы это означает, что распространенные в обществе научные или псевдонаучные модели человеческих отношений могут воздействовать на аттракцию по-разному. Образно говоря, положительно воздействует на аттракцию лишь то знание, которое, снимая некоторую неопределенность, одновременно создает новую. Знание, объясняющее «все», делает эмоциональный компонент в человеческом общении ненужным.

138

денного материала достаточно для того, чтобы считать гипотезу о влиянии социального контекста на эмоциональные отношения достаточно продуктивной.

Отсюда следует вывод, касающийся конкретного механизма воздействия на аттракцию произведений искусства. Согласно использовавшейся здесь логике искусство (имеются в виду его вербальные формы) способствует расширению алфавита эмоциональных переживаний и задает правила его использования. Это может быть достигнуто, например, через идентификацию читателя или зрителя с героем, самая возможность которой является, очевидно, одним из признаков подлинно художественного произведения. Идентификация с героем позволяет встать на его точку зрения, принять его схемы окружающего и разделить его представления о способах решения конфликта, в котором он находится. Это воздействие на когнитивные структуры реципиента. Идентификация дает, кроме того, возможность почувствовать то же самое, что чувствует герой, т. е., говоря языком двухкомпонентной модели, научиться определенному способу интерпретации своих состояний.

Есть две причины, по которым второй аспект влияния произведений искусства представляется даже более важным, чем первый. Во-первых, когнитивная структура, изменившаяся под воздействием книги или спектакля, может прийти в прежнее состояние под влиянием более сильных аргументов другого произведения. Расширение же своего эмоционального алфавита или новый способ его использования — приобретение устойчивое, не исчезающее под влиянием но« вой информации. Во-вторых, и это главное, чувства и переживания героя, которые становятся и чувствами зрителя или читателя, всегда выражают в той или иной степени мироощущение автора произведения. Талантливый художник — это не только профессионал высокого класса, но всегда и высокочувствительный человек, наделяющий своего героя широким спектром чувств. Тем самым художник дает своим современникам и потомкам образцы чувств, образцы эмоционального реагирования на других людей.

Можно предположить наличие и других механизмов влияния широкого социального контекста на аттракцию. Так, отношение к одному человеку есть в ка-

139

Кой-то степени конкретизация представлений о «людях вообще». Процесс этой конкретизации сложен и противоречив, тем не менее можно с уверенностью сказать, что имеющиеся у субъекта представления о человеческой природе, привычные способы атрибуции не могут не влиять на его восприятие другого человека. Но взгляды на природу человека, на наиболее вероятные причины его поведения, на человеческие мотивы задаются в значительной степени обществом. Этой цели служат искусство, публицистика, фольклор. Санкционированные обществом образцы поведения и мотивации распространяются по каналам системы массовых коммуникаций, включаются в систему образования. Они распространяются по межличностным каналам в виде сказок, песен и т. д.

Некоторые косвенные данные позволяют предположить наличие прямой связи между представлениями о том, насколько свойственны людям положительные черты личности и поведения, с одной стороны, и степенью доброжелательности отношения к конкретному человеку — с другой. Эти результаты получены прежде всего в экспериментах по альтруистическому поведению. Так, в одном из них [152] испытуемые, слушая радио,

получали информацию или о благородном, или об эгоистическом поступке, якобы совершенном в этот день (как было показано авторами, такая информация меняет представление о человеческой природе соответственно содержанию сообщения). После этого испытуемые участвовали в эксперименте, организованном по схеме «дилеммы узника». Оказалось, что те, кто получал более благоприятную с точки зрения оценки человеческой природы информацию, значительно чаще реагировали кооперативно.

Таким образом, может быть сделан вывод о том, что феномен эмоциональных отношений хотя и стоит особняком среди других психологических и социально-психологических явлений, не выпадает из общей закономерности детерминации его различными социальными и культурными факторами. Содержание эмоционального отношения одного человека к другому определяется не только индивидуальными и уникальными для каждой пары характеристиками, но и параметрами того широкого социального контекста, в котором разворачивается общение. Язык, интериоризированные правила и нормы поведения, представления о человеческой природе, о закономерностях взаимоотношений между людьми и т. д. оказывают непосредственное воздействие на любовные переживания, склонность испытывать симпатию и антипатию и, вообще, на эмоциональные отношения между людьми.

ГЛАВА IV

ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛИЗАЦИИ И РАСПАДА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 1. ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТАБИЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Проблема стабилизации эмоциональных отношений стоит в практическом плане значительно более остро, чем проблема их возникновения. Как мы убедились, обсуждая феноменологию любви, сами по себе романтические переживания — явление достаточно распространенное, с ними на протяжении жизни сталкивается подавляющее большинство людей, причем многие — неоднократно. Длительное же сохранение аттракции к партнеру встречается куда реже. На уровне обыденного сознания исключительно распространены даже представления о принципиальной невозможности сохранения высокого уровня любви, о неизбежности ее исчезновения и т. д.

Вопрос о стабилизации эмоциональных отношений не совпадает с проблемой сохранения пары, например супружеской, как целого. Стабилизация взаимодействия в диаде может быть осуществлена за счет психологических факторов (экономических, например), а также вследствие отсутствия сколько-нибудь привлекательной альтернативы. Исследования по психологии семьи показывают, что этот последний вариант (связанный с падением самоуважения и хроническим субдепрессивным состоянием вследствие конфликтных взаимоотношений) достаточно часто выступает в качестве стабилизатора брака, в котором оба супруга недовольны своей семейной жизнью [135]. Следует помнить, что при несомненной важности эмоциональных отношений для существования пары они не покрывают

всей сферы деятельности и общения, как внутри, так и тем более за пределами внутриспарных

142

отношений. Партнеры могут, например, обесценить внутренне свои отношения друг с другом, рассматривать их как своего рода плату за реализацию каких-то жизненных целей, «воздаяние» за неправильный образ жизни в прошлом и т. д. Представления о невозможности сохранения эмоциональных отношений играют здесь не последнюю роль — удовлетворенность субъекта своими отношениями определяется не только непосредственными переживаниями, но и соотношением их с существующими у него представлениями о норме, т. е. о том, как живет большинство людей. Если человек считает, что сохранение любви принципиально невозможно, он с меньшей вероятностью будет рассматривать как нетерпимое снижение симпатии и любви в своих собственных отношениях.

Итак, сам факт длительного сохранения взаимодействия в паре не может служить доказательством наличия в ней стабильных эмоциональных отношений. При исследовании этого вопроса надо пользоваться какими-то иными индикаторами, в частности специальными тестовыми показателями, результатами глубинных интервью и т. д. Очень много в этом смысле дают наблюдения, сделанные в ходе психокоррекционной работы. В целом есть основания для вывода о том, что длительное сохранение эмоциональных отношений, хотя и представляет собой довольно редкое явление, тем не менее возможно. Такое заключение подтверждают результаты ряда исследований, выполненных прежде всего в русле гуманистической психологии и психологии развития [172, 175], а также психотерапевтическая практика [125].

Разумеется, не все эмоциональные отношения имеют одинаковую историю, в частности не все достигают состояния романтической любви. Однако, учитывая, во-первых, распространенность романтической любви, во-вторых, ее научную, практическую и этическую значимость, рассмотрим возможность стабилизации эмоциональных отношений в паре, характеризующейся наличием романтической любви между партнерами.

Романтическая любовь — состояние, принципиально неустойчивое. Это хорошо видно, например, если обратиться к рис. 5 — наличие выраженных компонентов власти не может не придавать взаимоотношениям партнеров известную напряженность, связанную

143

с желанием избавиться от зависимости и, как отмечал Л. Каслер [123], враждебность. Неустойчивость состояния романтической любви проявляется и в анализе ее в рамках двухкомпонентной модели — необходимое для соответствующей самоинтерпретации физиологическое возбуждение не может быть пролонгировано на длительный срок, само его существование сугубо временно. Временным состоянием, следовательно, является и сама романтическая любовь. Перед субъектом же стоит задача выхода из этого состояния не по пути распада, а по пути стабилизации отношений.

Наиболее вероятным в статистическом плане последствием романтической любви является разрыв, прекращение отношений. Напомним, что, по данным У. Кепхарта [160], люди студенческого возраста влюблялись

уже 6—7 раз. Следовательно, столько же раз или на один раз меньше их отношения тем или иным образом прекращались. З. Рубин и его коллеги [187] обнаружили в ходе лонгитюдного исследования любви, что за двухлетний период эксперимента распалось 103 из 231 пары респондентов. Логично предположить, что при увеличении срока наблюдений доля распавшихся пар была бы еще значительно больше. В конце концов о большей вероятности прекращения отношений, причем довольно быстрого, по сравнению с вероятностью их стабилизации свидетельствует и тот факт, что на протяжении жизни люди значительно большее число раз влюбляются, чем женятся или выходят замуж.

Из сказанного не следует, что стабилизация эмоциональных отношений является следствием удачи, вызванной неясными, носящими почти мистический характер, причинами. Наоборот, на наш взгляд, задача выхода из состояния романтической любви является наиболее личностной из всех, стоявших перед субъектом на всем протяжении развития эмоциональных отношений с партнером. Дело в том, что весь генезис эмоциональных отношений от первого чувства симпатии до любви, достаточно жестко задается нормами и традициями. Примером может служить процесс ухаживания, нормативный характер которого был продемонстрирован во многих исследованиях [см., например, 187, 204]. Субъект может (в известных пределах, конечно), оставаться пассивным — ситуационные

и культурные детерминанты взаимодействия фактически и без его участия могут обеспечить благополучное развитие эмоциональных отношений в паре. Романтическая любовь, таким образом, во многих парах возникает случайно. Но после ее возникновения положение меняется. Долго длиться состояние романтической любви, как мы видели, не может, действие ситуационных, например «экологических», детерминант ослабевает, а нормативно предписанных образцов поведения не существует. Стабилизация эмоциональных отношений в «постромантический» период может быть только следствием активности их субъектов.

Возможности для стабилизации отношений на неэмоциональной, рационалистической, основе видятся прежде всего в оптимальной организации взаимодействия между партнерами. Во многих системах рекомендаций молодоженам, например, заложено имплицитное предположение о том, что эмоциональные отношения неизбежно должны смениться отношениями рационального сотрудничества. Однако оказалось, что организация взаимодействия небезразлична и к сохранению собственно эмоциональных отношений.

Такой вывод был сделан, в частности, в результате серии исследований Э. Уолстер в рамках разрабатываемой ею и ее коллегами 'Психологической теории равенства [205]. Среди положений этой теории важным для нашей проблематики является постулирование того, что включенность в отношения, воспринимаемые субъектом как неравные, несправедливые, является для него неприятной и он пытается тем или иным способом изменить положение.

Из этого основного предположения может быть сделан ряд выводов, важных для понимания процесса стабилизации эмоциональных отношений [146].

Например, на основе исследования 537 студентов было подтверждено, что пары, воспринимающие свои отношения как справедливые и равноправные (т. е. организованные таким образом, что «затраты» и «выгоды» каждого равны) оценивают свои отношения как более стабильные, с большим оптимизмом воспринимают свое будущее как пары, более удовлетворенные психологическими и сексуальными аспектами своих отношений в настоящий момент. (Аналогичные данные были получены и при опросе давно существующих

6 Л. Я- Гозман

145

пар). Интересно, что пессимистически оценивали свои отношения, ожидая их ухудшения, даже если для этого не было прямых оснований, и те члены неравноправных пар, кто ощущали себя «эксплуатируемыми» и те, кто ощущали себя «эксплуаторами». Проведенные через три с половиной месяца после первого опроса контрольные замеры в целом подтвердили адекватность этих прогнозов — равноправные пары действительно значимо чаще сохраняли свои отношения и демонстрировали прогресс в их развитии, чем неравноправные [146].

В целой серии работ было показано, что чувства вины и неуверенности, возникающие при восприятии себя как «эксплуатора», почти столь же деструктивны для эмоциональных отношений, как и агрессия, связанная с ощущением себя «эксплуатируемым» (см. [205]). Наибольший интерес представляют исследования, проведенные на парах, принадлежащих к разным возрастным когортам, и с различным стажем взаимоотношений. Общая гипотеза о разрушающем воздействии чувства вины подтвердилась на всех возрастах и для всех стадий развития отношений. Отметим, что наименьшие различия между параметрами эмоциональных отношений в равноправных и неравноправных парах обнаружались для пар молодых людей, находящихся на стадии ухаживания. Это является подтверждением высказываемой нами ранее точки зрения, согласно которой эмоциональные отношения в их «романтическом» и «доромантическом» периоде в силу своей нормативной заданностиTM в весьма слабой степени зависят от индивидуальных особенностей партнеров и организации общения между ними. На этом этапе отношения еще фактически безличны, подлинно межличностными они могут стать лишь в процессе развития.

Эти и другие аналогичные им результаты исключительно важны в прикладном плане — совершенно очевидно их значение, например, для семейной психотерапии. Причем, важным оказывается не только и не столько действительный характер взаимодействия, сколько восприятие его членами пары. Исследования по эффективности терапевтического воздействия на семью показывают, что обращение с помощью специальных приемов внимания клиента на неосознаваемые

146

им положительные моменты его брака способствуют не только стабилизации семьи, но и улучшению эмоционального аспекта взаимоотношений [171].

Однако важность фактов, свидетельствующих о роли организации взаимодействия в стабилизации эмоциональных отношений, не ограничивается возможностями их практического использования. Эти результаты рассеивают тот ореол непознаваемости, который в силу разных причин

окружает проблему стабилизации, или, иначе, сохранения эмоциональных отношений. Выявление причинной обусловленности стабильных эмоциональных отношений не только глобально-личностными, но легко регистрируемыми, «молекулярными» моментами, имеет большое методологическое значение¹.

Стабилизация эмоциональных отношений не означает, что они не меняются внутренне, в содержательном плане. Наоборот, как уже говорилось, стабилизация — это и есть переход от романтической любви к какому-то иному, менее конфликтному внутренне, состоянию. Если обратиться к классификации различных типов любви (рис. 5), то можно сказать, что идеальным вариантом стабилизации был бы переход романтической любви в братскую, в которой высокий статус сочетается с низким уровнем власти (аналогичное по содержанию явление, чтобы избежать терминологической путаницы — речь в большинстве работ идет о разнополых парах — часто называют супружеской любовью).

Важным является вопрос о том, насколько распространены эмоциональные отношения такого рода как братская или супружеская любовь, или, хотя бы, как часто они могут встречаться вообще. Ведь не исключено, что этот стиль общения присущ только определенному, очень малочисленному типу людей и недоступен «обычному» человеку. Для того чтобы разрешить эту проблему, необходимо выяснить, с какими

1 Методологические выводы в данном случае имеют и практический выход, определяя пути коррекционного воздействия, — демонстрируется, в частности, важность воздействия на отдельные элементы ситуации в каждый момент времени. Как говорил, анализируя проблему любви, Т. Рейк: «Если у Вас нет настоящего, у Вас нет будущего» [182, 12].

6*,

147

свойствами субъекта связана способность поддерживать отношения стабильной любви?

Отметим прежде всего, что если романтическая любовь является отношением нормативным² и поэтому зачастую безличным (этим и объясняется низкий уровень связей между нею и личностными характеристиками членов пары), то стабильная любовь есть отношение глубоко личностное, ориентированное не на ситуацию (ибо она трансситуативна), а на свойства участников общения, т. е. является в каком-то смысле преодолением ситуации, существует не благодаря, а в некоторых случаях даже вопреки ей. Эта особенность стабильной любви, на наш взгляд, указывает на ее качественное отличие от других человеческих отношений, на прогрессивный с точки зрения развития человека характер. Любовь такого типа является отношением более высокого уровня, и закономерности ее отрицают закономерности более низких уровней. Аналогично тому как жизнь, по выражению Э. С. Бауэра [15], есть постоянная работа против равновесия, требуемого законами физики и химии³, подлинно межличностные отношения есть развитие, направленное против диктата ситуации.

При экспериментальном анализе межличностной аттракции она оказалась не связанной со свойствами личности субъекта, измеренными по стандартным тестам. Этот результат в целом справедлив и для любви как для одного из видов аттракции. Тем не менее способность к стабильной любви проявляют люди, имеющие ярко выраженные личностные особен-

ности, большая часть которых качественно отличается от свойств личности, регистрирующихся в ходе обычных психодиагностических процедур. Измеряемые в социальной психологии параметры личности являются чаще всего процессуальными характеристиками, т. е. такими, от которых не зависит, в конечном счете ус-

2 В определенный период жизни человека нормы общества требуют от него влюбиться в другого человека противоположного пола. Если этого с ним не происходит, он испытывает все те переживания, которые выпадают на долю субъекта, не поддающегося групповому давлению или нарушающего нормы. Любовь в данном случае является своего рода конформной реакцией индивида.

3 Что не означает, конечно, независимости живых организмов от физических и химических законов.

148

пешность деятельности, а зависит лишь способ ее осуществления. Характеристики же, о которых идет речь, носят четко выраженный уровеньный характер, т. е. влияют не только на способ, но и на результат деятельности. Таким образом, можно предположить, что полученный в социальной психологии аттрактивный парадоксальный факт независимости параметров межличностного общения от свойств личности субъекта связан с тем, что в анализ включались лишь процессуальные, а не уровеньные характеристики личности. Именно степень выраженности уровеньных характеристик личности определяет способность индивида вступать в стабильные эмоциональные отношения, т. е. действительно быть субъектом своих отношений, а не пассивным объектом воздействия ситуационных переменных.

Формирование у членов пары определенных свойств личности, соответствующих в целом синдромам самоактуализации или психического здоровья, делает их способными к установлению стабильных эмоциональных отношений. Вывод о роли личностного развития как условия стабильных субъект-субъектных отношений соответствует и результатам той работы в области психологии личности, которая проводится в последние годы в советской психологической науке (см., например, [13, 72]). Не случайно многие исследователи и практики (см., например, [126]) считают нестабильность эмоциональных отношений проявлением не столько их неадекватной организации, сколько личностных проблем членов пары. Соответственно индивидуальная психологическая коррекция является зачастую необходимым компонентом оптимизации сферы общения клиента.

Стабильность эмоциональных отношений связана еще и с тем, насколько стабильные по своему характеру потребности удовлетворяет в них субъект. Поэтому люди, живущие, по выражению А. Маслоу [195], на уровне потребностей роста — стабильных, принципиально ненасыщаемых, т. е. люди с высоким уровнем самоактуализации, устанавливают и более стабильные эмоциональные отношения, чем живущие на уровне дефицитарных потребностей.

И экспериментальные данные, и общетеоретические представления убеждают в том, что одним из важнейших факторов стабильности эмоциональных от-

149

ношений должна быть включенность членов пары в совместную, значимую для них обоих деятельность *, Не очевидно, однако, что может выступать в качестве предмета такой деятельности? Изменения, произошедшие в институте семьи в последние десятилетия, привели к тому, что прежние виды деятельности, которые и выступали как совместные, такие, например, как хозяйственная, на субъективно-психологическом уровне стали свое значение терять. Ориентация же на какие-либо иные аспекты реальности как на предметы совместной деятельности на институциональном, уровне еще не сформировалась. Поиск такого предмета имеет, следовательно, большое практическое значение.

На наш взгляд, в случае супружеских отношений предметами совместной деятельности могут быть воспитание детей и, при создании благоприятных установок на дом, семейный очаг и т. д., домашнее хозяйство, ведущееся уже не в силу экономической необходимости, а для удовлетворения разнообразных психологических потребностей — от потребности в безопасности до эстетических. Однако оптимальным вариантом представляется тот, когда предметом совместной деятельности членов пары будут выступать они сами — обеспечение благополучия и личностного роста каждого из них.

* • *

Итак, сам факт длительного взаимодействия не может служить доказательством сохранения эмоциональных отношений в паре — общение может поддержи-

4 Включение в совместную деятельность для налаживания и стабилизации эмоциональных отношений широко используется в педагогике. Например, во Всероссийском пионерском лагере «Орленок», куда приезжают в основном незнакомые друг с другом ребята, они в первые же дни пребывания в лагере получают массу значимых для них заданий, выполнение которых требует совместной работы. Так, фактическое знакомство в некоторых отрядах осуществляется после подъема на гору по крутому склону. Подъем осуществляется парами, мальчиков «назначают» ответственными за безопасность их спутниц. Опыт показывает, что в результате резко снижается неизбежно возникающая вначале напряженность в отношениях между мужской и женской половинами отряда.

150

ваться за счет иных, не эмоциональных параметров. Мы выделили три группы факторов, стабилизирующих собственно эмоциональные отношения: адекватная организация взаимодействия, наличие у партнеров определенных личностных свойств и включенность их в совместную деятельность. Обратимся теперь к закономерностям и последствиям распада эмоциональных отношений.

§ 2. ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПАДА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Распад эмоциональных отношений является для человека исключительно тяжелым переживанием и оказывает серьезное деструктивное воздействие на его психическое и соматическое состояние. Так, дети, разлученные, даже временно, с матерью или считающие, хотя бы и ошибочно, что они лишились ее любви, хуже развиваются, чаще находятся в депрессивном состоянии, становятся более агрессивными в общении со сверстниками и т. д. [36, 92]. Это проявляется, например, в известном

синдроме госпитализации — ухудшении общего состояния ребенка в детском учреждении, большей подверженности его в период нахождения там различным заболеваниям и более длительных "сроках выздоровления. Было показано, что даже процент летальных исходов в детских клиниках зависит прежде всего от поддержания отношений ребенка с матерью (обзор данных о влиянии нарушения эмоциональных отношений на ребенка приводится в работе А. Монтегю [176]).

Достаточно серьезные последствия имеет хроническое нарушение эмоциональных отношений и для взрослых людей. Как считают Б. Блюм, С. Ашер и С. Уайт [117], «не вызывает сомнения связь между дезорганизацией отношений в семье, с одной стороны, и психическими и эмоциональными расстройствами, с другой» [117]. Развод является фактором риска для алкоголизма, суицида, автомобильных катастроф. Среди одиноких американских мужчин в возрасте старше 65 лет, по сравнению с их семейными сверстниками, в два раза выше смертность от рака легких и желудка, в 10 — от туберкулеза, в 7 — от цирроза печени. Во всех возрастах смертность от инфаркта значимо выше у одиноких, чем у семейных [116]. Од-

15]

но из катамнестических исследований влияния распада эмоциональных отношений показало, что за 9 лет, прошедших после разрушения аффективных связей со значимыми другими, среди тех, с кем это произошло, умерло вследствие различных причин в два раза больше (в процентном отношении) людей, чем в уравненной с ними по социально-демографическим показателям группе мужчин и женщин, сохранивших контакт с близкими [113]. С обзором соответствующих данных можно познакомиться в работах Ю. Е. Алешиной [5], Л. Пеплау, Д. Перлман [181].

Распад и прекращение взаимодействия не означают, что партнер становится эмоционально нейтральной фигурой. Как показал Р. Вейс [206], в течение длительного периода, доходящего иногда до нескольких лет, сохраняется субъективная эмоциональная связь с партнером. Причем, связь эта сохраняется и после установления новых, благополучных эмоциональных отношений с другим человеком (исключением являются те случаи, когда прежние отношения были прерваны ради легализации уже сформировавшихся эмоциональных связей с другим партнером). По мнению Р. Вейса, феноменологически реакция на распад эмоциональных отношений напоминает реакцию ребенка на потерю объекта привязанности, близость этих переживаний некоторыми их субъектами осознается. Ведущими по отношению к партнеру являются агрессивные чувства, гнев, склонность атрибутировать ему различные негативные черты и вину за распад взаимоотношений. Весь синдром отношения к бывшему партнеру характеризуется, однако, амбивалентностью — негативные чувства соседствуют с позитивными. Длительное время после прекращения стабильного взаимодействия, например после расторжения брака, продолжаются спорадические встречи, часто сопровождающиеся сексуальными отношениями, партнеры стремятся к восстановлению отношений в той или иной форме и т. д. Бывший партнер часто выступает в качестве мысленного собеседника, взаимоотношения с ним составляют существенное содержание сновидений, эмоционально заряженными, причем не только негативно, но

и позитивно остаются и связанные с ним объекты (вещи, определенные районы города и пр.). Таким образом, процесс распада эмоциональных отношений яв-

152

ляется процессом, пролонгированным на интрапсихическом уровне.

В чем причины распада эмоциональных отношений? На уровне обычного сознания и в ряде специальных работ в качестве таковой выдвигается некое, неприемлемое с точки зрения сложившейся структуры общения событие. Примером может служить адюльтер, совершение партнером каких-либо аморальных действий, разоблачение обмана и т. д. Распад эмоциональных отношений рассматривается здесь фактически как одномоментное событие, крах. Его пролонгация связана лишь с определенной инертностью психики и может быть охарактеризована как последствие. Однако ни эмпирические исследования, ни даже элементарная логика не подтверждают эту, столь простую концепцию. Прежде всего нет никакой психологической необходимости разрушения эмоционального отношения даже и после самого неприятного события. Изучение конфликтных семей; а также сексологические исследования, посвященные, в частности, проблеме внебрачной сексуальности, убеждают в том, что не существует единообразной реакции на те или иные поступки человека. В некоторых семьях, например, супруги мирятся с повторными адюльтерами, обманами, жестокостями и т. д., при резко негативном, на уровне установок, отношении к этим явлениям. В других — проявление этих форм поведения приводит к разрыву. Можно предположить, что событие, которому сторонние наблюдатели, да и сами участники отношений приписывают роль причины распада, в действительности является не более чем последним толчком или даже поводом для разрыва. Если, например, информация об адюльтере приводит к немедленным действиям, направленным на расторжение брака, то можно с уверенностью сказать, что внутренняя готовность к разводу к этому моменту уже была сформирована. В противном случае эта информация просто не была бы принята или была бы обесценена и т. д. Словом, она была бы преобразована таким образом, который позволил бы сохранить когнитивный баланс в системе положительных установок на партнера (идущие от Л. Фестингера социально-психологические исследования когнитивного баланса демонстрируют, какие широкие возможности есть у человека

153

для того, чтобы в случае субъективной необходимости игнорировать даже очевидные факты). В конце концов о наших близких нам постоянно становятся известными не только позитивные, но и негативные факты. Возможность или невозможность их ассимиляции определяется внутренними параметрами отношений.

Другая причина может состоять в наличии у одного или обоих членов пары таких характеристик, которые делают их неспособными к длительным эмоциональным отношениям. Распад, таким образом, оказывается predetermined. Действительно невротические особенности субъекта делают сохранение им эмоциональных отношений менее вероятным. Однако, исходя из этого представления, мы не продвигаемся в нашем понимании механизма распада, т. е. того, каким именно образом эмоциональ-

ные отношения, в частности любовь, сменяется амбивалентным синдромом чувств и затем исчезает. Кроме того, действенность этих неблагоприятных характеристик часто переоценивается, в качестве возможных детерминант «неизбежности» краха начинают выступать не только уровневые, но и процессуальные личностные характеристики, для чего нет фактических оснований. Факты говорят о том, что такие черты, как экстраверсия, ригидность, доминантность, темповые характеристики и т. д. никак не влияют на стабильность эмоциональных отношений. Задача состоит не в том, чтобы определить, какие черты благоприятны для поддержания стабильности и не представляют собой факторов риска, а затем стремиться подобрать или переделать человека по этому образцу, а в том, чтобы найти такие пути реализации его личностных особенностей, которые, будучи ему наиболее близки, смогут одновременно и способствовать стабилизации отношений.

Представление о роли личностных свойств в предопределении распада эмоциональных отношений логично приводит к атрибуции ответственности за распад определенному соотношению этих свойств, т. е. «несовместимости». Действительно, некоторые соотношения психологических и психофизиологических характеристик двух людей могут осложнить их взаимодействие и, следовательно, увеличить вероятность распада. Примером может служить резко выраженная у обоих партнеров потребность в доминировании, неко-

154

торые соотношения темпераментных свойств и т. д. Однако исследования по психологии семьи (см., например, [32, 88]) показывают, что ни одно из этих соотношений не носит фатального характера, часть пар и при этих неблагоприятных соотношениях сохраняют стабильные эмоциональные отношения. Таким образом, на наш взгляд, «несовместимость», способствуя разрыву, не может тем не менее выступать в качестве объяснительного принципа распада эмоциональных отношений.

В качестве еще одной причины может выступать просто отсутствие тех факторов, которые способствуют развитию эмоциональных отношений и их стабилизации. И. Альтман и Д. Тейлор [108] предположили, что процесс распада эмоциональных отношений есть процесс развития, идущий в обратном направлении. Они даже предложили аналогию с фильмом, прокручиваемым в обратную сторону. Такая модель представляется обоснованной для начальных этапов формирования эмоциональных отношений. Действительно, отсутствие вызывающих аттракцию свойств, например внешних, у потенциального партнера или наличие другой более привлекательной альтернативы может привести к тому, что отношения просто не начнутся. Аналогично и в период развития эмоциональных отношений отсутствие, например, достаточного уровня сходства может привести к тому, что пара не пройдет очередной фильтр. Однако, как мы убедились ранее, по мере развития отношений их детерминация усложняется, становится более многозначной. Начиная с какого-то момента уже невозможно с определенностью сказать, какие свойства или их соотношение определяют дальнейший прогресс аттракции. Следовательно, и применимость модели обратного развития начинает вызывать сомнения. Кроме того, оказались неверными и многие предсказания этой модели. Так, процесс распада

эмоциональных отношений сопровождается не снижением интенсивности коммуникации, как следует из гипотезы И. Альтмана и Д. Тейлора, а увеличением, не снижением уровня самораскрытия, а изменением его содержания (уровень же часто возрастает) и т. д. Таким образом, модель обратного развития верна лишь для формирующихся эмоциональных отношений, но нерелевантна феномену распа-

155

да достаточно глубоких эмоциональных отношений.

На наш взгляд, основной причиной распада эмоциональных отношений следует считать особенности взаимодействия внутри пары, т. е. сам процесс общения. Причем этот процесс распада не должен рассматриваться как патологический, — мы уже говорили, что большая часть эмоциональных отношений заканчивается распадом. Таким образом, процесс распада есть процесс нормальный, хотя и не неизбежный.

Процесс распада может быть описан на разных уровнях — внутриличностном (как это сделано в упоминавшейся работе Р. Вейса [206]), диадическом, выводящем все закономерности распада из особенностей взаимодействия в диаде [112], групповом, ориентированном на понимание распада в системе взаимоотношений членов пары с другими людьми [170]. Наибольшее внимание в социальной психологии до сих пор уделялось диадическому подходу, который при всех своих преимуществах оставляет за скобками роль общения субъекта с другими людьми (они могут выступать как альтернативные объекты эмоциональных отношений, как референтные группы для оценки своих отношений и т. д.) и с самим собой (мечты, фантазии, самоанализ и пр. могут служить подготовкой к распаду). Необходимо, естественно, учитывать и половые различия — процесс распада отношений проходит у женщин и у мужчин далеко не одинаково.

Одной из немногих попыток синтеза этих подходов является модель процесса распада эмоциональных отношений, предложенная С. Даком [135]. Он делит процесс распада на четыре фазы: интрапсихическую, диадическую, социальную и фазу, получившую название фазы «отделки». Каждая имеет свою специфическую задачу, свои проявления (которые частично могут быть зарегистрированы в ходе эмпирического исследования), свой результат.

Цель интрапсихической фазы состоит в понимании того, что именно в данных отношениях является неудовлетворяющим, идентификации своих проблем с определенными аспектами отношений, повышении уровня удовлетворенности партнером и отношениями с ним. В попытке достижения этих целей субъект повышает внимание к таким характеристикам своих эмоциональных отношений, как справедливость и ра-

156

венство, увеличивается степень личностной атрибуции в описании им действий партнера, растет враждебность к партнеру, стремление оценивать и сравнивать его с другими людьми, появляются тенденции к обсуждению своих отношений с референтами, растет чувство вины и неопределенности, тревожность. Результатом прохождения первой фазы является решение об эксплицировании конфронтации с партнером.

Цели второй, диадической, фазы уже иные. Это, во-первых, конфронтация с партнером, а затем перестройка или прекращение отношений. В течение этой фазы в общении партнеров начинают преобладать негативные моменты, продолжается ухудшение состояния — все больше возрастает чувство вины, тревожности и т. д. Для этой фазы характерны приватные дискуссии между партнерами («выяснение отношений»), экспериментирование со своими отношениями, активный поиск новых форм, склонность к фантазиям о будущем. Все это направлено на поиск возможностей для перестройки и сохранения отношений в их новом варианте. Результатом может быть либо успех на этом пути, либо решение о прекращении отношений.

Задачами третьей фазы являются собственно прекращение отношений, информирование об этом значимых других и получение их «санкций», минимизация негативных (психологических и социальных) последствий прекращения отношений. На этой фазе наблюдается постоянный переход от ссор к примирениям, актуализируется сомнение и тревога по поводу своего будущего, страх одиночества и т. д. Одновременно активизируется тенденция к возложению на партнера ответственности за неудачу, партнеры становятся более общительны и болтливы. В результате они добиваются принятия факта прекращения их эмоциональных отношений окружающими людьми.

Фаза «отделки», протекание которой происходит наиболее индивидуально, посвящена реинтерпретации происходящего с целью создания наиболее благоприятной и нетравмирующей истории эмоциональных отношений с бывшим партнером.

На основе этой модели, которая рассматривает процесс распада эмоциональных отношений как общий по структуре для всех пар, разработаны уже и такие схемы, которые позволяют описать не только

157

общие, но и специфические для данной пары закономерности процесса распада. В качестве примера можно привести последовательность фаз распада, предложенную Л. Ли [167]. Согласно Л. Ли, выявляются пять стадий: осознание неудовлетворенности, выражение неудовлетворенности, переговоры, решение, трансформация. Каждый конкретный случай включает в себя либо полный, либо неполный набор фаз, причем последовательность их может меняться, некоторые появляются больше одного раза и т. д. (Такой индивидуальный вариант распада автор назвал сценарием.) Например, после фазы переговоров субъект может вновь вернуться на фазу осознания неудовлетворенности и начать процесс сначала. Другой вариант — непосредственно после выражения неудовлетворенности перейти к трансформации отношений. Чисто теоретически существует огромное множество вариантов. Проведенный авторами ретроспективный анализ 112 случаев распада эмоциональных отношений дал, однако, возможность несколько сократить число сценариев, выделив наиболее вероятные из них. Отметим, что эта схема сохраняет основное достоинство модели С. Дака — одновременный учет внутрииндивидуальных и межиндивидуальных сторон исследуемого процесса.

Фаза переговоров, по Л. Ли, или диадическая фаза, по Даку, не случайно изучена в психологии более полно, чем остальные стадии процесса

распада эмоциональных отношений. Дело в том, что она входит как основная часть в традиционную для социальной психологии проблематику исследований коммуникации, изучаемую на разных объектах от семьи до торговых или политических отношений. Разработанность этой темы дает возможность не ограничиваться здесь общими предположениями, а строить довольно подробные и структурированные блок-схемы, позволяющие моделировать различные «траектории» распада эмоциональных отношений [112].

Отметим важную особенность процесса распада эмоциональных отношений — он не обязательно направлен на разрыв. Наоборот, наравне с прекращением отношений все время рассматривается возможность их перестройки и сохранения. Попытки такой перестройки (например, схема Л. Ли) могут в ходе процесса распада предприниматься многократно.

158

В то же время развитие и долговременная стабилизация эмоциональных отношений также предполагают их перманентную перестройку с учетом изменения внешних условий и личностных особенностей членов пары. Исследований этого процесса пока нет, но, очевидно, что он принципиально не отличается от тех процессов осознания и выражения недовольства, переговоров и прочего, о которых говорилось выше. Аналогично тому, как невозможно представить себе ровного, бескризисного развития личности взрослого человека (см. Б. Г. Братусь [21]), нереальны и длительные эмоциональные отношения, которые сами участники не подвергают периодически ревизии и пересмотру. Распад и стабилизация — это две стороны одного и того же процесса. Без той феноменологии, которая обычно связывается с процессом распада, отношения не могут развиваться, а следовательно, — и стабилизироваться. Таким образом, процессы распада входят как необходимая составная часть в процессы стабилизации.

Итак, пара, достигшая в развитии своих эмоциональных отношений стадии романтической любви, встает перед задачей выхода из этого принципиально неустойчивого состояния. Этот выход может представлять собой либо стабилизацию, либо распад эмоциональных отношений. Стабилизация, т. е. длительное сохранение эмоциональных отношений, возможна при соблюдении ряда условий, среди которых адекватная организация взаимодействий в паре, наличие у партнеров определенных личностных свойств и некоторые ■ другие. Распад эмоциональных отношений' в паре представляет собой специфический процесс, который не может быть описан ни как одномоментный крах, ни как обратное развитие отношений. Процесс распада характеризуется закономерным переходом через определенные фазы или этапы. Процесс распада не есть патология развития эмоциональных отношений, его результатом не обязательно является их прекращение. Более того, и стабилизация и распад представляют собой разные стороны одного и того же процесса развития эмоциональных отношений в паре, результат которого — сохранение или прекращение отношений — зависит от активных целенаправленных усилий «го субъектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Психологический анализ такой значимой для человека проблемы, какой является проблема эмоциональных отношений, не может ограничиваться констатацией наличия тех или иных фактов или закономерностей — перед ним неизбежно встает вопрос о возможностях и путях оптимизации эмоциональных отношений и целенаправленного воздействия на них. Коррекция эмоциональных отношений, особенно в их долговременном варианте, составляет значительную часть содержания любого психотерапевтического процесса. Это отражает и объективную и субъективную значимость эмоциональных связей с другими людьми для обеспечения психического здоровья, личностной зрелости и достижения высокого уровня адаптации. Поэтому выделять терапию эмоциональных отношений как отдельную практическую задачу вряд ли целесообразно — область получится слишком широкой, охватывающей почти всю психологическую коррекцию. Но, понимая условность выделения отдельной задачи воздействия на эмоциональные отношения, посмотрим все же, как связана практика коррекции отношений с научными психологическими знаниями о закономерностях этих- отношений.

Связь эта крайне слаба, она практически отсутствует. Широко распространенным является мнение, согласно которому психология как наука и психология как практика воздействия и коррекции — две разные и даже не сочетающиеся науки. Распространенность такой позиции среди психологов-практиков приводит и к известному негативизму в адрес «науки». Такая точка зрения стимулируется двумя моментами. Во-первых, как это ни парадоксально, несомненными успехами психокоррекционной работы. К настоящему времени в стране функционирует уже довольно широкая, если сравнивать с недавним прошлым, сеть различного рода психологических служб и консультаций. Опыт показывает, что даже те из них, которые не имеют практически никакого методического обеспечения, укомплектованы лицами самых разных, далеких от

160

психологии специальностей, тем не менее в целом дают положительный эффект. И вообще коррекция эмоциональных отношений стала у нас успешно развиваться раньше, чем академические исследования этой проблематики. Исследования фактически только начались, коррекция же эмоциональных отношений существует столько же, сколько психотерапия в целом. Во-вторых, наши знания о закономерностях эмоциональных отношений пока еще явно недостаточны, они действительно мало что могут дать для психотерапевтической практики.

Долгое время психология исследования и психология воздействия развивались врозь, в идеальном же варианте их развитие должно быть совместным. В конце концов должны быть построены такие модели значимых для человека аспектов реальности, в том числе и эмоциональных отношений, которые позволят увидеть механизм влияния каждого терапевтического акта, вывести каждый результат из структуры психики клиента.

На наш взгляд, такой синтез исследований и воздействий принципиально возможен, хотя он и является делом будущего. Не говоря сейчас об отдаленных перспективах, остановимся на тех аспектах «полезности»

науки об эмоциональных отношениях для практики воздействия на них, которые существуют уже сейчас.

Во-первых, общим местом в рассуждениях о психотерапии и психологическом консультировании стала констатация того, что эффективность работы в значительной степени определяется характером взаимоотношений между психологом и его клиентом и что личность консультанта, его жизненная философия, мироощущение являются важнейшим фактором успеха¹. Отсюда следует, что сама идеология консультанта, его

1 К сожалению, из этого бесспорного факта легко может быть сделан неправильный вывод: тезис о необходимости для консультанта особых личностных качеств подменяется тезисом об их достаточности и, следовательно, необязательности профессиональной подготовки. Не исключено, что именно такое представление о консультационной работе, как, с одной стороны, не требующей долгого, а значит, и неизбежно не всегда интересного обучения, а с другой стороны, являющейся как бы доказательством высокого личностного развития, является одной из причин своеобразной моды на консультационную деятельность — интереса к ней, не всегда обусловленного личными склонностями.

161

Взгляды, поскольку они небезразличны к результату оказываемого им воздействия, должны формироваться под влиянием научных фактов по проблеме эмоциональных отношений. К сожалению, здесь, как и во многих других случаях, дело не только и не столько в том, чтобы вовремя прочесть нужную книгу, эти книги часто еще предстоит написать. Феноменология эмоциональных отношений изучена пока явно недостаточно, что отрицательно сказывается и на тех «имплицитных концепциях отношений», которыми пользуются в своей работе психологи-практики.

Во-вторых, знание психологических законов эмоциональных отношений необходимо консультанту в процессе его подготовки к психокоррекционной деятельности, в частности в процессе обучения новым методам и приемам работы. Ведь в ходе обучения необходимо не только освоить новую технику работы, нужно и понимать, почему в данной ситуации целесообразно использовать именно данный прием, а применение этого метода может привести к негативным последствиям. Обучение методом «проб и ошибок» слишком дорого обходится клиентам психологической помощи, а обучение по принципу «делай, как я», на наш взгляд, неизбежно приводит (даже и в тех случаях, когда объектом для подражания служит очень квалифицированный специалист) к появлению элементов шаманства, идеология чуда захватывает клиентов и самих консультантов. Не способствует это и выработке индивидуального стиля обучающихся консультантов. Сказанное не отрицает роли интуиции, подчеркнем лишь, что сознательное использование различных терапевтических приемов, понимание механизма их воздействия необходимо для консультанта. А для этого в свою очередь необходимо наличие в «арсенале современной психологии знания не только закономерностей индивидуального развития, но¹ и закономерностей эмоциональных отношений.

В-третьих, глубокое понимание психологических особенностей эмоциональных отношений, а значит, и развитие исследований этих проблем абсолютно необходимо тем, кто создает и апробирует новые психокор-

рекордные методы и совершенствует уже известные, а также тем, кто занимается профессиональной подготовкой консультантов. Если слепое, без понимания

162

механизмов воздействия использование терапевтических приемов недопустимо для самого консультанта, то оно становится совершенно абсурдным, когда речь идет о его учителе или инструкторе.

И, наконец, в-четвертых, широкомасштабные исследования эмоциональных отношений необходимы для выработки адекватных представлений о конечной цели терапевтического процесса — хороших отношений, не нуждающихся в консультативной помощи. На первый взгляд может показаться, что наши представления о таких отношениях достаточно структурированы и не нуждаются в уточнении. В действительности же хорошие, стабильно функционирующие отношения описываются на уровне «имплицитных теорий» в основном негативными критериями — это отношения, не способствующие невротизации партнеров, и т. д. Позитивные же критерии практически не сформулированы. Как это ни парадоксально, многолетнее развитие психологического консультирования, прояснив многое в проблематике семейных конфликтов, не привело до сих пор к формулировке реалистических, научно подтвержденных критериев хороших отношений. Таким образом, остро стоит задача исследования не только конфликтных, но и успешных отношений, изучения особенностей их развития.

Могут ли знания закономерностей эмоциональных отношений на том уровне, на котором они развиты к настоящему моменту, быть непосредственно использованы в терапевтической практике? Мы неоднократно обращались к этой проблеме при обсуждении отдельных фактов и зависимостей. Не повторяя сказанного, остановимся на двух моментах. Во-первых, эмпирические результаты относительно закономерностей аттракции могут быть непосредственно использованы для управления эмоциональными отношениями в паре или в группе. Речь идет о возможности варьирования ситуативных переменных (например, новичка в классе нужно посадить за одну из центральных парт, это облегчит его адаптацию), организации совместной деятельности таким образом, чтобы она требовала высокого уровня сотрудничества между участниками работы, изменения восприятия индивидом своих «выгод» от общения и того контекста взаимодействия, в рамках которого он их получает, и т. д.

163

Во-вторых, знание закономерностей детерминации эмоциональных отношений позволяет и клиенту и терапевту лучше понять причины сегодняшних затруднений, более адекватно оценить ситуацию, наметить стратегию коррекционной работы (следует - помнить, что методов, «работающих» всегда, не существует; как именно вести себя с клиентом, что ему говорить, какие давать задания нужно решать в каждом конкретном случае отдельно).

Но в практике терапевтической работы могут быть непосредственно использованы не только факты зависимости эмоциональных отношений в паре от личностных характеристик общающихся индивидов (их абсолютных или относительных выражений) и параметров ситуаций, но и факты,

свидетельствующие об относительной независимости эмоциональных отношений, отсутствию их жесткой детерминации. Большинство клиентов, однако, в такую детерминацию верят, — это позволяет им снять с себя ответственность за свои отношения с другими людьми и передать ее «науке».

Это стремление к снятию с себя ответственности проявляется, например, в том, как видится клиентам 'задача так называемых Служб знакомств. От них ожидается не только успех в поиске партнера по заранее заданным параметрам (в большинстве случаев удовлетворение таких ожиданий невозможно по чисто статистическим соображениям). Они еще должны дать длительный прогноз развития отношений, избавив тем самым человека от необходимости разрешать конфликты, приспосабливаться к партнеру, рисковать — одним словом, строить свои отношения с ним. Но самое главное состоит в том, что прогноз принципиально невозможен. Мы видели, что инвариантные характеристики партнеров, такие, как их личностные свойства, так же, как и соотношения этих характеристик — «совместимость», оказывают весьма слабое влияние на развитие отношений в паре. Но даже если бы детерминация личностными и ситуационными обстоятельствами была бы значительно более жесткой, чем это есть на самом деле, возможность прогноза все равно оставалась бы весьма сомнительной. И это сомнение относится и к возможностям прогнозирования психологических аспектов человеческой жизни вообще.

Прогноз какого-либо процесса, конечно, возможен,

164

но не всегда, а тогда, когда учтены все существенные возмущающие воздействия. Кроме того, в естественных науках прогноз обычно касается не единичного объекта, а некоторой их совокупности. Мы можем рассчитать полет снаряда, потому что представляем себе, какое воздействие на его движение окажут сопротивление воздуха, встречный ветер и т. п., и заранее примиряемся с тем, что отдельные снаряды несколько отклонятся от цели. Человека же, обратившегося за прогнозом, всегда интересует один, конкретный случай — он сам или кто-либо из его близких. Но психологические закономерности носят статистический характер, распространять их на конкретный случай нет никаких оснований, это просто неграмотно. Мы можем знать, например, что 99 из 100 пар с данным соотношением социально-демографических характеристик разводятся в течение первого года после заключения брака. Это, однако, не мешает паре наших клиентов оказаться именно тем сотым случаем, на который эта зависимость не распространяется. Даже очень подробное изучение тысячи пар или тысячи человек не означает знания одного человека или одной пары. Оснований для прогноза крайне мало.

Кроме того, в отличие от естественнонаучного статистического прогноза, здесь есть возмущающий фактор, воздействие которого учесть не представляется возможным. Это сам факт получения прогноза. В зависимости от индивидуальных особенностей субъекта, например, степени его авторитарности, и от его отношения к консультанту он может сделать все для преодоления даже и вполне обоснованного прогноза либо «подчиниться» ему, несмотря на его ошибочный характер.

Люди, верящие в жесткую заданность и предопределенность своих отношений, но желающие их тем не менее улучшить, неизбежно начинают относиться к психотерапии как к чуду, как к магии. Ведь если в наших отношениях все есть функция уже сложившихся внешних и внутренних условий, если внутренние условия, например, социальное происхождение, изменить невозможно, а внешние — не в моей власти и не во власти психотерапевта (просьбы помочь улучшить внешние, допустим жилищные условия, крайне редки), то обращение к психотерапевту может быть рас-

165

шифровано как просьба изменить результат (мои взаимоотношения с людьми, в частности), не затрагивая того, от чего он, по моему мнению, однозначно зависит. Т. е. психотерапевт должен на какое-то время изменить характер тех естественнонаучных закономерностей, которые этот результат определяют, или, иными словами, совершить акт чуда — ведь чудо и представляет собой временное изменение законов природы. Естественно, такая установка на психотерапию как на чудо обслуживает стремление к снятию с себя ответственности за свои отношения.

Точный прогноз, однако, чаще всего невозможен, психотерапия не имеет ничего общего с магией, а характер закономерностей эмоциональных отношений (да и других сторон жизни человека в основном также) таков, что ведущим фактором детерминации их стабилизации и распада является свободная воля человека. Поэтому апелляция к психологии для обоснования своей беспомощности и фатальной предопределенности своей судьбы неадекватна.

Результаты исследований эмоциональных отношений свидетельствуют, что несмотря на наличие объективной и, в начальный период, довольно строгой детерминации их развития различными факторами, человек всегда остается в прямом смысле слова субъектом своих эмоциональных отношений с другими людьми. Он сохраняет за собой свободу вступления в них, их продолжения или прекращения и, следовательно, несет всю полноту ответственности за этот важнейший аспект своей жизнедеятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К-, Энгельс Ф. Немецкая идеология//Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 440.
2. Абалакина М. А. Изучение межличностного восприятия в добрачной паре//Методы исследования межличностного восприятия. — М., 1984.
3. Агеев В. С. Психология межгрупповых отношений. — М., 1983.
4. Абраменкова В. В. Совместная деятельность дошкольников как условие гуманного отношения к сверстникам//Вопр. психологии. — 1980. — № 5.
5. Алешина Ю. Е. Исследование развода в западно-европейских странах и США//Служба семьи: изучение опыта и принципов исследования. — М., 1981.
6. Алешина Ю. Е., Гозман Л. Я. Комплексный подход к проблеме удовлетворенности браком//Социально-демографические исследования

брака, семьи, рождаемости и репродуктивного поведения. ■ — Ереван, 1983.

7. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. — М., 1977.

8. Андреева Г. М. Социальная психология. — М., 1980.

9. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Современная социальная психология на Западе. — М., 1978.

10. Антонов А. И. Социология рождаемости. — М., 1980.

11. Анциферова Л. И. Психология самоактуализирующейся личности в работах А. Маслоу//Вопр. психологии. — 1973. — № 4.

12. Анцыферова Л. И. Материалистические идеи в зарубежной психологии. — М., 1974.

13. Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования. — М., 1984.

14. Бассин Ф. В. О развитии взглядов на предмет психологии//Вопр. психологии.— 1971. — № 4.

15. Бауэр Э. С. Теоретическая биология. — М.—Л., 1935.

16. Бодалев А. А. Формирование понятия о другом человеке как личности. — Л., 1970.

17. Бодалев А. А. Личность и общение//Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. — Краснодар, 1979.

18. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком — М., 1982.

19. Бодалев А. А., Криволап Л. И. О некоторых особенностях формирования у подростков симпатии к другим людям//Общение как предмет теоретических и прикладных исследований. — Ленинград, 1973.

20. Благоняжежина Л. В. Эмоции и чувства//Психология. — М., 1956.

21. Братусь Б. С. К проблеме развития личности в зрелом возрасте//Вестник МГУ. Серия XIV. Психология. — 1980. — №2.

167

22. Бреслав Г. М. Проблемы эмоциональной регуляции общения у дошкольников//Вопр. психологии. — 1984. — № 3. 23. Веккер Л. М. Психические процессы. В 3-х томах. Т. 3 — Л., 1981.

24. Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. — М., 1976.

25. Волков И. П. Социометрические методы в социально-психологическом исследовании. ■ — Л., 1970.

26. Выготский Л. С. Проблема эмоций//Вопр. психологии. — 1958. — № 3.

27. Галигузова Л. Н. Формирование потребности в общении со сверстником у детей раннего возраста//Вопр. психологии. — 1985. — № 5.

28. Гозман Л. Я. О возможности социально-психологического исследования любви//Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. — Краснодар, 1979.

29. Гозман Л. Я. Теоретические предпосылки и методы исследования межличностной аттракции: Автореф. дис. ... канд. психол. наук /МГУ им. М. В. Ломоносова. Психол. фак-т. — М., 1983.

30. Гозман Л. Я. Развитие семьи и проблемы психокоррекционной работы//Медико-психологические аспекты семьи и брака. — Харьков, 1985.

31. Гозман Л. Я-, Алешина Ю. Е. Взаимосвязь отношения к себе и отношения к другим//Вестник МГУ. Серия XIV. Психология. — 1982. — № 4.

32. Гозман Л. Я-, Алешина Ю. Е. Социально-психологические исследования семьи: проблемы и перспективы//Вестник МГУ. Серия XIV. Психология. — 1985. — № 4.

33. Гозман Л. Я-, Алешина Ю. Е. Шкалы любви и симпатии// //Методические программы и методики исследований брака и семьи. — М., 1986.

34. Гозман Л. Я-, Алешина Ю. Е., Еремичева О. О. Тест на уровень удовлетворенности браком//Методические программы и методики исследований брака и семьи. — М., 1986.

35. Голод С. И, Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. — Л., 1984;

36. Залысина И. А., Смирнова Е. С. Некоторые особенности психического развития дошкольников, воспитывающихся вне семьи//Вопр. психологии. — 1985. ■ — № 4.

37. Зейгарник Б. В. Теории личности в зарубежной психологии. — М., 1982.

38. Зинченко В. П. Методологические проблемы психологического анализа деятельности/Эргономика. Труды ВНИИТЭ. Вып. 8. — М., 1974.

39. Изард К, Эмоции человека/Пер, с англ. — М., 1980.

40. Иноземцева В. Е. Система отношений и взаимоотношений учащихся ПТУ//Психологический журнал. — 1981. — № 5.

41. Исследование проблем психологии творчества: Сборник/Под ред. Я. А. Пономарева. ■ — М., 1983.

42. Карцева Т. Б. Изучение индивидуально-личностных особенностей членов дружеских пар//Психологический журнал. — 1981. — №5.

43. Коломинский Я- Л. Психология взаимоотношений в малой группе. ~ М., 1976.

168

44. Кон И. С. Дружба. — М., 1980.

45. Кон И. С. Психология половых различий//Вопр. психологии. — 1981.

46. Кон И. С, В поисках себя. — М., 1984.

47. Кон И. С, Лосенков В. А. Юношеская дружба как объект эмпирического исследования/Проблемы общения и воспитания. Т. 2. — Тарту, 1974.

48. Краткий психологический словарь. — М., 1985.

49. Кроник А. А. Методика экспериментального исследования взаимоотношений в диаде//Психологический журнал. — 1985. — № 5.

50. Кэмпбелл Д. Т. Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: эволюционный аспект/Психологические механизмы регуляции социального поведения. — М., 1981.

51. Лабу некая В. А. Факторы успешности опознания эмоциональных состояний по выражению лица/Психология межличностного познания. — М., 1982.

52. Леонтьев А. А. Психология общения. — Тарту, 1974.
 53. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975.
 54. Локк Д. Мысли о воспитании. — М., 1913.
 55. Ломов Б. Ф. Общение как проблема общей психологии/Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975.
 56. Лосенков В. А. К вопросу о возрастной динамике неформального общения старшеклассников/Общение как предмет теоретических и прикладных исследований. — Л., 1973.
 57. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — Л., 1983.
 58. Магун В. С. Потребности и психология социальной деятельности личности. — Л., 1983.
 59. Макаренко А. С. Книга для родителей. — М., 1957.
 60. Морено Дж. Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе. — М., 1958.
 61. Мудрик А. В. О воспитании старшеклассников. — М., 1976. . 62. Мудрик А. В. Педагогическая концепция личности/Деятельность, игра и общение в детском коллективе. — М., 1982.
 63. Муздыбаев К. Психология ответственности. — Л., 1983.
 64. Насиновская Е. Е., Овчинникова О. В. Влияние эмоциональных переживаний на проявление просоциальной (альтруистической) активности/Категории, принципы и методы психологии. М., 1983.
 65. Новикова Л. И. Коллектив и личность как педагогическая проблема/Советская педагогика. — 1966. — № 11.
 66. Ньюком Т. Исследование согласия/Социология сегодня. — М., 1965.
 67. Обозов Н. Н. Межличностные отношения. — Л., 1979.
 68. Обозов Н. Н. Совместимость и срабатываемость людей/Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. — Краснодар, 1979.
 69. Палей И. М., Магун В. С. Психологическая характеристика и предпосылка ее социальных потенциалов/Социальная психология. Л., 1979.
- 169
70. Петровская Л. А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. — М., 1982.
 71. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. — М., 1982.
 72. Петровский А. В., Петровский В. А. Индивид и его потребность быть личностью//Вопр. философии. — 1982. — № 3.
 73. Полонский И. С. Психологические особенности стихийных внешкольных групп подростков и юношей. — Автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1970.
 74. Психодиагностические методы в комплексном лонгитюдном исследовании студентов: Сборник.— Л., 1976.
 75. Психологическая теория коллектива: Сборник/Под ред. А. В. Петровского. — М., 1979.
 76. Раев М. А. Психологическая близость со значимыми лицами и некоторые особенности самооценки старшеклассников/ /Проблемы общения и воспитание. Т. 2. — Тарту, 1974.
 77. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. — М., 1973.

78. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения: Сборник/Под ред. В. А. Ядова. — Л., 1979.

79. Сарджвеладзе Н. И. Исследование связи между социальным сходством и притяжением в зарубежной социальной психологии/Психологический журнал. — 1982. — № 2.

80. Саркисян Ш. В. Особенности познаний людьми друг друга в условиях совместной деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук/МГУ им. М. В. Ломоносова. Психол. фак.-т.

• М., 1980.

81. Селье Г. Стресс без дистресса/Пер. с англ. — М., 1979.

82. Симонов П. В. Теория отражения и психофизиология эмоций. — М., 1970.

83." Соловьев В. С. Смысл любви//Вопросы философии и психологии. — 1894. — № 1.

84. Снегирева Т. В. Восприятие сверстников и взрослых подростками и старшеклассниками//Вопр. психологии.— 1985.— № 5.

85. Столин В. В. Самосознание личности. — М., 1983.

86. Столин В. В., Бутенко Г. П., Романова Т. Л. Опросник удовлетворенности браком//Вестник МГУ. Серия XIV. Психология. — 1984. — № 2.

87. Тавит А. Ценностные ориентации лиц, вступающих в брак/Проблемы семьи. Т. 2. — Тарту, 1975.

88. Тийт Э. О факторах, влияющих на стабильность брака/Проблемы семьи. Т. 3. — Тарту, 1978.

89. Трапезникова Т. М., Иванова Е. П. Психологические и социально-психологические факторы, определяющие семейную конфликтность/Семья и личность. — М., 1981.

90. Трусов В. П. Социально-психологические исследования когнитивных процессов. — Л., 1980.

91. Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. — М., 1974.

92. Устименко С. Ф. Межличностные отношения трудных подростков//Вопр. психологии. ■ — 1984. — № 1.

93. Фрейд З. Очерки психологии сексуальности. — М., 1922.

94. Ханин Ю. Л., Буланова Г. С. Статус и эмоциональное состояние личности в группах разного уровня развития//Вопр. психологии. — 1981. — № 5.

170

95. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. — М., 1979.

96. Цветова Л. С. и др. Социально-психологический аспект реабилитации больных с афазией. — М., 1980.

97. Цукерман Г. А., Романеева М. Л. Кооперация со сверстниками как существенное условие обучения младших школьников//Вопр. психологии. — 1982. — № 1.

98. Шингарев Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. .— М., 1971.

99. Шихирев П. Н. Исследования социальной установки в США/Вопросы философии. — 1973. — № 2.

100. Шрейдер Ю. А. Ритуальное поведение и формы косвенного целелеполагания/Психологические механизмы регуляции социального поведения. — М., 1979.

101. Щукина Г. И. Проблема познавательного интереса в педагогике. — М., 1971.
102. Эткинд А. М. Социально-психологическое исследование эмоций в США//Социально-психологические исследования в психоневрологии. — Л., 1980.
103. Эткинд А. М. Эмоциональные компоненты самоотчетов и межличностных суждений//Вопр. психологии. — 1983. — № 2.
104. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности/Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975.
105. Янкова З. А. Советская женщина. <— М., 1978.
106. Ярошевский М. Г. Экзистенциальная психология и проблема личности//Вопр. психологии. — 1973. — № 6.
107. Ярошевский М. Г. История психологии. — М., 1976.
108. Altman I., Taylor D. Social penetration. — N. Y., 1973.
109. Andreeva G., Gozman L. Interpersonal relationships and social context//Personal Relationships. Vol. 1. — L., 1981.
110. Anderson N. Functional measurement and psychophysical judgment // Psychological Review. 1970. — Vol. 77.
111. Aronson E. The social animal. — San Francisco, 1972.
112. Baxter L. Trajectories of relationships disengagement//J. of social and personal relationships. — 1984. — Vol. 1.
113. Berman L., Syme S. Social networks, host resistance and mortality//American J. of epidemiology. — 1979. — V. 109.
114. Berscheid E., Walster E. A little bit about love//Foundations of interpersonal attraction. — N. Y., 1974.
115. Berscheid E., Walster E. Interpersonal attraction. — Boston, 1978.
116. Berscheid E., Peplau L. An emerging science of relationships//Close relationships. — N. Y., 1983.
117. Bloom B., Asher S., White S. Marital disruption as a stressor//Psychological Bulletin. — 1978. — V. 85.
118. Byrne D. The Attraction paradigm. — N. Y., 1971.
119. Byrne D., Ervin C, Lambert J. Continuity between the experimental study of attraction and «real life» computer dating//J. of personality and social psychology. — 1970. — V. 16.
120. Byrne D., Giffitt W. Interpersonal attraction//Annual review of psychology. — 1973. — V. 24.
121. Campbell A., Converse P., Rodgers W. The quality of american life. — N. Y., 1976.
- 171
122. Carnegie U. How to win friends and influence people. — N. Y., 1934.
123. Casier L. Toward a re-evaluation of love//In: Symposium on love. — N. Y., 1973.
124. Cook M. (ed.) The bases of human sexual attraction. — L., 1981.
125. Corey J. I never knew I had a choice. — Montrey, 1983.
126. Corey J. Theory and practice of counseling and psychotherapy. — Montrey, 1986.

127. Cunningham J., Ahull I. Love in developing romantic relations // *Personal Relationships*, 2. — L., 1981.
128. Dean D. Romantitism and emotional maturity//*Marriage and family living*. — 1961. — V. 28.
129. Dion K. Physical attractiveness and interpersonal attraction.//*Love and attraction*. — Oxford, 1979.
130. Dion K-, Dion K. Correlates of romantic love//*J. of counseling and clinical psychology*. — 1973. — V. 41.
131. Driscall R., Davis K., Lipitz M. Parental interference and romantic love: the Romeo and Juliet effect //*J. of personality and social psychology*. — 1972. — V. 24.
132. Duck S. Attitude similarity and interpersonal attraction//*British J. of Social and clinical psychology*. — 1975. — V. 14.
133. Duck S. The study of acquaintantce. — L., 1977.
134. Duck S. Toward a research map for the study of relationship break-down//*In: Personal Relationships* 4. — L., 1982.
135. Duck S. A topography of relationship desingagment and dis-breakdown//*In: Personal Relationships* 4. — L., 1981.
136. Dutton D., Aron A. Some evidence for heightened sexual attraction under condition of high anxiety//*J. of personality and social psychology*. — 1974. — V. 30.
137. English H., English A. A comprehensive dictionary of psychological and psychoanalitical terms. — N. Y., 1958.
138. Fiore A., Swensen C Analysis of love relationships in functional and dysfunctional marriages // *Psychological Reports*. — 1977. — V. 40.
139. For gas J., Dobosz P. Dimentions of romantic involvement// *Social psychology quarterly*. — 1980. — V. 43.
140. Foundations of interpersonal attraction. — N. Y., 1974.
141. Freedman J. Happy people. — N. Y., 1978.
142. Fromm E. The art of loving. — N. Y., 1954.
143. Goldstein M., Kilrow M., Van de Voort D. Gaze as a function of conversation and degree of love//*J. of psychology*. — 1976. — V. 92.
144. Griffitt W., Veitch R. Hot and crowded: influences of population density and temperature on interpersonal attraction II i. of personality and social psychology. — 1971. ■ — V. 18.
145. Gubbennesch H., Hunt L. The relative accuracy of interpersonal perception of high and law authoritarians//*J. of experimental research in personality*. — 1971. — V. 5.
146. Hatfield E., 7 raupmann J., Sprecher S., Utne M., Hay J. Equity and intimate relations // *Compatible and incompatibile relations*. — N. Y., 1984.
147. Hattis R. Love feelings in courtshipcouples: an analysis// *Readings in humanistic psychology*. — N. Y., 1969.
- 172
148. Hartow H. the nature of love //*The practice of love*. — L, 1976.
149. Hill C, Rubin Z., Peplau L. Breakups before marriage: the end of 103 affairs //*J. of social issues*. — 1976. — V. 32.
150. Homans G. The human groups. — N. Y., 1950.
151. Homans G. Social behavior: it's elementary forms. — N. Y,, 1972,
152. Hornstein H. Cruelty and kindness. — Englewood Cliffs, 1976.

153. Huston T. Ambiguity of acceptance, social desirability and dating choice//J. of experimental social psychology. — 1973. — V. 9.

154. Huston T., Levinger G. Interpersonal attraction and relationships//Annual review of psychology. — 1978. — V. 29.

155. Seeker J., Landy D. Liking a person as a function of doing him a favor//Human relations. — 1969. — V. 22.

156. Jones S. Self and interpersonal evaluations esteem theories vs. consistency theories//Psychological bulletin. — 1973. — Vol. 79.

157. Kelley H., Berscheid E., Christensen A., Harvey J., Huston T., Levinger G., McCuntok E., Peplau L., Peterson D. Close relationships. — N. Y., 1983.

158. Kemper T. A social interaction theory of emotions. — N. Y., 1978.

159. Kephart W. Some correlates of romantic love//J. of marriage and the family. — 1967. — Vol. 27.

160. Kephart W. The «dysfunctional» theory of romantic love//J. of comparative family studies. — 1970. — Vol. 1.

161. Kerckhoff A. The social context of interpersonal attraction.// Foundation of interpersonal attraction. — N. Y., 1974.

162. Kerckhoff A., Davis K. Value consensus and need complementarity in mate selection//American sociological review. — 1962. — Vol. 27.

163. Kiesler C, Goldberg G. Multidimensional approach to the experimental study of interpersonal attraction // Psychological reports. — 1968. — Vol. 22.

164. Kiesler S., Baral R. The search for a romantic partner // Personality and social behavior. — Reading, Mass., 1970.

165. Latta R. There is method in our madness: interpersonal attraction as a multidimensional construct//J. of research in personality. — 1976. — Vol. 10.

166. Lasky E. Physical attractiveness and its relation to self esteem//Love and attraction. — Oxford, 1979.

•167. Lee L. Sequences in separation//J. of social and personality relationships. — 1984. — Vol. 1.

168. Lerner M. Social psychology of justice and interpersonal attraction // Foundation of interpersonal attraction. — N. Y., 1974.

169. Levinger G. Development and change//In: Close relationships. — N. Y., 1983.

170. Levinger G. A social psychological perspective of marital dissolution//J. of social issues. — 1976. — V. 32.

171. Liberman K. Handbook of marital therapy. — N. Y., 1980.

172. Livson N. The physical attractive woman at age 40//Love and attraction. — Oxford, 1979.

173

173. Mandler G. Mind and emotion. — N. Y., 1975.

174. Martin L, Seta S. Perception of unity and distinctiveness as determinants of interpersonal attraction//J. of personality and social psychology. — 1983. — V. 44.

175. Maslow A. Motivation and personality. — N. Y., 1972.

176. Montagu A. A scientist looks at love//The practice of love.— L., 1975.

177. Murstein B. A theory of marital choice and its applicability to marriage adjustment//Theories' of attraction and love. — N. Y., 1971.
178. Neimeyer G., Neimeyer R. Functional similarity and interpersonal attraction//J. of research in personality. — 1981. — V. 15.
179. Newcomb T. The acquaintance process. — N. Y., 1961.
180. Pellegrini I. Sex differences in the perception of romantic love-mate attraction//Perceptual and motor skills. — 1978. — V. 47.
181. Peplau L., Perlman D. (eds.). Loneliness: A sourcebook of current theory, research and therapy. — N. Y., 1982.
182. Reik T. A psychologist looks at love. — N. Y., 1944.
183. Reis H., Nezler J., Wheeler L. Physical attractiveness in social interaction//J. of personality and social psychology. — 1980. — V. 38.
184. Rogers C. On becoming a person. — Boston, 1961.
185. Rosenblatt P. Cross-cultural perspective on attraction// Foundations of interpersonal attraction. — N. Y., 1974.
186. Rubin Z. Measurement of romantic love//J. of personality and social psychology. — 1970. — V. 16.
187. Rubin Z. From liking to loving: patterns of attraction in dating relationships // In: Foundations of interpersonal attraction. — N. Y., 1974.
188. Rubin Z., Hill C, Peplau L, ■ Duncel-Schetter C Self-disclosure in dating couples: sex roles and the ethic of openness//J. of marriage and the family. — 1980. — V. 42.
189. Sarnoff I., Zimbardo P. Anxiety, fear and social isolation.// J. of abnormal and social psychology. — 1961. — V. 62.
- 190 Schachter S. The psychology of affiliation. — Stanford, 1959.
191. Schachter S., Singer J. Cognitive, social and physiological determinants of emotional states//Psychological review. — 1962. — V. 69.
192. Segal M. Alphabet and attraction: an unobtrusive measure of the effect of propinquity in a field setting //J. of personality and social psychology. — 1974. — V. 30.
193. Sharabany R., Gershony R., Hpfman E. Girlfriend, boyfriend: age and sex differences in intimate friendship//Developmental psychology. — 1981. — V. 17.
194. Shérif M., Shérif C. Groups in harmony and tension. — N. Y., 1953.
195. Sigal H., Aronson E. Liking for an evaluator as a function of her physical attractiveness and nature of her evaluations //J. of experimental social psychology. — 1969. — V. 5.
196. Silverman I. Physical attractiveness and courtship//Sexual behavior. — 1971. — September.
197. Stroebe W. Self-esteem and interpersonal attraction//In: Theory and practice of interpersonal attraction. — L., 1976.
- 174
198. Tesser A. Evaluative and structural similarity of attitudes as determinants of interpersonal attraction //J. of personality and social psychology. — 1971. — V. 18.
199. Touhey J. Interpersonal congruency, attitude similarity and interpersonal attraction // J. of research in personality. — 1975. — V. 9.
200. Udry R. The social context of marriage. — Philadelphia, 1971.

201. Valins S. Cognitive effect of false heart-rate feedback//J. of personality and social psychology. — 1966. — V. 4.
202. Walster E. The effect of self-esteem on romantic liking. — J. of experimental social psychology. — 1965. — V. 1.
203. Walster E., Walster G. Effect of expecting to be liked on choice of associates // J. of abnormal and social psychology. — 1963. — V. 67.
204. Walster E., Walster G. A new look at love. — L., 1978.
205. Walster E., Walster G., Berscheid E. Equity theory and research. — Boston, 1978.
206. Weiss R. The emotional impact of marital separation//J. of social issues. — 1976. — V. 32.
207. Winch R. Mate-selection: a study of complementary needs. — N. Y., 1958.
208. Wright P. A model and a technique for studies of friendship.//J. of experimental social psychology. — 1969. — V. 5.
209. Wylie R. The self-concept. V. 2. — Lincoln, 1979.
210. Zaions R. Attitudinal effects of mere exposure//J. of personality and social psychology. — 1968. — V. 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава I. Эмоциональные отношения как предмет психологического исследования	5
§ 1. Проблема эмоциональных отношений в системе психологической науки	5
§ 2. Актуальные проблемы исследования эмоциональных отношений	23
§ 3. Регулятивная роль эмоциональных отношений	35
Глава II. Эмоциональные отношения на первом этапе их развития — психология симпатии	43
§ 1. Симпатия как реакция на свойства объекта	43
§ 2. Симпатия и соотношение свойств между субъектом и объектом	56
§ 3. Симпатия и взаимодействие	63
§ 4. Симпатия и свойства ее субъекта	76
Глава III. Эмоциональные отношения в развитии — от симпатии к любви	92
§ 1. Динамика эмоциональных отношений	92
§ 2. Внутренняя структура эмоциональных отношений — факторно-аналитическое исследование	100
§ 3. Психологический анализ любви	109
§ 4. Эмоциональные отношения и социальный контекст	129
Глава IV. Проблемы стабилизации и распада эмоциональных отношений	141
§ 1. Закономерности стабилизации эмоциональных отношений	150
2. Закономерности распада эмоциональных отношений	151
Заключение	159
Литература	165